

НОВЫЕ МОГИЛЬНИКИ РАННЕЙ БРОНЗЫ НА ВЕРХНЕЙ ОБИ

В течение длительного времени в Верхнем Приобье были известны только могильники, относящиеся к андроновской и ирменской культурам, раскопанные в разные годы С.М.Сергеевым, А.П.Мариновым, М.П.Грязновым, А.П.Уманским и Н.А.Членовой /1; 2; 3; 4; 5/. В 1970 г. Д.Г.Савиновым исследован Осинкинский могильник эпохи бронзы, давший великолепные бронзовые изделия, относящиеся к поздним сейминско-турбинским формам /6/. Разрушенные погребения могильника Волчиха были зафиксированы В.А.Могильниковым на Среднем Алае в 1973 г. и отнесены им к самусьско-сейминскому пласту /7/. И лишь в конце 1970-начале 1980-х гг. были открыты могильники ранней бронзы, давшие погребения с разнообразным инвентарем. Один могильник найден прямо в Барнауле, но, к сожалению, он застроен домами ул.Поселковой. В оползнях берега собраны кости человека, каменный наконечник стрелы и фрагменты не менее чем от 10 сосудов /8, с.13-14/. Второй могильник был обнаружен автором у д.Елунино Павловского района /9/, а третий - в устье р.Алей В.Б.Бородаевым /10/. В 1985 г. автором найден могильник Цыганкова Сопка, частично исследованный в 1986 г. Кроме этих памятников автором в ходе работ на озере Иткуль встречены могильник Комсомольский Мыс, давший два погребения с трупосожжением и развалами сосудов /11/, и несколько погребений ранней бронзы на поселении Озерки Восточные /12/.

ЕЛУНИНСКИЙ ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК I. Находится на левом высоком берегу Оби в центральной части с.Елунино Павловского района. Берег здесь образует длинный узкий мыс, с южной стороны которого находится овраг. Территория могильника почти полностью разрушена вырытыми здесь силосными траншеями. Могилы располагались в ряд, вытянутый с северо-востока на юго-запад. Центральная часть ряда срезана бульдозером при ремонте подъездной дороги, три могилы оказались разрушены частично, а от четвертой сохранились только следы.

М о г и л а I. Находилась в восточной части ряда. Она не имела четких границ, а ее западная часть срезана бульдозером. В

могила была похоронен мужчина возмужалого возраста (здесь и далее определения В.А.Дремова), лежащий на левом боку со скорченными ногами, головой на восток с небольшим отклонением к северу. Руки были согнуты в локтях и находились перед лицом. По определению А.И.Стерлики, рост мужчины 180-185 см, у него был туберкулез бедренной кости правой ноги, и он при жизни сильно хромял. Перед лицом умершего несколько наклонно стоял горшок, украшенный оттисками шагающей гребенки, иногда переходящей в отступающую (рис.1-1). Своим краем сосуд прижимала рукоять бронзового ножа со скульптурным навершием. На донце рукояти изображена голова лошади с развизавшейся поверх лучей солнца гривой. Сама рукоять украшена заштрихованными ромбами (рис.2-4). Длина ножа около 30 см. Несколько ниже ножа, перпендикулярно ему, лежал каменный осалок-брусок (рис.1-3), видимо, предназначенный для заточки металлических предметов. Брусок с двух сторон имеет прорезанные желобки для подвешивания. У ног лежали кости лошади.

М о г и л а 2. Находилась юго-западнее могилы I на глубине 1,6 м от дневной поверхности и 0,6 м в материке и была вытянута по линии север-юг. Однако примерно половина ее была по диагонали срезана бульдозером. В могиле было проведено частичное трупосожжение. Сохранились ребра, кости таза, часть позвонков и обломки бедренных костей. Среди костей найдены угли. Умерший, видимо, лежал головой на север или северо-северо-восток в скорченном положении. По углям была получена радиоуглеродная дата этой могилы 3560 ± 30 лет (OX AH - 1893) или 1610 ± 30 г. до н.э. /13, с.76/.

М о г и л а 3. Была вытянута с запада на восток, восточная часть срезана бульдозером. Размеры сохранившейся части - $2,3 \times 1,3$ м, глубина в материке - 0,6 м. В могиле похоронен мужчина зрелого возраста, лежащий скорченно на левом боку, головой на восток. В головах лежали кости лошади и камень, в ногах стоял сосудик в виде чаши, украшенный оттисками отступающей гребенки (рис.1-2). Здесь же лежали каменный диск (рис.3-9) и необработанный камень, кости почти целого скелета овцы (определение Т.В.Калашиковой). В южной части могилы находились бедренные кости грудного ребенка. Видимо, это было парное захоронение. В заполнении могилы встречены кости лошади и крупного рогатого скота.

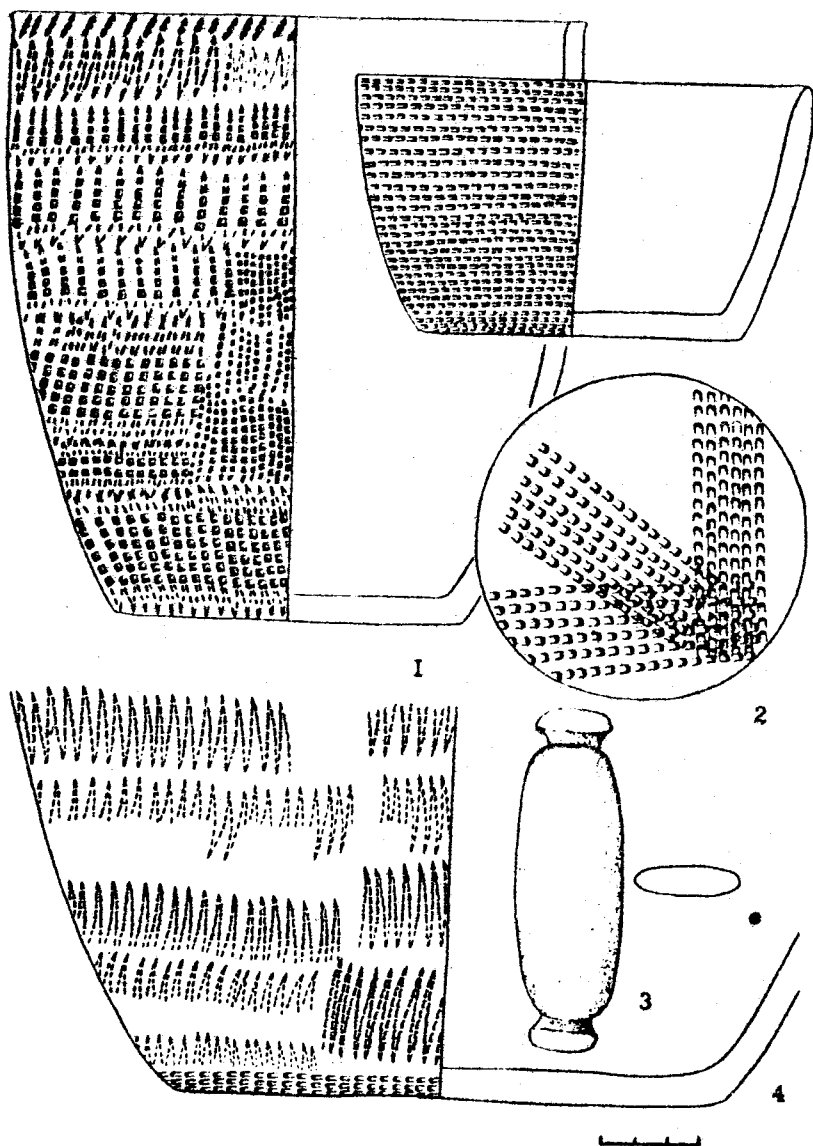

Рис. I. Инвентарь могильников Елунино I (1-3) и Староалейка 2 (западный раскоп)

МОГИЛЬНИК СТАРОАЛЕЙКА 2. Находится на узком высоком мысу, образованном при впадении р.Алей в Обь. Восточный край мыса обрывистый (35-40 м), под ним находится Курья (старое русло Оби), западный плавно опускается к р.Алей, на берегу которой находится с.Староалейка. Могильник открыт В.Б.Бородаевым в 1978 г. Тогда же им было вскрыто пять могил, три из которых относились к эпохе ранней бронзы (№ 1,2,4). Автором могильник исследовался в 1980-1982 и 1986 гг., в ходе этих работ расчищено 21 погребение эпохи ранней бронзы и найдено несколько развалов сосудов. Материалы трех погребений, раскопанных В.Б.Бородаевым, опубликованы /10, с.79-83/. В могиле 2 был найден сосуд (рис.4-3), а из коллективного погребения № 1 В.А.Дремовым были определены два черепа, принадлежавшие мужчине 35 лет и женщине 50-60 лет.

На площади могильника было заложено четыре раскопа в южной, северной, восточной и северо-восточной его частях, общей площадью около 4 тыс. кв.м, где были встречены и погребения раннего железа. Нумерация могил ранней бронзы и раннего железа давалась сплошная по мере нахождения.

М о г и л а 6. Была вытянута с запада на восток. Ее размеры 2,8х1,85 м и глубина 0,65 м от современной дневной поверхности. В центре и ближе к южной стенке на глубине 0,45 м прослеживалось скопление костей чел. века, сваленных беспорядочно. Здесь были два черепа, несколько бедренных костей, торчащих вертикально, ребра, кости таза, локтевые и плечевые кости. При этом один череп лежал поверх скопления костей, а второй, наоборот, сверху был перекрыт костями таза и бедренными. По остальной части могилы в беспорядке были разбросаны обломки ребер, бедренных костей, таза, нижняя челюсть и другие кости. На дне могилы у западной стенки был похоронен ребенок 6-8 лет, лежащий на спине с согнутыми в коленях ногами. С восточной стороны скелета ребенка лежала нижняя часть ноги лошади. У северной стенки кости оказались посыпаны охрой, здесь же найден массивный черешковый костяной наконечник стрелы, четырехгранный в сечении (рис.3-12). Среди костей человека встречались зубы и кости лошади. В южной и северной сторонах ниже дна могилы расчищены две канавки размером 1,43х0,28 и 1,45х0,24 м, обе глубиной 0,25 м, имеющие четкую прямоугольную форму. В южной канавке лицевой частью вниз были положены четыре черепа, пятый стоял на

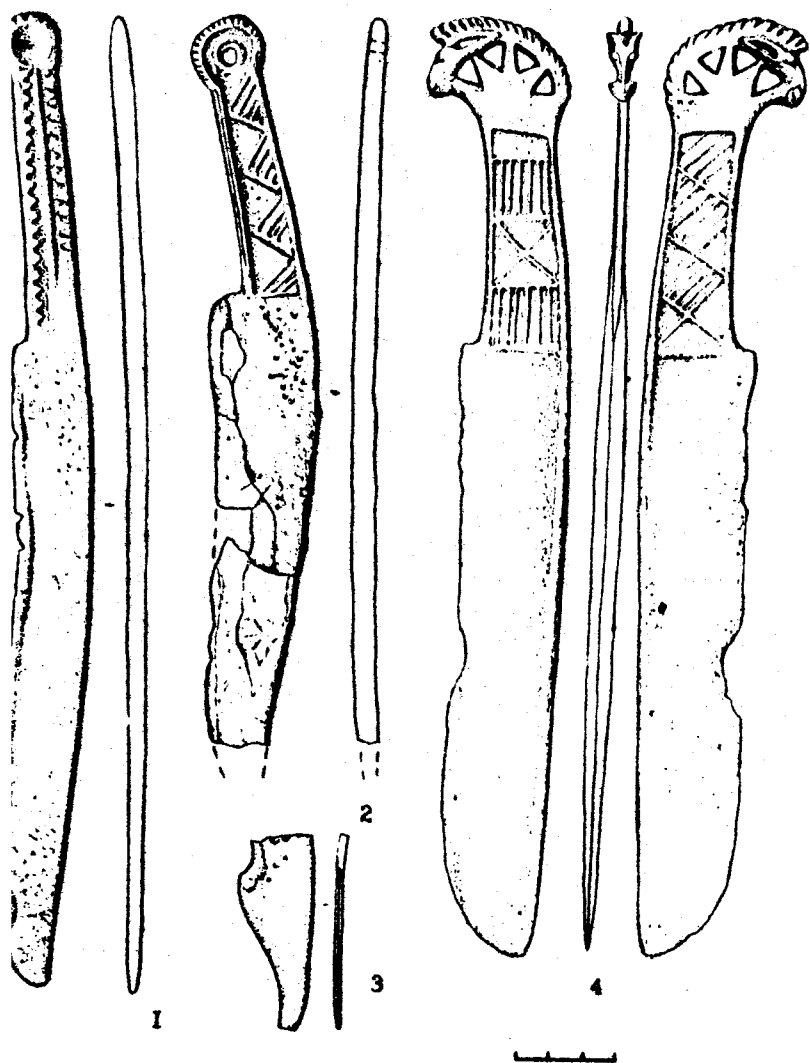

Рис. 2. Инвентарь могильников Цыганкова Сотка 2 (1-3) и Блудно I (4)

основании, лицевой частью к южной стенке. Третий череп в верхней части был разрушен, причем удар был настолько силен, что череп почти полностью лопнул. Под черепами 2 и 3 найдена бедренная кость. В северной канавке лежало три черепа, все лицевой частью вниз. По углам могилы зафиксированы следы столбовых ям диаметром 0,3-0,35 и глубиной 0,4-0,45 м. Видимо, на этих столбах крепилось перекрытие или навес, возвышавшийся над могилкой, куда могли складывать умерших. Видимо, специально были похоронены восемь черепов и ребенок, а трупы умерших или только их части укладывали на навес. Многих костей не хватает. После того, как навес обрушился и кости свалились вниз, могилу засыпали землей. По определению А.И.Стерлин, в могиле были захоронены части скелетов взрослых, 3-5 детей и полностью скелет ребенка 6-8 лет /14/. По определению В.А.Дремова, выделяются следующие черепа. В скоплении костей находились черепа мужчины 30-40 лет и молодой женщины. В траншеях найдены черепа 4 мужчин 30-40 лет, около 25 лет, около 30 лет, женщин 20-30 лет, около 30 лет, женщин 20-30 лет, до 35 лет, женщины (?) 25-30 лет, обломки черепа юношеского возраста и череп ребенка около 10 лет. Кроме этого, найдены обломки черепа ребенка до 1 года.

Видимо, данное погребение представляло собой ритуальное захоронение черепов людей и вторичное захоронение отдельных частей скелетов над ними.

М о г и л а 8. Находилась в гумусированном слое в обрыве берега и была частично разрушена оползнем. В ней расчищены части скелета ребенка в возрасте до 10 лет и два обломка сосуда, орнаментированного отступающей гребенкой.

М о г и л а 15. Ее размеры 1,2х0,6, глубина 0,3 м. В ней был похоронен ребенок, лежащий в скорченном положении головой на восток. От скелета сохранились череп и крупные кости конечностей. В 0,2 м к югу от черепа стоял небольшой сосуд, украшенный отступающей гребенкой (рис.4-5).

М о г и л а 17. Прослеживалась четким пятном прямоугольной формы, вытянутым с северо-востока на юго-запад, размером 1,5х1,0 м и глубиной в материке 0,3 м. В заполнении встречены угли и следы охры.

М о г и л а 18. Приблизительные размеры ее 1,1х0,6м, глубина в материке 0,4 м. Ориентирована по линии запад-восток. В

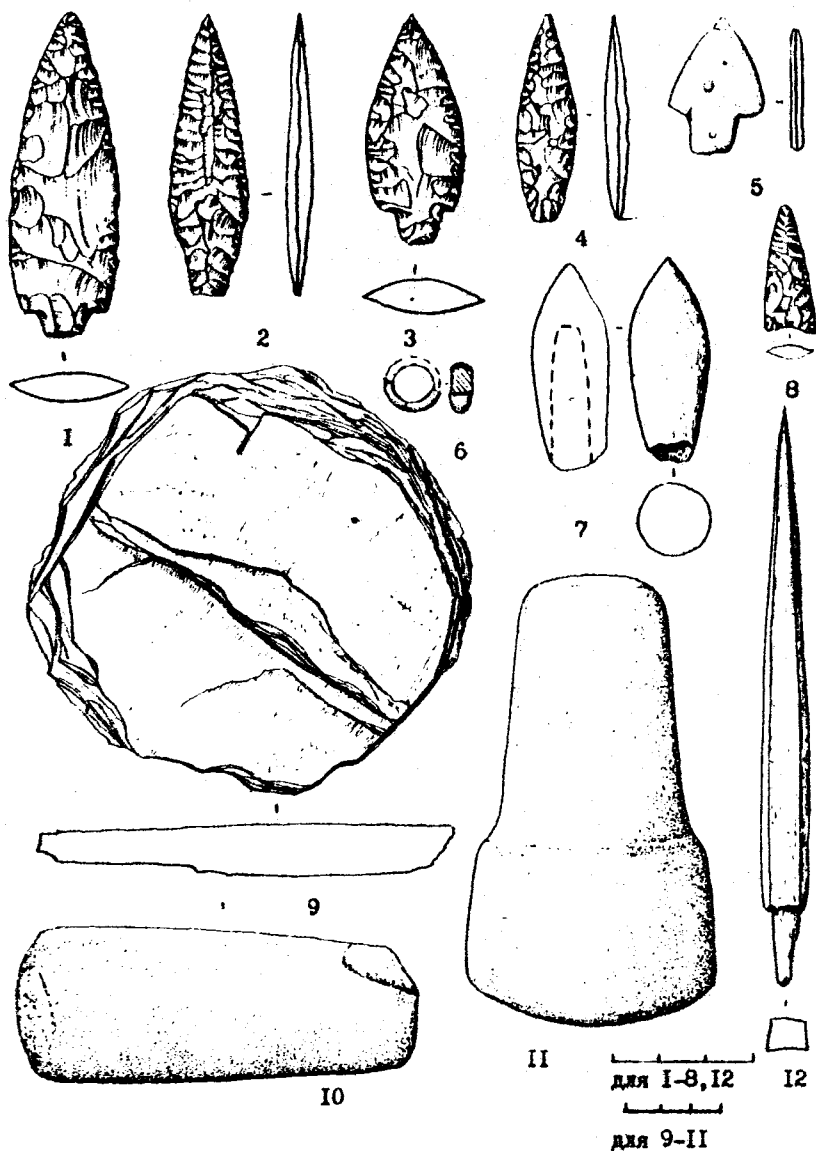

Рис.3.Инвентарь могильников Цыганкова Сопка 2 (1-5,7,8), Староалейка 2 (6,10,11,12) и Елунино I (9)

ней похоронена женщина (?) 30-40 лет, лежащая в скорченном положении на левом боку, головой на восток. Кисти и пяточные кости не сохранились, правая рука вытянута вдоль тела и согнута в локте, левая вытянута на юго-запад. Кости таза лежали параллельно дну могилы, а ноги были согнуты в коленях. Едва ли ноги находились в вертикальном положении и только потом завалились на бок. Этому противоречит маленькая глубина могилы, отсутствие сруба. На дне могилы встречались угли, а само дно было посыпано охрой. В 0,15 м к югу от черепа стоял сосуд (рис.4-1).

М о г и л а 22. Имела слабовыраженное пятно овальной формы, вытянутое с северо-запада на юго-восток, размером 1,65x1,0 м и глубиной 0,25 м. Содержала остатки трупосожжения в виде обожженных костей человека и углей. В северо-западной части стоял горшок (рис.4-2).

М о г и л а 23. Не имела четких границ. Приблизительные размеры ее 2,1x1,85 м и глубина 0,87 м от дневной поверхности. В могиле в беспорядке лежали кости и черепа двух женщин 16-20 лет и около 20 лет. В перемешку с костями лежали кости овцы, кусочки дерева, фрагменты сосуда (рис.5-2). Оба черепа находились в восточной части. Здесь же на дне могилы лежали один на другом два песта (рис.3-10,11).

М о г и л а 25. Могильное пятно прослеживалось слабо. Его размеры 1,05x0,7 м, глубина - 0,5 м. В заполнении могилы встречены мелкие угольки и вкрапления охры. В могиле находился скелет мужчины 25-30 лет в скорченном положении, на левом боку, головой на восток. Правая рука вытянута на юго-восток. Ноги согнуты в коленях. На костях скелета зафиксированы остатки охры, а на правом предплечье - следы ожога.

М о г и л а 42. Находилась у обрыва и частично разрушена. Размеры сохранившейся части 2,45x1,4, глубина - 0,85 м. Могила была вытянута по линии СВВ-КЗЗ. В заполнении встречались зола и органический тлен. На дне лежали кучкой кости человека, череп, бедренные кости, ребра, таз и позвонки. Среди них найдены фрагменты сосуда, обломок бронзового предмета. Кости находились на плашках, лежавших вдоль могилы. Сохранились остатки 8 плашек толщиной до 3 см и длиной от 0,7 до 1,8 м.

М о г и л а 43. Размеры ее, видимо, 1,5x1,1 м, глубина 0,55 м. Вытянута по линии СВВ-КЗЗ. Разрушена при сооружении могилы раннего железного века, которая была разграблена. В центре

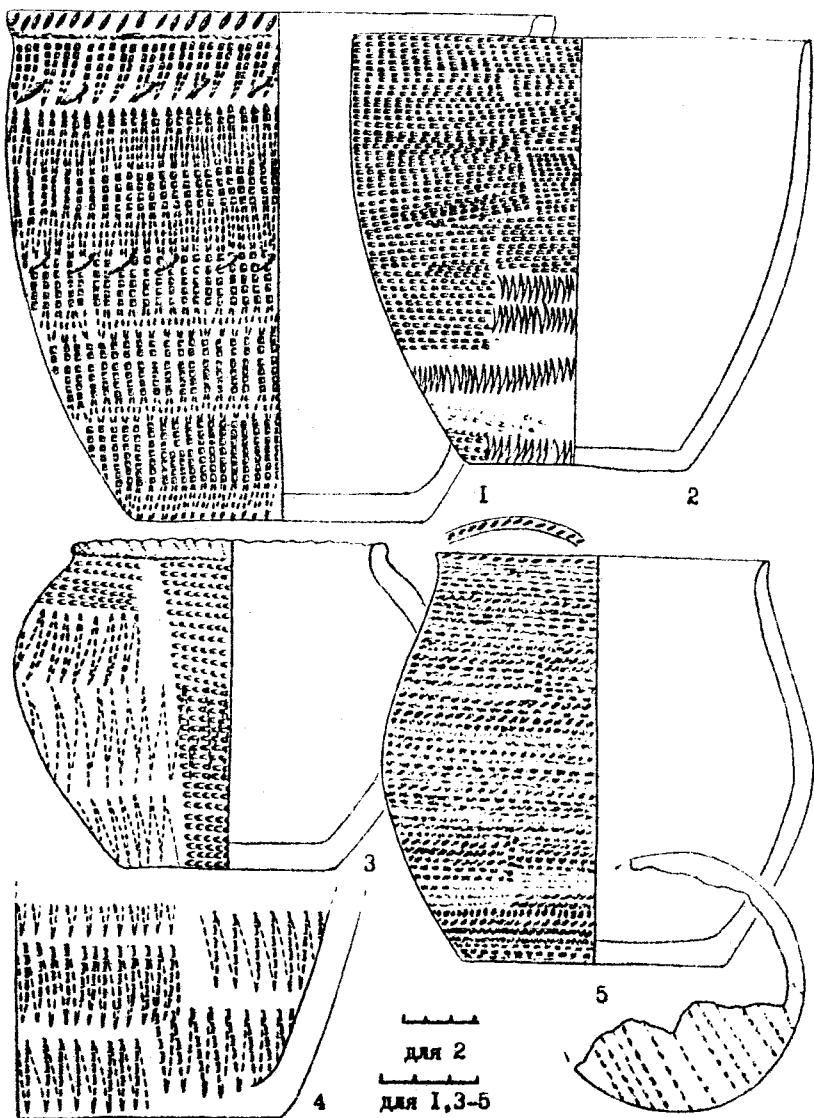

Рис. 4. Керамика могильника Староалейка 2

найлены обломки черепа и таза, у южной стенки — обломки сосуда (рис.5-3).

М о г и л а 49. Находилась на краю обрыва и частично обрушилась, была вытянута по линии СВ-ЮЗ. Размеры сохранившейся части 1,1х0,85 м, глубина 0,3 м. На дне могилы лежали остатки скелета, положенного скорченно на левом боку, головой на СВ, ноги согнуты, левая рука вытянута к коленям. Не было черепа и грудной клетки, но выше костяка в заполнении встречены челюсть и некоторые кости.

М о г и л а 51. Была вытянута с ССВ на ЮЗ, имела подпрямоугольную форму размером 1,7х1,45 м и глубину 1,0 м. Пятно появилось на глубине 0,6 м. В заполнении встречены угли и кусочки охры. На дне и несколько выше его находились в беспорядке кости человека, окрашенные охрой. Возможно, могила ограблена или это вторичное погребение.

М о г и л а 53. Ориентирована по линии ССВ-ЮЗ. Размеры ее 1,05х1,05 м, глубина 0,3 м. На дне в беспорядке лежали обломки черепа и крупные кости подростка. Среди них найдены фрагменты сосудов и обломок каменного ножа. Второй обломок от рукояти находился за пределами могилы. Нож имел коленчатую форму с выраженной рукоятью и был слегка подшлифован (рис.6-3). Не совсем понятно, была ли могила ограблена в древности или это вторичное погребение.

М о г и л а 58. Четко не прослеживалась и была вытянута по линии СВ-ЮЗ. Примерные размеры — 1,1х0,75 м, глубина 0,2 м. На дне остатки погребения подростка, положенного на правом боку, головой на СВ. Ноги, сильно скорченные, находились под прямым углом к позвоночнику, руки слегка согнуты в локтях. Отсутствовали грудная клетка и череп.

М о г и л а 63. Вытянута по линии север-юг. Размеры 1,1х0,75 м, глубина 0,15 м. На дне обнаружены два черепа человека: один на основании, второй на боку. Оба засыпаны охрой. Между ними нижняя челюсть лошади.

М о г и л а 64. Вытянута по линии запад-восток. Пятна не было. Могила находилась в материке на глубине 0,4 м. Приблизительные размеры — 1,95х1,4 м. Содержала коллективное погребение трех человек. Верхние части погребенных до таза находились в анатомическом порядке, нижние нарушены. Все погребенные лежали

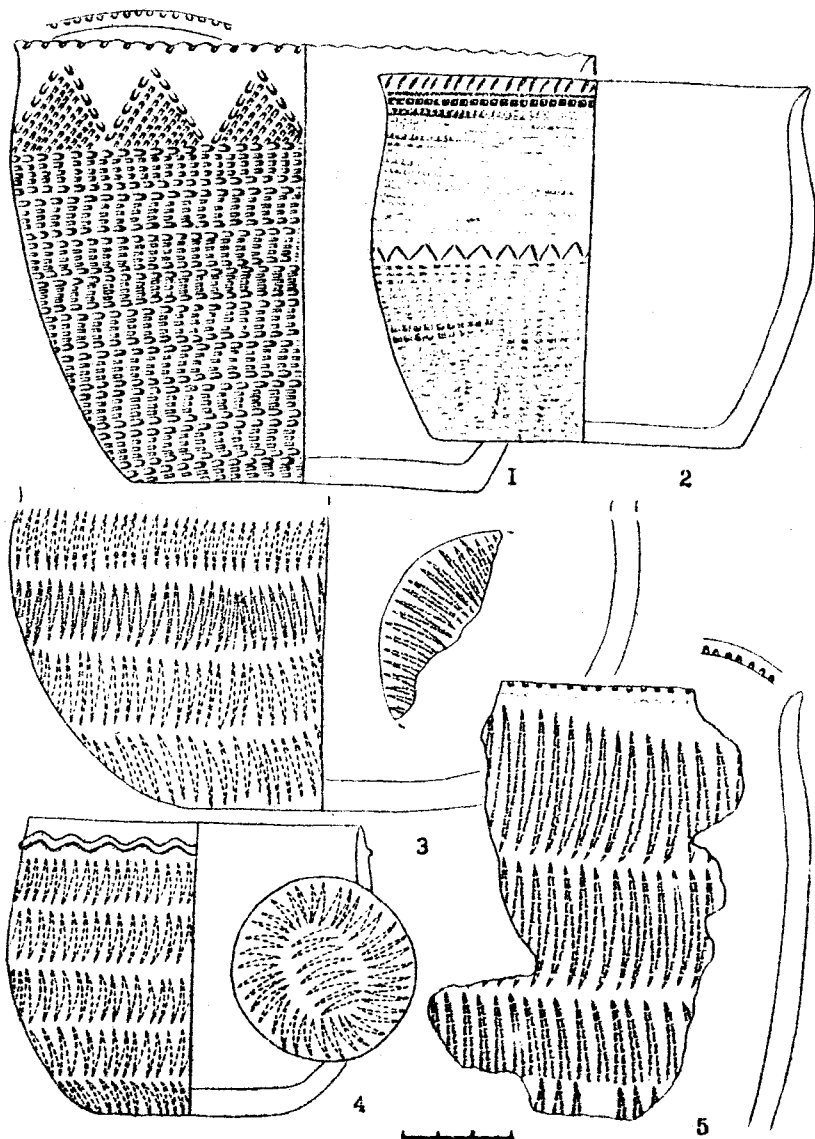

Рис. 5. Керамика могильников Староалейка 2 (1, 2, 3, 5) и Цыганкова Сопка 3 (4)

головой на восток. Южный скелет лежал на спине, голова наклонена к левому плечу, средний также на спине, голова повернута налево, правая рука согнута в локте. Северный скелет лежал на левом боку, руки согнуты в локтях, правая рука обнимала средний скелет. Все кости были посыпаны охрой. В 6 м восточнее найден развал сосуда (рис.1-4).

М о г и л а 65. Ориентирована по оси запад-восток. Примерные размеры 1,95x1,4 м, глубина 0,4 м. На дне разрозненные кости человека: череп, таз, бедренные и ребра, окрашенные охрой.

М о г и л ы 70 и 71. Видимо, детские. Небольших размеров, вытянуты по линии запад-восток. Хорошо прослеживалось могильное пятно, но остатков погребенных нет. В могиле 70 найден обломок бронзовой (медной?) бусины (рис.3-6).

М о г и л а 72. Видимо, также детская. Ориентирована по линии ССВ-ЮЗ. Размеры 0,4x0,15 м, глубина 0,3 м. Остатков погребения нет.

М о г и л а 72. Составляла с коллективным погребением один ряд, восточнее их находился еще один ряд из могил 63,64, 65,70,71.

МОГИЛЬНИК ОЗЕРКИ ВОСТОЧНЫЕ. Находится на южном берегу оз.Иткуль в Зональном районе. Найден при раскопках одноименного поселения и состоял всего из двух погребений.

М о г и л а 1. На глубине 0,55 м в гумусированном слое встречены обломки черепа взрослого человека плохой сохранности.

М о г и л а 2. Контуры ее не прослеживаются. Приблизительные размеры 1,4x1 м, глубина от дневной поверхности - 0,4 м. В могиле была похоронена женщина 35-40 лет, лежащая в скрещенном положении на левом боку, головой на северо-запад.

Каких-либо следов нарушения культурного слоя не прослеживалось, что позволяет датировать эти погребения временем существования поселения Озерки Восточные, отнесенного нами к елунинской культуре (13).

МОГИЛЬНИК ЦЫГАНКОВА СОПКА 2. Находится в левобережной пойме Оби, на границе Быстромостовского и Петропавловского районов, в 16 км к западу от с.Верх-Озерное Быстромостовского района и в 0,8 км к востоку от кошары совхоза Верх-Озерский и в 5-6 км к северо-западу от с.Паутово Петропавловского района, в месте, называемом Цыганкова Сопка. Могильник располагается на узкой гриве, вытянутой с запада на восток на 1,0-1,5 км. С юга и севера грива

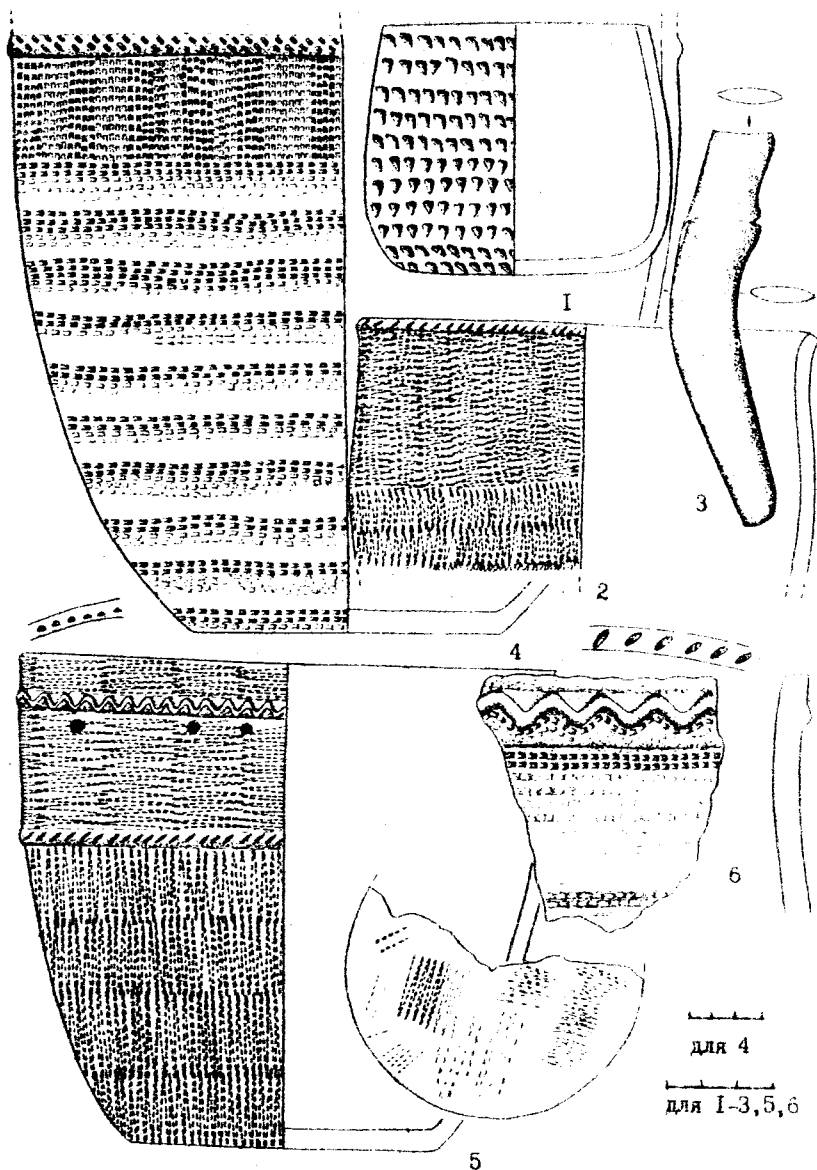

Рис.6.Инвентарь могильник в Цыганкова Сопка (1,2,4,6) и Староалейка 2 (3)

окружена двумя полувисохшими старицами Оби. Сверху могильник перекрыт ирменским поселением, которое в разные годы обследовали С.В.Неверов, А.В.Шамшин, Г.В.Масленикова. Почти ежегодно здесь проводят сборы подъемного материала школьники с.Верх-Озерное с преподавателем истории В.С.Баклыковой. В 1985 г. это место было обследовано автором, который обнаружил здесь могильник ранней бронзы. В 1985-1986 гг. здесь было расчищено 11 погребений. Причем могилы 1,2,4,5,10,11 располагались в ряд, вытянутый с ССВ на ЮВ, могилы 3,6,7 находились к востоку от основного ряда, а 8 - к северо-востоку.

М о г и л а 1. Имела яйцевидную форму, вытянутую с востока на запад. Ее размеры 2,2х1,6 м, глубина 0,55 м. В могиле обнаружено парное захоронение. В западной части - скелет взрослого человека, лежащий на спине с сильно скорченными ногами. Бедренные кости находились под прямым углом к позвоночнику, пяточные - у таза. Кости рук располагались вдоль тела и были согнуты в локтях. Локтевые кости левой руки лежали на тазе, правой - на животе, череп слегка наклонен к левому плечу. Справа от взрослого было погребение ребенка, от которого сохранились обломки черепа и костей ног. Ребенок, скорее всего, лежал на спине. Оба погребенных были положены головой на восток с незначительным отклонением к югу ($3-5^{\circ}$). Поверх локтевых костей правой руки и плечевой кости левой руки взрослого лежал бронзовый нож с орнаментированной рукоятью (рис.2-1), у левого плеча - два каменных наконечника стрелы (рис.3-1,2) и астрагал косули. У западного края могилы лежала верхняя часть стенки сосуда, орнаментированная мелкозубой гребенчатой качалкой (рис.6-2).

М о г и л а 2. Была вытянута с запада на восток, имела подпрямоугольную форму, размером 2,25х1,3 м и глубиной 0,9 м. В могиле похоронены 5 человек. Первый погребенный лежал на левом боку в скорченном положении. Правая рука находилась на ребрах второго скелета, лежащего на спине со скорченными ногами, голова наклонена к левому плечу, а правая рука - под первым скелетом. Череп слегка повернут к левому плечу. Оба погребенных лежат головой к востоку с небольшим отклонением к югу ($7-10^{\circ}$). Тазовые кости, ноги первого скелета и частично второго перекрываются ногами третьего скелета, лежащего в скорченном положении на левом боку головой на ССВ. Ноги его сильно согнуты в коленях, левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте, а

ее кисть близка к лицу. Четвертый погребенный, лежащий на правом боку к северо-западу от третьего, лицом к нему, был скорчен, позвоночник его сильно искривлен. Создается впечатление, что его буквально втиснули в могилу. Руки уложены вдоль туловища. Между ног первых двух погребенных был похоронен ребенок, от которого сохранились обломки черепа, зубы и фрагменты ребер. Кости погребенных носят следы огня. Под костями и в заполнении встречались угольки. На тазовых костях третьего погребенного обнаружены обломки бронзовой проколки, на его ребрах — костяной наконечник стрелы (рис.3-7). Под черепом четвертого погребенного лежал бронзовый выгнутообушковый нож с орнаментированной рукоятью (рис.2-2).

М о г и л а 3. Вытянута с СВ на ЮЗ. Ее размеры 1,25x0,9 м, глубина 0,75. В могиле похоронен взрослый, лежащий на правом боку, в скорченном положении, головой на юго-запад. Ноги были подогнуты под прямым углом к тазу, левая рука вытянута и слегка согнута в локте, который находился между бедренными костями. Правая согнута в локте так, что кисть располагалась перед лицом. На шейных позвонках лежала стенка ирменского сосуда, видимо, понававшая с поселения.

М о г и л а 4. Вытянута по линии ЮЗЗ-СВВ. Ее размеры 1,6x1,1 м, глубина 0,9 м. Возможно, могила ограблена. В ней два погребенных, лежавших скорченно, головой на северо-восток. От первого погребенного сохранились тазовые кости, крестец, бедренные, фаланги пальцев и плечевые кости. Судя по ним, он лежал на правом боку. У второго сохранились только кости одной ноги. У первого погребенного в ногах найден обломок бронзового составного ножа (рис.2-3), а в юго-восточном углу могилы — обломки сосуда (рис.6-1) и часть нижней челюсти лошади.

М о г и л а 5. Частично была врезана в могилу 4, нарушая ее. Вытянута с СВВ на ЮЗЗ. Ее размеры 1,45x0,95 м, глубина 0,45 м. У северной стенки был похоронен умерший, лежащий на левом боку, скорченно, головой на СВВ. Руки вытянуты и сходятся между бедренных костей ног. Череп наклонен налево. Между костями грудной клетки торчал каменный наконечник стрелы (рис.3-3). Еще один каменный и бронзовый наконечники (рис.3-4,5) лежали рядом с разбитым сосудом у южной стенки. Сосуд украшен горизонтальным и волнистым валиками и рядами из оттисков мелкозубой шагающей гребенки (рис.6-5).

М о г и л а 6. Вытянута по линии: СЗ-ЮВ. Ее размеры 0,9x0,6 м, глубина 0,2 м. На поверхности был виден череп. В могиле лежал скорченно скелет подростка на правом боку, черепом на юго-восток. Ноги были согнуты под прямым углом к тазу, а руки - в локтях, так что локтевые кости находились под прямым углом к позвоночнику.

М о г и л а 7. Находилась почти на поверхности и была вытянута с СВВ на ЮЗЗ. В могиле был похоронен ребенок, лежащий на правом боку скорченно, головой на ЮЗЗ. Нижняя часть костяка почти полностью отсутствует. Руки согнуты в локтях, кисти у лица.

М о г и л а 8. Вытянута с ССЗ на ЮОВ. Размеры ее 0,9x0,5 м, глубина 0,75 м. Похоронен подросток, лежавший скорченно на правом боку, головой на ЮОВ. Ноги располагались под прямым углом к позвоночнику, руки согнуты в локтях, локтевые кости лежат по направлению к лицу. У руки стоял сосуд (рис.5-4).

М о г и л а 9. Вытянута с запада на восток. Размеры ее - 1,3x0,65 м, глубина - 0,55 м. В ней похоронен взрослый, скорченно на левом боку, головой на восток. Ноги согнуты в коленях. Грудная клетка, нижняя челюсть, плечевая и локтевая кости левой руки отсутствуют.

М о г и л а 10. Вытянута с запада на восток. Ее размеры - 1,3x0,8 м, глубина - 0,65 м. В ней был похоронен взрослый, лежащий на левом боку, головой на восток. Ноги согнуты в коленях под прямым углом к тазу. Левая рука вытянута к коленям, правая согнута в локте.

М о г и л а 11. Находилась на поверхности и была почти полностью разрушена. Сохранились остатки тазовых костей взрослого человека. Около них найден каменный наконечник стрелы (рис.3-8).

Создается впечатление, что часть могил является вторичными захоронениями. Возможно, они были разрушены в более позднее время, в период существования ирменского поселения, на котором были сооружены жилища.

На площади могильника встречен развал сосуда без венчика, украшенный рядами из отступающей гребенки и горизонтальным валиком (рис.6-4) и фрагмент венчика с волнистым валиком (рис.6-6).

Несмотря на небольшое количество могил, благодаря коллективным и парным захоронениям, получен значительный антропологический материал.

...материал. Все черепа из могильников Елункино-1, Староалей-
...черепья Восточные по раскопкам 1976-1982 гг. исследованы
А.Дроздовым, а костные остатки - А.И.Стерлин.

По определению В.А.Дремова, антропологические материалы позволяют выделить два типа. Первый представляет собой долихоцефальный с тирокиим лбом, лию довольно высокое, узкое, удлиненных черт с узким высоким носом, лцо резко профилированное. Это, несомненно, европеоидный тип с признаками южной европеоидной "средиземноморской" ветви. По мнению В.А.Дремова, в доандроновское время европеоидные элементы в составе населения северных предгорий Алтая и лесостепи южной части Западной Сибири были в основном юного происхождения. Второй тип является смешанным, в нем прослеживается монголоидная примесь. Для этого типа характерна длинная, широкая черепная коробка, резко профилированное лцо, но выступание носа несильное. Интересно отметить, что к первому типу относятся почти только одни мужские костяки, исключение составляет череп (№ 10) из коллективной могилы (№ 6) с могильника Староалейка-2, принадлежащий женщине (?) 25-30 лет. Ко второму типу относятся все женские скелеты. Второй тип был характерен для эпохи энеолита Барнаульско-Бийского Приобья. Видимо, в эпоху ранней и развитой бронзы происходит дальнейшее проникновение южных групп населения из Средней Азии (Южной Туркмении) с территории расселения племен кельтеминарской культуры, которое отмечается уже в эпоху энеолита. В пришлое население преобладали, видимо, молодые мужчины в возрасте 20-30 лет, вынужденные вступать в брачные отношения с местным метисным населением. Эти отношения не всегда были мирными, о чем свидетельствуют захоронения убитых людей. Эту точку зрения подтверждают определения костного материала. Так, рост мужчины, похороненного в могиле № 1 Едунинского грунтового могильника I, был определен А.И.Стерлиным в 185-187 см, а мужского скелета из могилы 6 Староалейка-2 - 173-175 см, средний же рост женщины составляет 147-148 см, исключение составляет скелет из коллективного погребения (№ 6) могильника Староалейка-2, рост которой 163-164 см /14, с.62/ Не исключено, что этот скелет относился к черепу европеоидного типа из этой же могилы. Таким образом, получается, что разница в росте между европеоидными мужскими костями и женскими со смешанными признаками составляет от 25 до 35 см. Такую разницу трудно объяснить только половыми различиями, скорее, здесь расовые различия.

Интересно отметить, что мужчина, похороненный в могиле I Елунино I, был хромым, он переболел костным туберкулезом, и головка правой бедренной кости была повреждена наростами, отчего он мог передвигаться лишь с трудом. В этой могиле был найден нож со скульптурным навершием, который имел явное культовое назначение. Огромный (для тех времен) рост, хромота явно выделяли его из числа соплеменников, видимо, он, скорее всего, выполнял какие-то религиозные функции.

По мнению В.Н.Пяткина, этот нож с перпендикулярно расположенным точильным бруском, скорее всего, изображал колесницу. Похожие отображения колесниц встречаются на наскальных рисунках эпохи бронзы в Южной Сибири. С другой стороны, не вызывает сомнений, что это солнечный конь. Его голова располагается на 4 солнечных лучах, расходящихся в разные стороны, пятый соединяется с рукоятью.

Такого типа ножи характерны для культур турбинско-сейминского типа. Близкие по форме фигурные ножи встречены во втором Турбинском /15, рис.113/, в Сейминском /16, рис.52/ и Ростовкинском /17, рис.33/ могильниках. На навершиях ножей из Ростовки и Сеймы также изображены лошади. Причем явно изображен один тип лошади. У них одинаковые уши, одна манера передачи гривы. У лошадей из Ростовки и Елунино сильно раздуты ноздри. Елунинский и сейминский ножи вылиты сразу в одной форме, а ростовкинский отлит по частям, и ручка позднее приварена к лезвию /17, с.104/. Приваренная рукоять имеется у ножа из второго Турбинского могильника. По мнению ряда исследователей, осматривавших нож из Сейминского могильника, на нем изображена лошадь Пржевальского /16, с.115/. Такова же точка зрения В.И.Матющенко о лошади с ростовкинского ножа /17, с.103/. По мнению С.Н.Боголюбского, ареал распространения лошади Пржевальского в древности охватывал степи Западной Сибири, доходя до самого Урала, где должен был соприкасаться с более легкой и грациозной европейской дикой лошадью - тарпаном /18, с.496/. Изображения близких по внешнему облику лошадей известны на каменных кезлах. Два из них найдены в Восточном Казахстане, один в Семипалатинской области /19, рис.21/, а второй - у станции Бухтарминской Усть-Каменогорского района /20/. В Омском Прииртышье обнаружен каменный кезл с головой лошади /21, рис.16-I/ и каменная подвеска, представляющая собой скульптурное изображение лошади /22, с.196/.

Представляется, что культ коня, нашедший отражение в скульптурных изображениях на рукоятях ножей и на навершиях кезлов, складывается в эпоху ранней бронзы в Восточном Казахстане и в районах Верхнего Приобья, прилегающих к Алтайским горам. Корни этого культа, вероятно, уходят еще в предшествующее энеолитическое время, когда на территории Казахстана существовало, по мнению В.Ф.Зайберта, население с коневодческим типом хозяйства, оставившее поселение Ботай. Коневодство играло ведущую роль в хозяйстве, 99,9 % из определенных костных остатков принадлежали лошади, причем счет остеологического материала идет на сотни тысяч единиц /23/. Культ коня нашел отражение и в погребальном обряде. А.А.Формозов приводит сведения о погребении предандроновского времени, в двух углах погребальной ямы которого найдено по два конских черепа /24, с.154/. Следы коневодства прослеживаются в Верхнем Приобье с эпохи энеолита, а в раннюю и развитую бронзу коневодство играет уже существенную роль в системе скотоводческого хозяйства. Интересное объяснение изображениям конской головы дал еще в XIX в. П.С.Ефименко. Он писал следующее: "Мы знаем из Ригведы, что первоначальной зооморфической формой утреннего или весеннего солнца были конь и конская голова как символы быстроты, с которой распространяется свет. Конская голова есть символ солнца, начинающего появляться над горизонтом или, по понятию язычников, солнца, рождающегося на свет потому, что при рождении жеребенок прежде всего выставляет на свет свою голову. Таким образом, и нарождающееся солнце сначала выставляет свою конскую голову" /25, с.80/.

Приведенная цитата очень убедительно показывает, что подобные изображения как на ножах, так и на каменных кезлах следует считать символами солнечного коня, а, возможно, и самого солнца. Первоначально этот культ, скорее всего, зарождается в степных районах Казахстана и в предгорной зоне Алтая, а затем уже распространяется в другие районы Западной Сибири, Урала и Приуралья /26, с.17/. Об этом свидетельствует и близкий химический состав этих ножей. Все они относятся к оловянистым бронзам и имеют, по мнению Е.Н.Черныха, западно-сибирское происхождение /27, с.116-117/. Данный культ сформировался еще в предандроновское время, а андроновцами эти традиции бронзолитейного производства

были принесены на Енисей, затем распространились на Монголию, северные и северо-восточные районы Китая. Это предположение высказал в свое время и С.В.Киселев, который в своей работе по неолиту и бронзовому веку Китая писал: "Встает вопрос, не могли ли сибирские и восточноказахстанские очаги бронзовой индустрии андроновской культуры оказать воздействие на бронзолитейное дело и искусство литейщиков древнего Китая анянского периода?" /28, с.264-265/. Видимо, по мере распространения на восток и на запад, меняются и изображения на ножах. Появляются изображения баранов, которые, скорее всего, являются культовыми животными местных племен. Е.Н.Черных отмечает, что по мере удаления от исходных территорий на запад население, оставившее Сейму и Турбино, взаимодействовало с чуждыми им культурами, что отразилось в приобретении новых черт, придавших им различия /27, с.117-118/.

Таким образом, все приведенные данные свидетельствуют, скорее всего, о Восточно-Казахстанском-Зерхнеприобском происхождении выгнутообушковых и фигурных ножей и последующем их распространении на запад и восток /26, с.17/. А так как этот очаг складывается в предандроновское время, то все привлекаемые для датировки западные и восточные параллели должны учитывать это обстоятельство. Е.Н.Черных и С.В.Кузьминых в томе "Эпоха бронзы лесной полосы СССР" многолетнего труда "Археология СССР" пишут, что исходные центры культурным объединениям сейминско-турбинского типа локализовались в Алтайской горной и предгорной системе /29, с.103/.

Дискуссионным до сих пор остается вопрос о датировке как самих сейминско-турбинских бронз, так и памятников, где они встречены. Развитие получили две линии привязок: западная, основанная на сопоставлении Бородинского клада с вещами из шахтных гробниц Микен, и восточная, основанная на параллелях с анянскими изделиями. По первой линии эти изделия, как и памятники в целом, датируются в пределах XVI-XIII вв. до н.э. /15, с.141; 30, с.27; 31, с.21; 33; 34; 35; 36; 39; 40; 41/. Многие исследователи высказывают мнение о датировке Бородинского клада в пределах XVI-XV вв. до н.э. или не позднее XV в. до н.э. /29, с.102; 32, с.19-21; 37, с.64-65; 38, с.153-154/. Анянская линия развития рассматриваемых ножей нашла значительное место в работах Н.Д.Членовой, считающей, что подобные формы появляются в анян-

...ое время, которое следует датировать XIII-XI вв. до н.э. и совершенно неизвестны в доаньянское время /42, с.135/. Сейму, Турбино и Самусь, по ее мнению, следует отнести к XI-VIII вв. до н.э. и синхронизировать их с концом мрьской-западнодоусской эпохой Китая и карасукскими и карасук-тагарскими памятниками Минусинской котловины /42, с.138/.

Если обратиться к сибирским памятникам, давшим бронзовые изделия сейминско-турбинского типа, то и о них тоже нет единого мнения. В.И.Матющенко датирует поселение Самусь IV, давшее великолепные образцы сейминско-турбинского литья, XVIII-XVII-XIII вв. до н.э. /43, с.59/, а ростовкинский могильник XV-XIII вв. до н.э. /44, с.29/ и считает, что дугообразные ножи могут быть датированы временем раньше XIV в. до н.э. /43, с.58/. М.Ф.Косарев датирует самусьскую культурную общность XVI-XIII или XV-XIII вв. до н.э. /45, с.106/. В.И.Молодин, применяя метод перекрестного датирования сейминско-турбинских бронз, определил нижнюю границу позднего Кротова XIV в. до н.э. К позднему Кротово он относит могильник Солка-2, давший сейминско-турбинские бронзы, а весь позднекротовский этап он датирует XIV-XII вв. до н.э. /46, с.87-88/.

Как уже отмечалось, по могиле 2 Елунинского могильника I была получена радиоуглеродная дата в 3560 ± 30 лет (СО АН-1893) или 1610 ± 30 г. до н.э. Для нижнего слоя поселения Коровья Пристань III, давшего аналогичную керамику и отнесенного так же, как и могильники Елунин I, Староалейка и Озерки Восточные, к елунинской культуре /13/, была получена радиоуглеродная дата 3660 ± 75 лет (СО АН-2192) или 1680 ± 75 г. до н.э. Видимо, появление бронзовых изделий сейминско-турбинского типа следует относить к XVII-XVI вв. до н.э., а их существование продолжается до XIII в. до н.э. Впервые они появляются в предгорной зоне Алтая, о чем свидетельствуют не только находки подобных изделий /47/, но и литейные формы для их изготовления /48/. Позднее эти изделия начинают распространяться на запад и на восток. Если говорить о датировке могильников Елунин I, Озерки Восточные и Староалейка, то они, видимо, существуют в дмелазоне от XVII-XVI до XV вв. до н.э. Могильник Цыганкова Солка, скорее всего, несколько помоложе и укладывается в пределы XV-XIV вв. до н.э. В нем уже гораздо больше самих бронзовых изделий.

Культурная принадлежность первых трех могильников уже рассматривалась в ряде работ автора. Они были отнесены к выделенной

ны елунинской культуре /13; 49; 50/. Отмечалось также, что она, вероятно, входит в этнокультурную общность, в рамках которой могло существовать несколько родственных культур или локальные варианты одной общей культуры /51/. Для елунинской культуры характерен специфический погребальный обряд, который мы рассмотрели выше, каменный и бронзовый инвентарь и оригинальная керамика, отдельные элементы орнамента, которой и форма находят аналогии в ряде памятников различных культур бронзового века Западной Сибири и Восточного Казахстана, но сочетание всех этих элементов и композиционное построение их определяет собственный культурный стиль этой посуды. Наибольшее сходство в некоторых элементах орнамента и в отдельных деталях погребального обряда проявляется с памятниками кротовской культуры, особенно могильником Сопка-2 /46/. Сейчас трудно однозначно ответить на вопрос чем это вызвано. Вероятно, здесь сыграл роль единый плыный компонент, принявший участие в формировании той и другой культур. Наибольшее сходство проявляется только у могильников, в то время как поселения дают обратную картину. Не исключено, что они являются хронологическими этапами общей культуры: ранним елунинским и поздним кротовским. Возможно, с началом расселения андроновских племен какая-то часть елунинцев была вытеснена в более северные районы и приняла участие в формировании кротовской культуры, которая, по мнению В.И.Молодина, существует до XII в. до н.э. /46, с.87/. С другой стороны, материалы могильника Цыганкова Сопка позволяют считать его кротовским памятником. В пользу этого говорит и валиковая керамика, и погребальный обряд, и обилие инвентаря в могилах - черты, не характерные для елунинцев. Аналогичная валиковая керамика встречена на Семипалатинских днах в Восточном Казахстане, который не входил в ареал распространения кротовской культуры.

Видно, ответ на все эти вопросы дадут будущие раскопки чаш могильников, так и поселений в районе Верхнего Приобья и предгорной зоны Алтая в целом.

Л И Т Е Р А Т У Р А

Г р я з н о в М.П. История древних племен Верхней Оби // МИА.- 1956.- № 48.- 160 с.

2. У м а н с к и й А.П. Новые памятники андроновской культуры на Алтае // Известия лаборатории археологических исследований.- Кемерово, 1967.- С.96-100.
3. Ч л е н о в а Н.Д. Раскопки на Северном Алтае // АО 1970.- М., 1971.- С.212-213.
4. Ч л е н о в а Н.Д. Суртайка - могильник карасукской эпохи в предгорном Алтае // КСИА.- Вып.134.- 1973.- С.114-121.
5. Ч л е н о в а Н.Д. Андроновские и ирменские погребения могильника Змеевка (Северный Алтай) // КСИА.- Вып.147.- 1976.- С.76-83.
6. С а в и н о в Д.Г. Осинкинский могильник эпохи бронзы на Северном Алтае // Первобытная археология Сибири.- Л., 1975.- С.94-100.
7. М о г и л ь н и к о в В.А., К о н н и к о в Б.А. и др. Алейская экспедиция // АО 1973 г.- М., 1974.- С.213-214.
8. Б о р о д а е в В.Б., К и р ь ш и н Ю.Ф., К у н г у р о в А.Л. Археологические памятники на территории Барнаула // Памятники истории и культуры Барнаула.- Барнаул, 1983.- С.7-30.
9. К и р ь ш и н Ю.Ф. Работы Алтайской экспедиции // АО 1979 г.- М., 1980.- С.208-209.
10. Б о р о д а е в В.Б., К у н г у р о в А.Л. Новые материалы к археологической карте Барнаульского Приобья // Древняя история Алтая.- Барнаул, 1980.- С.73-92.
11. К и р ь ш и н Ю.Ф., Ш е м я к и н а А.С. Работы на оз.Иткуль // АО 1978 г.- М., 1979.- С.229-230.
12. К и р ь ш и н Ю.Ф. Работы Алтайской экспедиции // АО 1981 г.- М., 1983.- С.201-202.
13. К и р ь ш и н Ю.Ф. О культурной принадлежности памятников прадандоновской бронзы лесостепного Алтая. // Урало-Алтайстика. Археология. Этнография. Язык.- Новосибирск, 1985.- С.72-77.
14. К и р ь ш и н Ю.Ф., С т е р л и н А.И. Использование метода построения математических моделей для определения принадлежности костных остатков одному скелету // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири.- Барнаул, 1983.- С.58-63.
15. Б а д е р О.Н. Древнейшие металлурги Приуралья.- М., 1964.- 175 с.
16. Б а д е р О.Н. Бассейн Охи в эпоху бронзы.- М., 1970.- Рис.52.

17. М а т в е е н к о В.И. Нож из могильника у деревни Ростовки // КСИИМК.- 1970.- № 123.- С.103-106.
18. Б о г о л ю б с к и й С.Н. Происхождение и преобразование домашних животных.- М., 1959.- 590 с.
19. Ч е р н и к о в С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА.- 1960.- № 88.- 271 с.
20. С л а в и н и П.Н. Каменный кельс с головой коня // КСИИМК.- 1949.- - XXV.- С.125-126.
21. М о ш и н с к а я В.И. О некоторых каменных скульптурах Прииртышья // КСИИМК.- 1952.- Вып.ХШ.- С.45-55.
22. Г л у ш к о в И.Г. Раскопки поселения Саранин II // АО 1983 г.- М., 1985.- С.196.
23. Ф о р м о з о в А.А. Довандроновские погребения в Казахстане // КСИИМК.- 1956.- Вып.63.- С.153-155.
24. З а й б е р т В.Ф. Сложение ботайской энеолитической культуры в Урало-Прииртышском междуречье // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири.- Барнаул, 1983.- С.88-90.
25. Е ф и м е н к о П.С. О яриле языческом, божестве русских славян // Записки русского Географического общества по отделению этнографии.- Т.П.- СПб., 1869.- С.80.
26. К и р и ш и н Ю.Ф. Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья: Автореф. дис... докт.ист.наук.- Новосибирск, 1986.- 35 с.
27. Ч е р н ы х Е.Н. Древнейшие металлурги Урала и Поволжья.- М., 1970.- 180 с.
28. К и с е л е в С.В. Неолит и бронзовый век Китая // СА.- 1960.- № 4.- С.244-266.
29. Ч е р н ы х Е.Н., К у з ь м и н и х С.В. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Эпоха бронзы лесной полосы СССР.- М., 1987.- С.84-105.
30. К р и в ц о в а - Г р а к о в а О.А. Бессарабский клад // Тр.ГИМ.- Вып.1.- 1949.- 28 с.
31. М е р п е р т Н.Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья // МИА.- 1958.- № 61.- С.45-156.
32. М е р п е р т Н.Я. Срубная культура Южной Чувашии // МИА.- 1962.- № III.- С.7-21.
33. С а ф р о н о в В.А. К вопросу о Турбинском могильнике // Археологический сборник: Труды УШ Всесоюзной студенческой конференции.- Л., 1964.- С.44-63.

34. Сафронов В.А. О древнейших металлургах Приуралья // Вестник ЛГУ.- 1965.- С.20.
35. Сафронов В.А. Датировка Бородинского клада // Проблемы археологии.- 1968.- Т.1.- С.75-128.
36. Сафронов В.А. Некоторые вопросы хронологии среднебронзового века Восточной Европы // VII Международный конгресс доисториков и протоисториков.- М., 1966.- С.181-190.
37. Тереножкин А.И. Основы хронологии предскифского периода // СА.- 1965.- № 1.- С.63-85.
38. Бочкарев В.С. Проблемы Бородинского клада // Проблемы археологии.- 1968.- Т.1.- С.129-154.
39. Gimbutas M. Middle Ural and Chronology of northern Eurasia.- Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. Harvard University. Proceedings of the Prehistoric Society for 1958.- V. XXIV.- Cambridge, 1958.
40. Gimbutas M. Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe. - Paris; London, 1965.
41. Косарев М.Ф. О хронологии и культурной принадлежности турбинско-сейминских бронз // Проблемы хронологии и культурной принадлежности памятников Западной Сибири.- Томск, 1970.- С.116-132.
42. Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи.- М., 1972.- 247 с.
43. Матющенко В.И. Самусьская культура // Из истории Сибири.- Вып.10.- Томск, 1973.- 139 с.
44. Матющенко В.И., Докникова Г.В. Раскопки могильника у д.Ростовка близ Омска в 1966-1969 гг. (Предварительное сообщение). // Полевые работы 1969 г. Из истории Сибири.- Вып.2.- Томск, 1969.- С.18-34.
45. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири.- М., 1981.- 276 с.
46. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы.- Новосибирск, 1985.- 220 с.
47. Уманский А.П., Демин М.А. Наконечники копий сейминско-турбинского типа На Алтае // Древние горняки и металлурги Сибири.- Барнаул, 1983.- С.143-150.
48. Кирюшин Ю.Ф., Клявкин Г.А. Памятники неолита и бронзы юго-западного Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла.- Барнаул, 1985.- С.73-117.

49. К и р я ш и н Ю.Ф. Алтай в эпоху энеолита и бронзы // История Алтая. — Барнаул, 1983. — С.15-29.

50. К и р я ш и н Ю.Ф. Итоги и перспективы изучения памятников энеолита и бронзы Алтая // Проблемы древних культур Сибири. — Новосибирск, 1985. — С.46-53.

51. К и р я ш и н Ю.Ф. О культурах бронзового века в лесостепном Алтае // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем: Вып.ш. История и культура: Тез. докл. и сообщ. Всесоюзной науч. конф. — Новосибирск, 1981. — С.51-54.

А.И.Баженов

(Политехнический институт, Томск)

ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДКАХ В ТЕРЕКТИНСКОМ ХРЕБТЕ

В летний период 1955 г. проводились поисковые работы в пределах северного склона Теректинского хребта. В одной из поисковых канав был вырыт карьер, в котором были найдены предметы, относящиеся к мегалитическому производству.

Геологическая ситуация района такова: толщи песчано-сланцевых отложений, перекрытых девонскими эффузивно-осадочными образованиями, прорванными мелкими телами габбро-диабазов и габбро-диоритов. Контактные изменения проявляется в виде скарнирования вмещающих пород. В экзоконтактном ореоле широко распространены зоны дробления субмеридиального и субширотного простирания.

Описываемый участок расположен в пределах Усть-Канского района Горно-Алтайской автономной области и находится в 6 км к юго-западу от д.Владимировка, в зоне высокогорной тундры, на высоте около 2000 м над уровнем моря. Относительное превышение над дном долины р.Чарыш около 1200 м. Участок занимает водораздельное выровненное пространство и имеет северо-западную экспозицию. Повсеместно распространена многолетняя мерзлота, что и обусловило хорошую сохранность как археологических находок, так и слабую окисленность первичных сульфидных руд.

В пределах участка к меридиальным зонам дробления приурочены мелкие гнезда неправильной формы, сложенные халькопиритом. В

виде примеси присутствуют сфалерит, галенит и пирротин. Зона окисления практически отсутствует, так как в условиях расчлененного горного рельефа она не успевает сформироваться вследствие интенсивной эрозии и замедленности окисления в зоне развития многолетней мерзлоты. Вторичные минералы представлены довольно редкими призмами и налетами медной зелени (малахита) и медной сили (азурита), а также лимонита. Никаких сколько-нибудь заметных скоплений вторичные минералы не образуют. Мощность четвертичных отложений в пределах участка невелика и не превышает 1 м.

Поисковая канава была задана в широтном направлении. Горизонтальное дно древнего карьера расположено на глубине 2,5 м. Задней карьера имеет меридиальное простираие, т. е. совпадает с простираием зон дробления. Следует подчеркнуть, что за пределами ширины канавы карьер не вскрывался. О находке были своевременно поставлены в известность сотрудники Горно-Алтайского краеведческого музея, однако никто к месту находки не прибыл.

На дне вскрытой канавой части карьера были найдены следующие предметы: следы костра в виде древесного угля (участок расположен в 200 м выше границы древесной растительности и в 600 м выше ближайшего постоянного водотока-ключа).

- Шкура марала (или северного оленя).

- Круглая деревянная дубинка диаметром 8 см, длиной около 1 м, с выжженным узором в виде пересекающихся спиралей.

- Кайла, изготовленная из трубчатой кости крупного животного. В головке кости сделано прямоугольное отверстие размером 3х4 см для рукоятки. В отверстие трубчатой кости вставлялся наконечник, "зубок", изготовленный из мелкой речной гальки, оббитой с одной стороны (кайла напоминает шахтерский обушок). По мере необходимости вставка ("зубок") заменялась другой. Такой кайлой можно лишь разбирать обломочный материал, но не долбить. Можно использовать ее для отделения хрупкого халькопирита от породы.

- Крупный речной валун, уплощенной формы, напоминающий молоток неясного назначения. Размер валуна 30х15х4 см. Возможно, он использовался в качестве молота, но отверстия для рукоятки нет (мог привязываться к рукоятке). Следов сколов на поверхности валуна нет. Валун и галька за пределами карьера не обнаружены.

- Клинья для отделения блоков, изготовленные из рога. Имеется два вида клиньев, отличающихся по размеру: крупные, из рогов быка, и мелкие - из коровьих рогов. Внутри каждого рога вставлен очень грубоотесанный деревянный стержень (сердечник), по которому и наносились удары, поэтому тилловая часть таких сердечников разбита и размоchalена. Для удержания сердечника в роге использовались деревянные шпильки, пропущенные через прожженные в роге отверстия и вбитые в древесину сердечника. В каждом роге имеется два отверстия, расположенных на одном диаметре. Размер отверстий около 20-15 мм. Наряду с хорошо сохранившимися, мало использованными клиньями были встречены разбитые клинья, негодные для работы. Использование таких клиньев, видимо, было аналогично тому, как отделяют блоки породы с помощью сухих деревянных клиньев: клин забивают в щель, а затем его поливают водой. Набухающая древесина, увеличиваясь в объеме, большим давлением (до 70 кг/см²) отделяет блок породы. Клин в роговой оболочке хорошо сохраняет воду, ее требуется меньше. Будучи эластичным, он не препятствует увеличению объема деревянного сердечника. Следовательно, по сравнению с обычным деревянным клином такая конструкция более экономична, удобна и предпочтительна. Однако подобные клинья могут быть использованы в достаточно трещиноватых породах.

- Два каменных молота песом около 3-3,5 кг, изготовленных из мелкозернистого гранитового скариа, хрупкого попыленную вязкость (и следовательно, механическую прочность) и вес. Размеры их примерно одинаковы - 20x12x12 см. Очертание молота слегка овальное с расширением в области отверстия для рукоятки. Один торец плоский, размером 7x7 см, второй образует лезвие, расположенное вертикально, как у топора. Поверхность гладкая, хорошо обработанная, однако удивляет идеальная форма отверстия для рукоятки, диаметром около 4 см, имеющая правильную цилиндрическую форму с гладкой поверхностью. Принимая во внимание большую твердость исходной породы (7,5-8,0 единицы твердости по шкале Мооса, что выше, чем твердость кварца), можно лишь предполагать, что сверление могло выполняться с использованием гранитного песка или дробленого гранитного скариа (так же, как и внешняя обработка молота) и процесс изготовления такого молота был длительным и весьма трудоемким.

Таков перечень находок, сделанных на дне карьера. Оставшаяся неизвестной и неискрпной часть карьера может содержать не менее интересные предметы снаряжения древних рудокопов. Карьер еще ждет своих исследователей.

Анализируя имеющийся геологический и археологический материал, можно сделать следующие выводы: в пределах Теректинского хребта в карьере добывался единственный здесь первичный сульфид меди. Вторичные минералы меди не образуют сколько-нибудь заметных концентраций. Горный инструмент давал возможность отделять небольшие блоки оруденелой горной породы, а небольшая оригинальная конструкция кайла позволяла экстраградировать рудный минерал, т.е. осуществлять элементарное обогащение руды. Обработка сульфидной руды требовала ее обжига (до начала плавления), однако в пределах участка никаких следов существования такой обжигорой печи не найдено. Подобную и плавильную печи нужно искать не на водораздельном пространстве, а в долине р.Чарыш, там, где имеется вода и топливо. Хотя не исключена возможность и того, что руда не перерабатывалась на месте, а вывозилась в качестве товара за пределы района.

Г.Е.Иванов

(Алтайский государственный университет, Барнаул)

БРОНЗОВЫЙ НАКОНЕЧНИК ДРОТНИКА С ПОСЕЛЕНИЯ КУРЕЙКА-3 (СТЕПНОЙ АЛТАЙ)

Весной 1985 г. при строительстве плотины через ручей Курейка неглубоким песчаным карьером был частично разрушен культурный слой поселения Курейка-3.

Поселение Курейка-3 находится в степном Алтае, в 10-12 км на юго-запад от с.Черная Курья Мамонтовского района, на пологом склоне древнего высокого берега оз.Горькое, перерезаемого впадением в озеро ручьем Курейка /I, с.42/. Поселение многослойное. У самого берега ручья преобладают находки раннего железного века, выше по склону, в карьере, собраны фрагменты валиковой керамики эпохи поздней бронзы. Здесь же был найден и бронзовый

наконечник, представляющий довольно редкий и интересный тип этих изделий. В карьере и на прилегающих выдувах собрана небольшая коллекция каменных орудий и керамики эпохи ранней бронзы.

Зачисткой кромки карьера и небольшим раскопом (12 кв.м) в месте находки наконечника обнаружен слабо насыщенный слой поселения с валиковой, мелкофрагментированной керамикой, идентичной собранной в карьере. Находок других эпох в слое не обнаружено.

Найденный наконечник (рис.1) – массивный, длина – 25,2 см, максимальная ширина (в нижней трети пера) – 5,5 см, длина пера 15,6 см, втулки – 9,6 см, внутренний диаметр втулки 1,5 см. Последний показатель в сочетании с короткой втулкой и массивным пером позволяют утверждать, что это наконечник именно дротика, а не копья. Перо наконечника имеет характерную для сейминских копий пламевидную форму, посредине его проходит широкое плоское ребро, сужающееся в верхней части. Втулка с отверстиями с обеих сторон, вылита в виде прямоугольника, раскована и затем согнута в трубку, подтреугольную в сечении. Соприкасающиеся края ее тщательно подогнаны. Еще до сгибания с внутренней стороны втулки керном нанесен точечный орнамент в два ряда. С лицевой стороны наконечника на границе втулки и пера – два узких выступающих прилива сегментовидной формы, очень отдаленно напоминающих вилки на сейминских копьях. Отверстий для крепления наконечника к древку на втулке нет.

В целом наконечник отличается тщательностью изготовления всех деталей, демонстрируя высокий уровень бронзолитейного и кузнечного ремесла, и четко выраженными сейминскими традициями, прослеживающимися в орнаментации втулки, форме пера, приливах на месте соединения пера и втулки. Это позволяет, безусловно, отнести его к кругу сейминских бронз, однако найти место наконечнику в эволюционном ряду сейминских копий трудно из-за слабой разработанности их генезиса, во-первых, и конструктивных особенностей данной находки, во-вторых.

Нам представляется, что способ изготовления и конструкция втулки, приливы в месте соединения втулки и пера более архаичны, чем классические сейминские. Кстати, наличие приливов на данном наконечнике наводит на мысль об ином, более рациональном

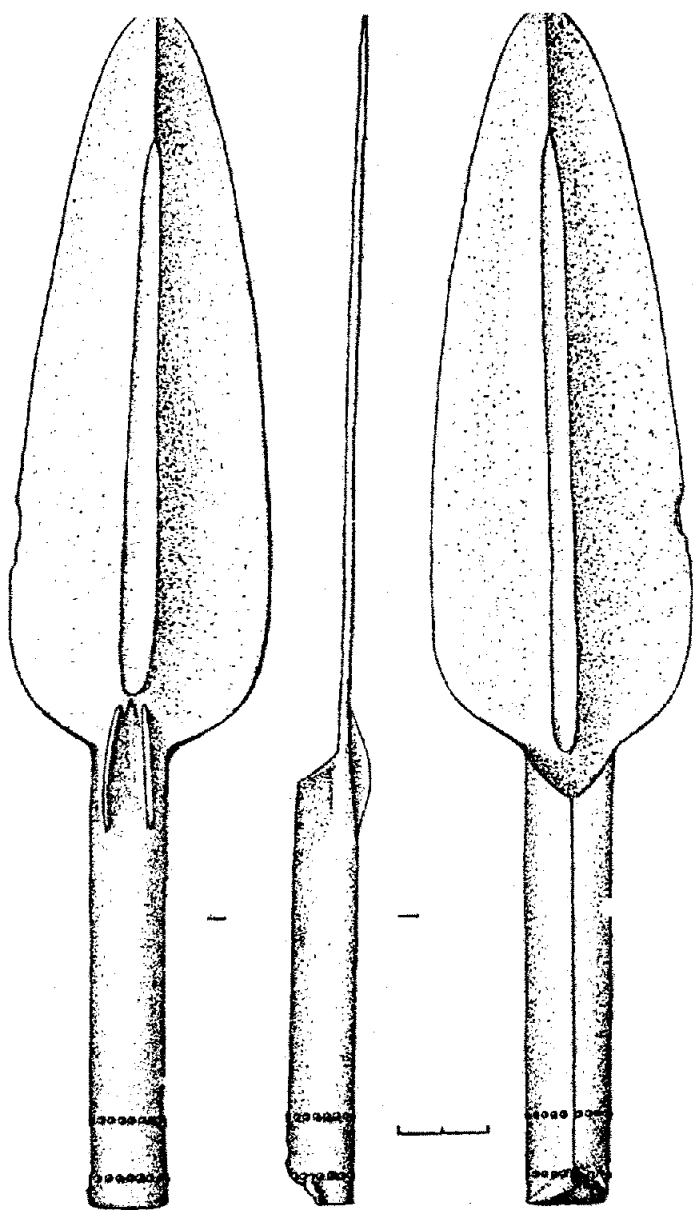
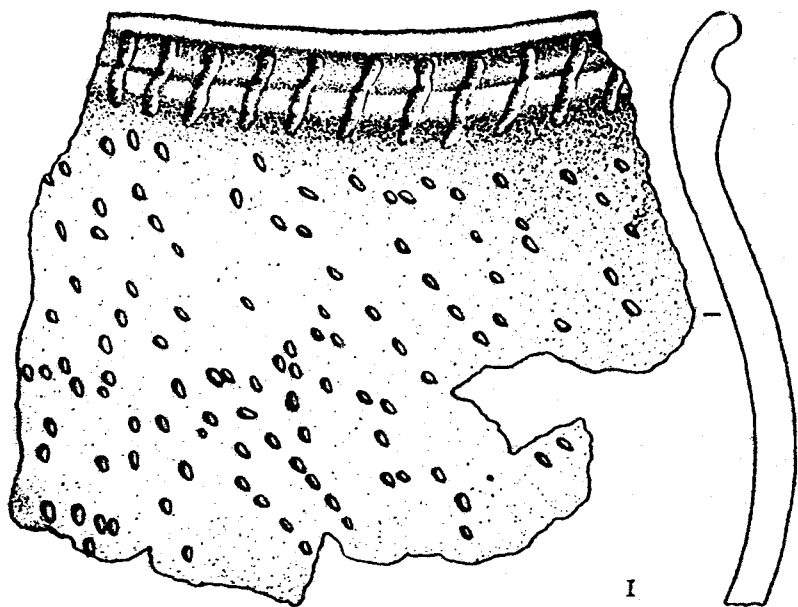

Рис. I. Бронзовый наконечник с поселения Курейка-3

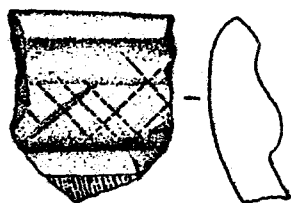
объяснении появления вилки на сейминских копьях, чем сделанное В.А.Городцовым /2, с.200/ и поддержанное затем Б.Г.Тихоновым /3, с.25, табл.4, I-2/ и Н.Л.Членовой /4, с.137, табл.70, I6-18/.

Если на сейминских наконечниках классических форм вилка не только не нужна, но даже ухудшает их прочность и усложняет изготовление /3, с.25/, то при нашей конструкции втулки приливы совершенно необходимы для укрепления наконечника в самом слабом месте — на стыке втулки и пера. Наконечник станет еще прочнее, если ребро пера продлить на втулку, образовав тем самым классическую сейминскую вилку. Вероятно, следующий шаг к этому техническому решению — единственная известная нам аналогия наконечнику с Курейки-3 — копьё с Смиппалатинских дюн, входившее в состав коллекции Белослюдовых /5, с.21-22, табл.52, I/, где имеется уже три, но пока одинаковых по длине прилива. Если наше предположение верно, следует ожидать находок переходного типа от публикуемого к развитым сейминским — с такой же втулкой и типично сейминской вилкой. Вероятно, именно такие наконечники трансформируются затем в классический сейминский тип — с закрытой, проходящей через все перо втулкой, на которой еще некоторое время сохраняется превратившаяся в украшение вилка. Ее боковые ребра полностью перемещаются на перо, но еще не отделены от стержня, как на копьях из коллекции В.М.Флоринского, с Сейминской дюны /3, с.24, табл.УШ, 2/, затем сливаются с ним, ширина пера уменьшается, и оно приобретает более вытянутые пропорции.

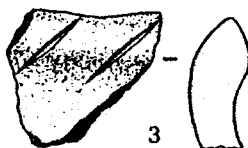
Вместе с тем, публикуемый наконечник имеет явно более поздние признаки, чем сейминское копьё: более вытянутые пропорции пера, характерные, скорее, для черешковых ножей с уступом, входящих в состав бронз общности культур валяковой керамики /6, рис.9, 28, 41, 59/. Плоское ребро пера ни разу не встречено на сейминских копьях, но характерно для хараусукских и ирменских мечей и кинжалов /4, табл.61, 3, 8, 10 и др./. Для кинжалов эпохи поздней бронзы Алтая, Казахстана и Средней Азии чрезвычайно распространенной и очень специфичной деталью является укрепление края лезвия при переходе к рукояти, хотя и имевшее иное техническое воплощение — в виде уступа с выкружками или кольцевого упора — утолщения /6, с.93; 7, с.51/. Наконец, наконечником, наиболее близким конструктивно найденным в комплексе, является находка С.С.Черникова на поселении Мало-Красноярка, датируемом XIII-X вв. до н.э. /5, табл.36, 20, с.44/. С.С.Черников и копьё из

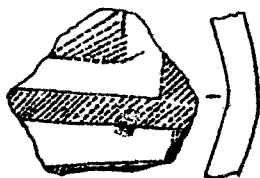
I

2

3

4

5

6

Рис. 2. Керамика поселения Курейка-3

коллекции Белослюдовых датирует эпохой поздней бронзы /5, с.86/. Судя по ряду находок, для эпохи поздней бронзы, видимо, характерны различные модификации вилки, подчас очень далекие от классических форм /3, с.25; 8, рис.4,4; 9, с.95, табл.XXXVII,В/.

Все это не позволяет нам отнести наконечник с поселением Курейка-3 к ранним сейминским, его следует включить в круг постсейминских бронз, культур восточной зоны валиковой керамики /6, с.93-96; 10, с.130-131/. Следовательно, мы считаем его принадлежащим к слою поселения эпохи поздней бронзы, содержащему керамику с валиком. Это заставляет остановиться на характеристике керамики подробнее.

Всего на поселении найдены фрагменты не менее чем от 22 сосудов этого времени, которые делятся по форме на 3 типа:

Тип I (II экз.). Профилированные горшки с раздутым туловом, венчик скруглен и чаще отогнут наружу, реке - прямой. Сосуды имеют невысокий защипной валик по шейке или под венчиком. Валик, шейка и плечики орнаментированы (рис.2-1,2,4; 3-1-4).

Тип 2 (9 экз.). Сосуды более четкой профилировки, венчик скруглен или приострен и отогнут наружу. Ребро на плечиках четко выражено и в двух случаях орнаментировано рядом косых насечек. Валик, орнамент по шейке отсутствуют (рис.2-3; 3-5,6,9).

Тип 3 (2 экз.). Небольшие сосуды баночной формы, в верхней части орнаментированы рядами вдавлений ногтя, либо беспорядочно расположенными кольчатыми вдавлениями, венчик скруглен (рис.3-7,8).

Сосуды первого тип. украшены заштрихованными лентами мелкого гребенчатого штампа, образующими меандровидные узоры или ряды диагональных полос - 4 экз. (рис.2-4). Прямые аналоги этим андроновидным мотивам мы находим в третьей группе керамики поселения Новочекино-3 в Барабинской лесостепи, которое В.И.Молодин датирует IX-VIII вв. до н.э. /II, рис.74,1,4,9-II,15-18, с.154/. Характерными являются орнаменты из ногтевых вдавлений - 13 экз. (рис.3-3,4), рядов косых насечек - 9 экз. (рис.3-2), резной или гребенчатой сетки - 5 экз. (рис.2-2; 3-1), беспорядочных округлых вдавлений (рис.2-1). Как по форме, так и по орнаменту керамика этого типа совершенно аналогична третьей группе, выделенной С.С.Черниковым для эпохи бронзы Восточного Казахстана и датируемой им IX-VIII вв. до н.э. /5, табл.47-50, с.60-61, 75, 102-103/. Здесь же мы находим ближайшие аналоги

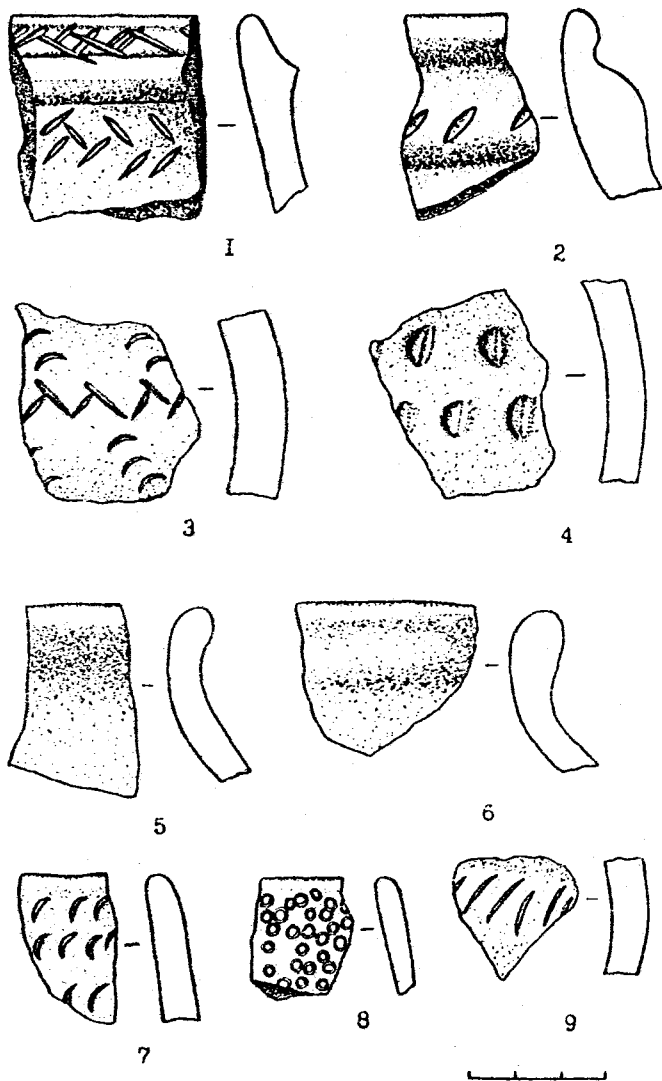

Рис.3.Керамика из раскопа поселения Курейка-3

сосудам второго типа /5, табл.30; 8, табл.31, 42,2, 43,6/, который, судя по памятнику Туруновка-4, является самым поздним на поселениях этого времени /II, рис.81,83, с.174/. Кольчатая орнаментация сосуда третьего типа совершенно идентична орнаменту на фрагменте (тоже единичном) с поселения Трушниково /5, табл.47, II/.

Таким образом, керамика позволяет датировать данный слой поселения, а вместе с ним и наконечник, временем не позднее IX-УШ вв. до н.э. Учитывая немногочисленность комплекса, будет правильнее пока датировать его более широко - в пределах конца 2-го-начала I-го тыс. до н.э., т.е. в рамках поздней фазы культур валиковой керамики /6, с.95/.

Архаичность наконечника, при такой сравнительно поздней дате объясняется, на наш взгляд, тем, что он был изготовлен не для использования по прямому назначению - в качестве боевого оружия, а был либо орудием полифункциональным, сочетающим функции ножа, кинжала, дротика (типа якутской пальмы), либо лишь копией, служившей навершием, парадным или ритуальным оружием. В пользу второго предположения свидетельствует тщательность исполнения, очень хорошая сохранность (имеющиеся повреждения нанесены после находки наконечника), отсутствие отверстий для крепления к древку, нерационально малые для боевого оружия длина и диаметр втулки, которая не деформирована, края в месте соединения не разошлись, что было бы неизбежно при метании наконечника. Предположение об использовании подобных изделий в качестве навершия было высказано С.С.Черниковым при анализе наконечника из Мало-Красноярки и изделия из Семипалатинского музея /5, с.44/. Известно, что в этих же целях использовались и сейминские копия Бородинского клада. Вряд ли следует считать, что наконечник - результат неудачного поиска новой формы, так как на Алтае известны прекрасные образцы сейминских копий, вероятно, более ранние /12, с.100, рис.6; 13/. Позднее в качестве боевого оружия используются копия и дротики с прорезным /14, рис.6,12; 5,7/ и сплошным пером и слабоконической выступающей втулкой типа найденных в Осинках /12, рис.2,5,6,15/. Последние, как более функционально совершенные и простые в изготовлении, вытесняют к концу эпохи бронзы все остальные типы и безраздельно господствуют в эпоху раннего железа.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. И в а н о в Г.Е. Картографическая карта верховьев рек Каспики и Барнаулки // Археология и этнография Алтая. - Барнаул, 1982. - С.24-52.
2. Г о р о д ц о в В.А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России // ОРМ за 1914 г. - М., 1915. - С.213.
3. Т и х о н о в Б.Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // ММА. - 1960. - № 90. - С.26-29.
4. Ч л е н о в а Н.Д. Хронология памятников карасукской эпохи. - М., 1972. - 247 с.
5. Ч е р н и к о в С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // ММА. - 1960. - № 88. - 272 с.
6. Ч е р н ы х Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. - Челябинск, 1983. - С.81-99.
7. В и н н и к Д.Ф., К у з ь м и н а Е.Е. Второй Каракольский клад Киргизии // КСИА. - 1981. - Вып.167. - С.48-53.
8. М а т ь ч е н к о В.И. К вопросу о бронзовом веке в низовьях р.Томи // СА. - 1959. - № 4. - С.154-165.
9. К у з ь м и н ы х С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. - М., 1983. - 256 с.
10. К у з ь м и н ы х С.В. Преданьянская металлообработка Волго-Камья // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. - Челябинск, 1983. - С.126-133.
11. М о л о д и н В.И. Бараба в эпоху бронзы. - Новосибирск, 1985. - 220 с.
12. С а в и н о в Д.Г. Осинкинский могильник эпохи бронзы на Северном Алтае // Первобытная археология Сибири. - Л., 1975. - С.94-99.
13. У м а н с к и й А.П., Д е м и н М.А. Наконечники копий сейминско-турбинского типа на Алтае // Древние горняки и металлурги Сибири. - Барнаул, 1983. - С.143-150.
14. А б д у л г а н е е в М.Т., К и р ь ш и н Д.Ф., К а д и к о в Б.Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. - Барнаул, 1982. - С.52-77.

КОРЧАЖИНСКАЯ КУЛЬТУРА ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЙСКОГО ПРИОБЬЯ

На территории Западной Сибири, на что уже справедливо обращали внимание В.Н.Чернецов и М.Ф.Косарев, для определения культурной принадлежности отдельных памятников, а иногда и целых археологических культур, выяснения генезиса последних, установления направления культурных связей нередко первостепенное значение имеет орнамент на керамике, являющийся иной раз ведущим, а иногда и единственным культурно определяющим признаком. Так, например, М.Ф.Косарев отмечает, что "западно-сибирская керамика с ее выразительной орнаментацией, характерной традиционностью орнаментальных мотивов и широким распространением является наиболее важным и объективным источником при определении границ культурных общностей, выяснения преемственности культурного развития, выяснения характера и направления культурных связей и т.д." /1, с.8/.

Целый ряд западно-сибирских культур, таких, например, как сузгунская, ирменская, черкаскульская, выделены были сначала по материалам поселений, т.е. прежде всего по форме и орнаментации посуды. Некоторые из них предложены на основе лишь одного исследованного памятника /2, с.12-14/. Так, например, В.И.Мошинская выделила сузгунскую культуру по материалам одного жертвенного места Сузгун П /3/.

Разделяя рассмотренное выше мнение М.Ф.Косарева, мы считаем вполне правомерным выделение новой археологической культуры по керамическому комплексу одного или нескольких памятников, если они достаточно своеобразны и не укладываются в существующие рамки традиционных культур, даже при отсутствии других признаков. При этом необходимо, насколько это возможно, учитывать весь ход культурно-исторического процесса на данной территории в его сложности и многообразии. Именно эти критерии, наряду с учетом ряда других характерных признаков, в частности, особенностей хозяйства, были поставлены нами во главу угла при решении вопроса о выделении в южной части Верхнего Приобья новой оригинальной культуры эпохи поздней бронзы – корчажинской, получившей свое название по раскопанному Б.Х.Кадиковым поселению Корчажа У на оз.Иткуль в Зональном районе Алтайского края.

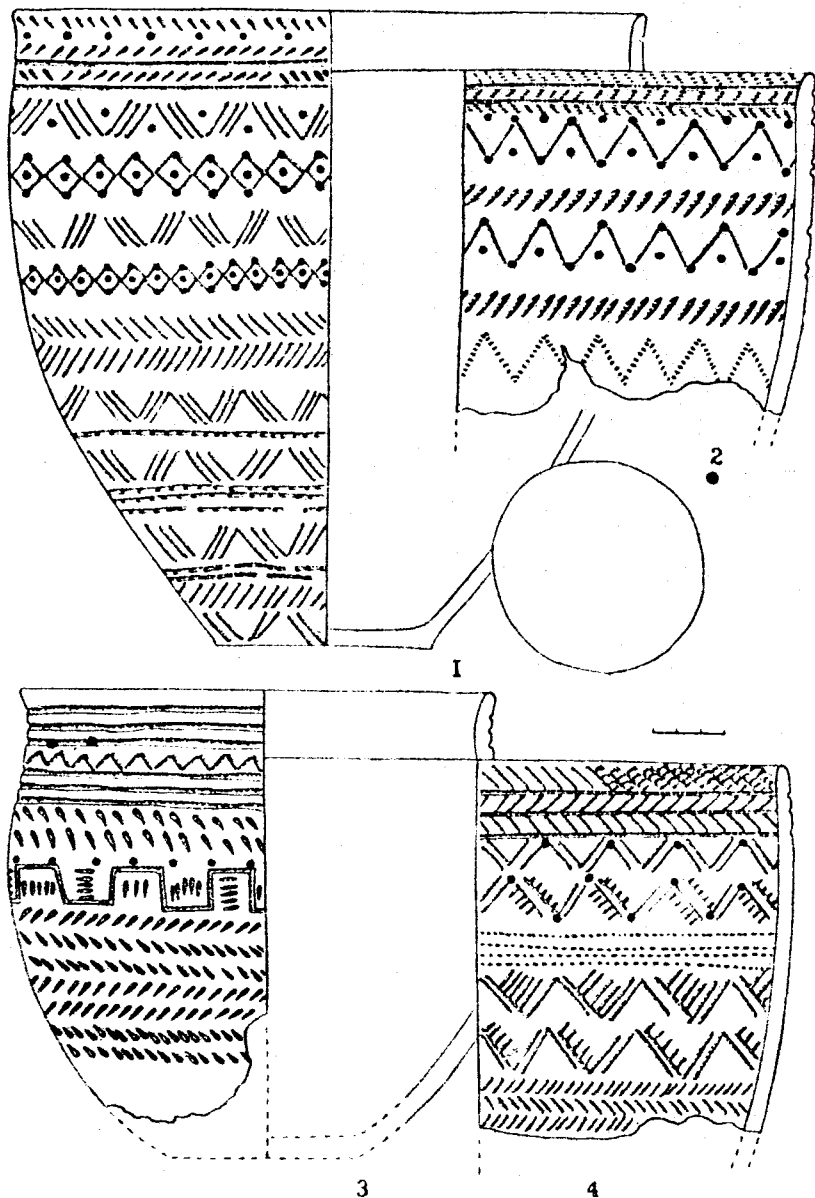

Рис. I. Керамика фирсовского типа. Костенкова избушка (I-4)

Долгое время памятники эпохи поздней бронзы Барнаульско-Бийского Приобья традиционно относились к карасумской культуре /4, с.150-159/ либо эпохе /5, с.26-43/, а позднее они же стали называться ирменскими /6, с.27/. Последняя точка зрения была поддержана большинством исследователей, занимающихся проблемами позднего бронзового века юга Западной Сибири. Позднее В.А.Посредников ряд этих памятников, расположенных, в частности, на оз.Иткуль, отнес к другой культуре - еловской /7, с.2/. Это мнение отчасти разделял В.И.Матющенко, который включил их в еловский этап единой еловско-ирменской культуры /8, с.4, 13-17/. В 1981 г. Ю.Ф.Кирушин выделил алтайский локальный вариант еловской культуры, отличающийся от более северных таежных еловских памятников особенностями орнамента керамики и различными соотношениями охоты, рыболовства и скотоводства в их хозяйстве /9, с.53/. Позднее он предложил говорить не о локальном варианте еловской, а о новой археологической культуре, сформировавшейся в конце 2-го тыс. до н.э. на территории Барнаульско-Бийского и южной части Новосибирского Приобья в результате смешения пришлого андроновского и местного елунинского населения /10, с.51-52/. Впоследствии данная культура получила название корчажкинской. Подробная характеристика ее была дана А.Б.Шамгиным в 1985 г. в Новосибирске на конференции "Тенезис и эволюция этнических культур Сибири и сопредельных территорий". Однако до сих пор материалы, послужившие основой для выделения новой культуры, оставались неопубликованными, что, естественно, затрудняло восприятие ее многими исследователями, с ними не знакомыми. Поэтому целью настоящей статьи является публикация этих материалов, а также попытка построения схемы культурно-генетического развития корчажкинской культуры в Барнаульско-Бийском Приобье от андроновского времени и до переходной эпохи от бронзы к раннему железу.

Памятники корчажкинской культуры локализуются в Барнаульско-Бийском Приобье довольно узкой полосой по Оби и в устьях ее притоков, а также на проточных озерах, входящих в ее систему, каким является озеро Иткуль. Нам известно около 40 памятников, на которых обнаружены корчажкинские материалы. Среди них преобладают поселения. Могильники встречены единично. Поселения чаще всего являются многослойными, и на них выделяются лишь корчажкинские слои. Однако известны и "чистые" однослойные памят-

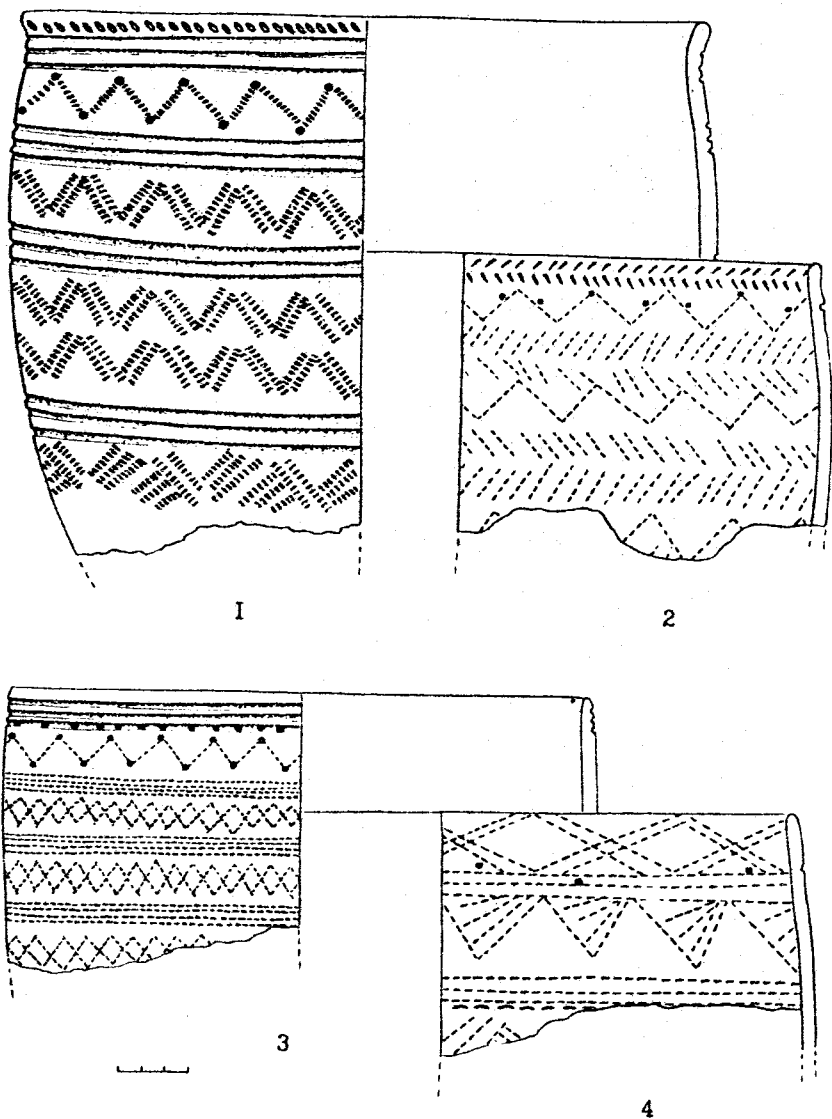

Рис.2. Керамика фирсовского типа. Костенкова Избушка (I-4)

ники, как, например, само поселение Корчажка У. Большая часть памятников корчажкинской культуры представлена лишь сборами подъемного материала либо исследована небольшими разведочными раскопами. Крупным раскопкам, давшим основные находки этой культуры, подверглись поселения Костенкова Избушка (вскрыто более 2 тыс. кв. м) и Корчажка У на оз. Иткуль; Фирсово ХУП, Речкуново IУ и могильник Осинки, расположенные на границе коренного берега и обской поймы. Отметим, что большинство корчажкинских памятников выявлено на правом берегу Оби и лишь отдельные (Казенная Займка, Чарышское, Серебренниково Ш) на ее левобережье. Большая группа их зафиксирована на оз. Иткуль.

Основным инвентарем корчажкинских памятников является керамика, встреченная практически на всех поселениях и могильниках. Значительное количество костяных и бронзовых вещей найдено в восьми исследованных Д. Г. Савиновым погребениях могильника Осинки. Эти материалы опубликованы /II/. В тесте всех корчажкинских сосудов, изготовленных ленточным способом, обнаружена примесь песка и дресвы. На стенках многих из них сохранились следы нагара. В соответствии с различиями в форме и орнаментации, корчажкинская керамика отнесена нами к двум типам: фирсовскому и иткульскому.

Для фирсовского типа, получившего свое название по поселению Фирсово ХУП, где встречен практически чистый комплекс этой посуды, в технике нанесения орнамента характерен гребенчатый штамп. Так, на поселении Костенкова Избушка 63 сосуда фирсовского типа (66,32 %) украшены гребенкой, а на поселении Фирсово ХУП — 77 сосудов (74,04 %). Сосуды чаще баночной, реже слабо профилированной горшковидной формы, для которых характерно сплошное заполнение стенки орнаментом без разделения на зоны и пояса (рис. I-3, 4; 2-2, 4). В орнаментальной композиции по венчику и тулову сосудов большое место занимают ряды каннелюр (рис. I-3; 2, I; 4-2-4; 5-5) и горизонтальных линий (рис. I-1, 2, 4; 2-3, 4; 4, I), зигзаг (рис. I-2, 4; 2-1-3; 3-1, 4; 4-1, 2, 4), ряды наклонно поставленного штампа (рис. I-2; 3-1, 4; 4-2), часто образующие елочку (рис. 3-2, 5, 6; I-1, 2; 2-2; 5-3, 5), сетка (рис. 4-2-4; 5-2-5) и др. По венчику и тулову сосудов достаточно характерны горизонтальные ряды ямок (рис. I-1-3; 3-2, 5, 6; 4-1, 3). Например, на венчике они встречены на Костенковой избушке на 42,11 % сосу-

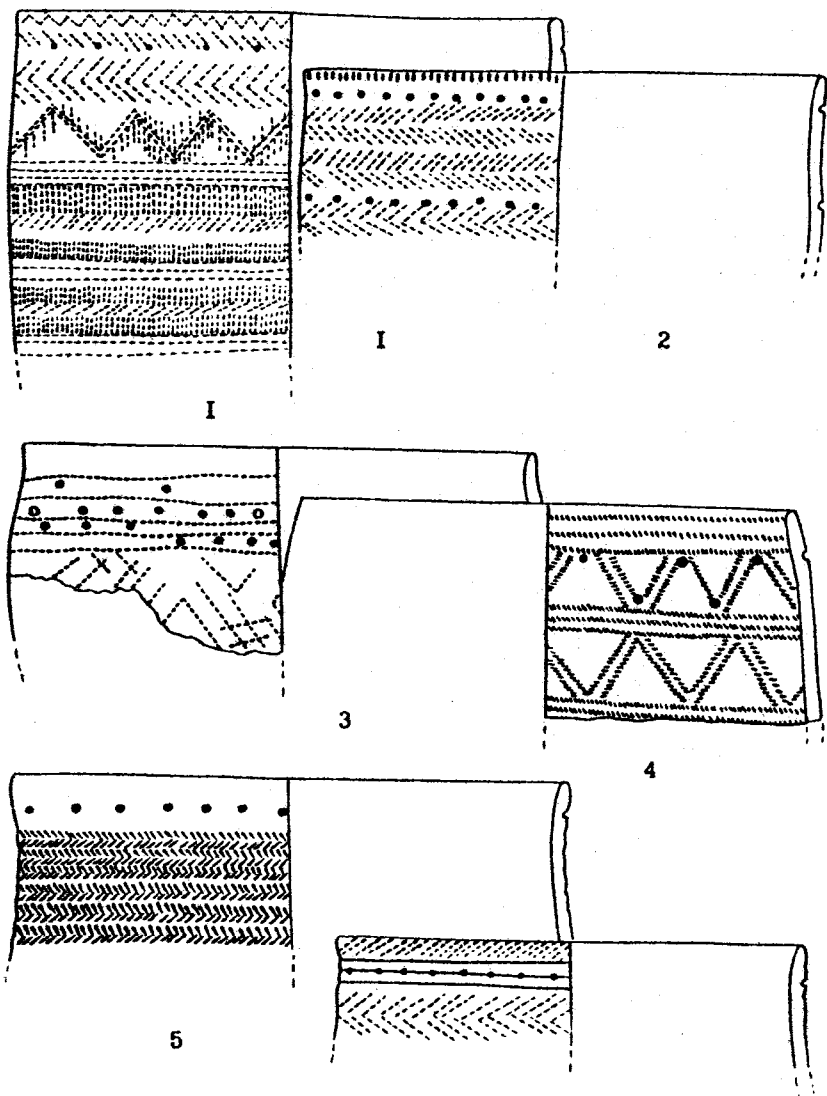

Рис.3. Керамика фирсовского типа: Костенкова Иабушка (1,3,4);
Фирсово ХУП (2,5,6)

дов, а на Фирсово ХУП – на 56,67 %. Нередко ямки подчеркивают углы зигзагов и ромбов (рис.1-2,4; 2-1,3; 4-2,4).

Особый интерес представляет группа сосудов фирсовского типа со своеобразной орнаментальной композицией, состоящей из определенных мотивов, чаще всего рядов зигзага либо сетки, повторяющихся по всей плоскости сосудов и разделенных рядами каннелюров, либо выполненных гребенкой горизонтальных линий, наклонными отпечатками штампа либо ямками (рис.1-2; 2-1,3; 4-1-4). Эта группа является как бы переходной к иткульскому типу, где такая композиция становится уже преобладающей.

Отдельные черты керамики фирсовского типа прослеживаются в Барнаульско-Бийском Приобье в керамических комплексах предшествовавших культур эпохи бронзы и прежде всего – в андроновской. Это четкая профилировка стенок ряда сосудов и отогнутость края венчиков, наличие рядов каннелюров (рис.1-3; 2-1; 4-2-4; 5-5), ломаные линии по тулову в виде Г-образных фигур (рис.1-3), солярное оформление дна (рис.5-3) и др. Некоторые черты можно рассматривать как производные от елунинской керамики: прямая баночная форма сосудов, ряды гребенчатых горизонтальных линий (рис.3-1,4; 2-3,4), сплошное заполнение стенок однообразными узорами (рис.3-1). Особенно напоминает елунинскую керамику один из сосудов поселения Костенкова Избушка (рис.3-1). Однако в целом елунинская традиция прослеживается в корчажкинской керамике слабо, даже в раннем ее фирсовском типе, зато здесь отчетливо фиксируется сильный гребенчато-ямочный компонент, происхождение которого пока не совсем ясно. Он существовал на этой территории и в предшествовавшее елунинское время, однако, видимо, имела место и миграция сюда населения, также являющегося носителем гребенчато-ямочной орнаментации в керамике.

Иткульский тип, получивший свое название по месту нахождения поселений, давших наибольшие керамические серии, – на озере Иткуль, представлен сосудами баночной и горшковидной формы. В технике нанесения орнамента наблюдается постепенный переход от гребенчатого штампа к гладкому, который на керамике иткульского типа становится преобладающим. Характерно заполнение орнаментом большей части стенки сосуда. Основной орнаментальной композицией на иткульском типе керамики остаются получившие развитие еще на фирсовском ряды характерных мотивов: сетка (рис.6-1-4; 7-2,3,5; 8-1,4; 10-6), елочка (рис.6-2; 7-1,3,4; 8-3,5), наклонные отпе-

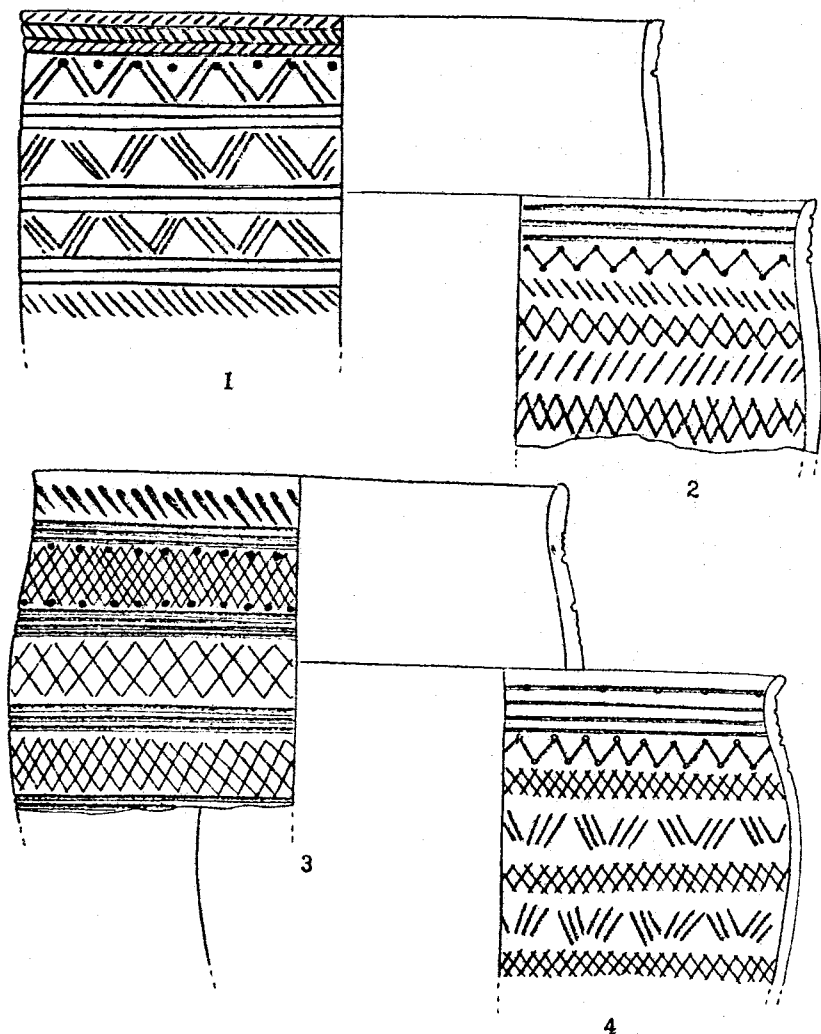

Рис.4.Керамика фирсовского типа.Костенкова Избушка (I-4)

чатки штампа (рис.6-3,4; 7-2; 8-2,5; 10-6) и, частично, зигзаг (рис.8-2,5), разделенные рядами ямок (рис.6-1-4; 7-1-5; 8-2-5), каннелюрами и прочерченными линиями (рис.6-2,4; 7-2,5; 8-3; 9-1,2,4) либо оставленными чистыми поясами (рис.6-3, 7-1; 10-6). Иной раз, начавшись на венчике, один и тот же мотив, единообразно повторяясь, идет до самой придонной части (рис.6-1,2; 8-5; 9-2, 4). Иногда на шейке сосудов разделительный ряд из ямок заменяется рядом жемчужника (рис.6-1,3; 8-1,2,5; 10-6), что более характерно для керамики быстровского этапа ирменской культуры, памятники которого локализовались севернее - в пределах Новосибирского Приобья. В целом облик керамики иткульского типа достаточно своеобразен. Именно такая керамика первоначально и была отнесена к корчажинской культуре.

Иткульский тип представлен и другой группой посуды, для которой характерным становится геометризм в орнаментации, порой ярко выраженный. Место рядов сеток и елочек занимают теперь ряды треугольников, как свисающих (рис.8-3; 9-1,2,4,5), так и обращенных вершинами вверх (рис.8-3; 9-1,3), появляются ромбы (рис.8-1; 9-1), по-прежнему сохраняется зигзаг (рис.8-2,5). Андроноидный облик этой керамики позволяет рассматривать ее как результат окончательного поглощения пришлых андроноидных традиций местным гребенчато-ямочным субстратом. Процесс это не является чем-то специфически алтайским. Он хорошо описан М.Ф.Косаревым применительно к более северным районам, в частности, к южной части Томско-Тымского Приобья, где он идет примерно в это же время и где также отмечается упадок гребенчатой орнаментации и тенденция возрастания удельного веса геометрических узоров в орнаменте /1, с.146,149/.

В целом керамика иткульского типа имеет много общего как с керамикой еловской культуры, прежде всего со второй и, частично, третьей группами, выделенными М.Ф.Косаревым /1, с.145-153/, так и с керамикой быстровского этапа ирменской культуры, выделенного А.В.Матвеевым /12, с.59,62/.

Большое количество изделий из бронзы и кости получено из могильника Осинки. Среди них отметим бронзовые наконечники копий, кинжал, ножи, долото, украшения, височные кольца, браслеты, двойные бляшки и др. Подробно рассмотрев инвентарь могильника Осинки, Д.Г.Савинов датировал его X-VIII вв. до н.э., отметив при этом своеобразие осинкинских материалов. Он высказал

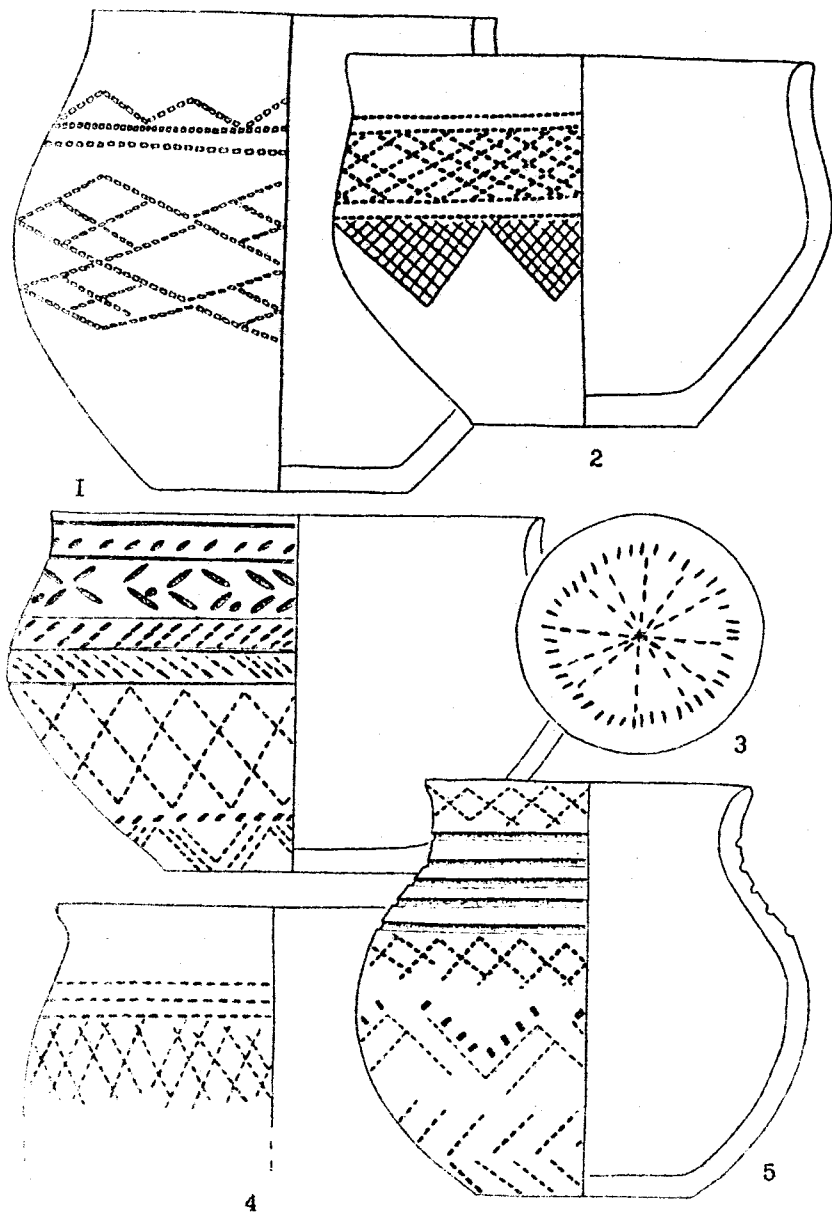

Рис. 5. Керамика фирсовского типа: Тараба I (I); Ордынское (2); Костенкова Кабушка (3, 5); Фирсово ХУП (4)

мнение, что могильник оставлен группой населения, обитавшей в начале I-го тыс. до н.э. на Верхней Оби и отличной по культуре от носителей алтайского варианта карасука. По мнению Д.Г.Савинова, в основе этой культуры лежала сейминская традиция в изготовлении бронзового инвентаря, длительное время сохранявшаяся на данной территории /II, с.99/.

Мы считаем Осинкинский могильник по его культурной принадлежности корчажкинским. Дата его - эпоха поздней бронзы - сомнений не вызывает, что подтверждается большинством обнаруженных там вещей. Однако найденная в Осинках керамика явно не ирменская, она ближе к корчажкинской /II, рис.3-12,13,17; 4/. Аналогичный ей сосуд был найден при раскопках поселения Фирсово ХУП. Кроме того, отчетливо прослеживаемая в материалах могильника сейминская традиция в изготовлении бронзового инвентаря не типична для существовавшей на этой территории ирменской культуры, но зато характерна для послуживших основой формирующейся корчажкинской культуры елунинской и андроновской культур. Таким образом, относя Осинкинский могильник к корчажкинской культуре, весь его инвентарь мы считаем корчажкинским. Поскольку подробная характеристика его и обоснование даты этих находок сделаны Д.Г.Савиновым, мы на этом вопросе останавливаться не будем.

Корчажкинские материалы датированы нами как на основе стратиграфических наблюдений, так и с помощью датирующих вещей и посредством датированных аналогий. На поселении Костенкова Избушка корчажкинская керамика перекрывает елунинскую и гребенчато-ямочную и, в свою очередь, перекрывается керамикой эпохи раннего железа. В то же время необходимо отметить, что фирсовская керамика в целом залегает ниже иткульской, что, на наш взгляд, свидетельствует о ее более раннем возрасте по сравнению с последней. Их хронологические различия подтверждаются и планиграфией поселения Костенкова Избушка. Фирсовская керамика залегает большим скоплением в юго-западной части раскопа, близко к берегу протоки, соединяющей озера Большой и Малый Итуль. Для андроновского времени в Барнаульско-Бийском Приобье доказано существование более сухого, нежели современный, климата /13, с.11-12; 14, с.68-69/. Не исключено, что это было характерно и для следующего за ним начального периода эпохи поздней бронзы (фирсовского этапа).

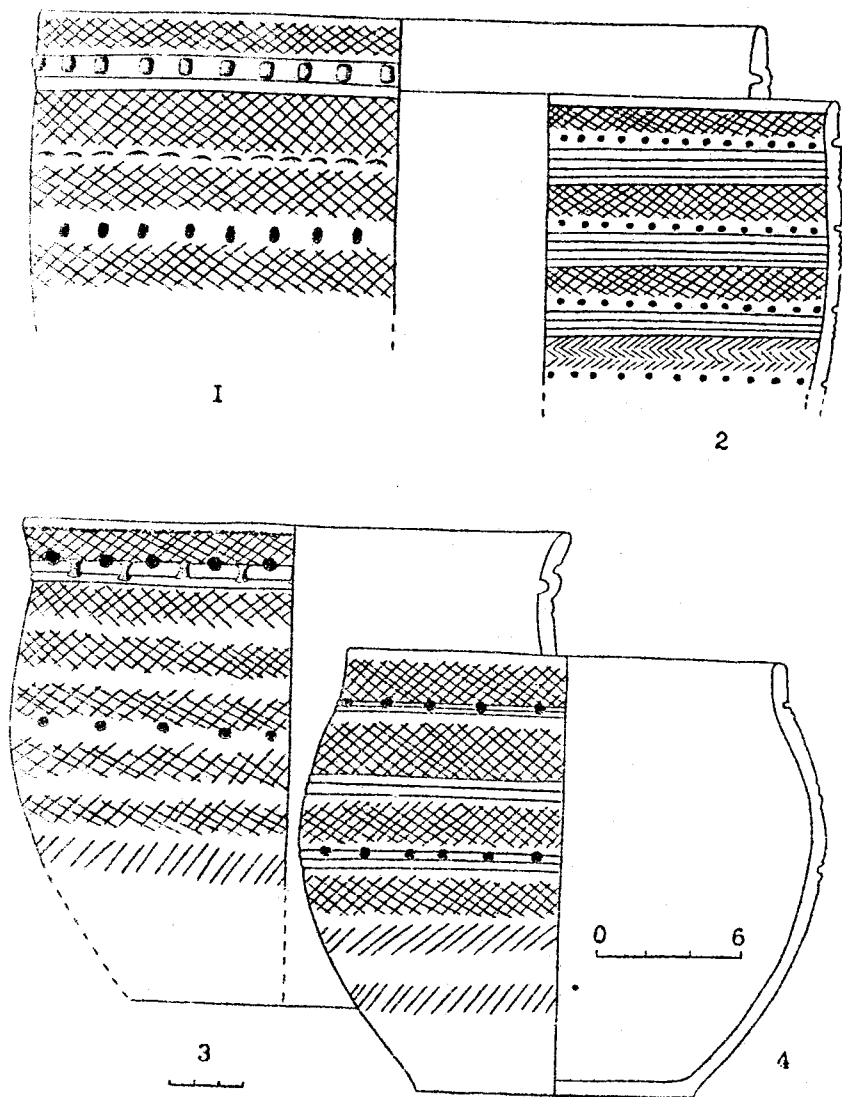

Рис. 6. Керамика иткульского типа: Костенкова Избушка (1, 3, 4); Фирсово ХУП (2)

Уровень воды в водоемах и грунтовых вод, видимо, был ниже современного. В связи с этим нам представляется, что залегание фирсовской керамики близко к береговой кромке, в то время как иткульская располагалась выше по склону, больше в центральной и северной частях раскопа поселения Костенкова Избушка, свидетельствует о более раннем возрасте фирсовской посуды. В то же время фирсовский и иткульский типы керамики, несомненно, относятся к одной культуре — корчажкинской, что доказывается их большой близостью, а также наличием "переходной" группы, и составляют два хронологических этапа: ранний — фирсовский и поздний — иткульский.

Иткульский этап корчажкинской культуры надежно датируется вещами могильника Осинки и рядом других изделий, а также совместным залеганием иткульской и ирменской керамики, в том числе и в закрытых комплексах (Кытманово, могила 17). На ряде памятников прослежено тесное взаимодействие ирменской и корчажкинской (иткульской) традиций (ирменское поселение Речкуново III — рис.10-5; корчажкинское поселение Малоугренево и др.). Таким образом, иткульский этап в Барнаульско-Бийском Приобье хронологически совпадает с ирменской культурой. Верхняя граница иткульских и ирменских памятников на этой территории надежно определяется материалами поселения Мыльниково (мыльниковский тип) — вторая половина VIII—XI вв. до н.э. /15, с.101/, керамический комплекс которого сочетает в себе уже переработанные корчажкинские и ирменские традиции при значительном преобладании первых (рис.10-1-4). Мыльниковский тип, являющийся по сути своей уже раннебольше-реченским, завершает собой единую местную линию развития, начинающуюся с фирсовского типа. Таким образом, дата иткульского этапа корчажкинской культуры — X — первая половина VIII в. до н.э.

Фирсовский же этап заключен между иткульским этапом корчажкинской культуры, с одной стороны, и андроновской культурой, являющейся его предшественницей, с другой. Дата андроновской культуры в Барнаульско-Бийском Приобье определяется, видимо, XIII — первой половиной XII вв. до н.э. /13, с.27/. Следовательно, дата фирсовского этапа, видимо, — XII(XI)—X вв. до н.э., что подтверждается и датирующими вещами: бронзовым ножом с поселения Костенкова Избушка и желобчатым долотом с поселения Большой Лог. Дата корчажкинской культуры в целом — XII(XI) — первая половина VIII вв. до н.э.

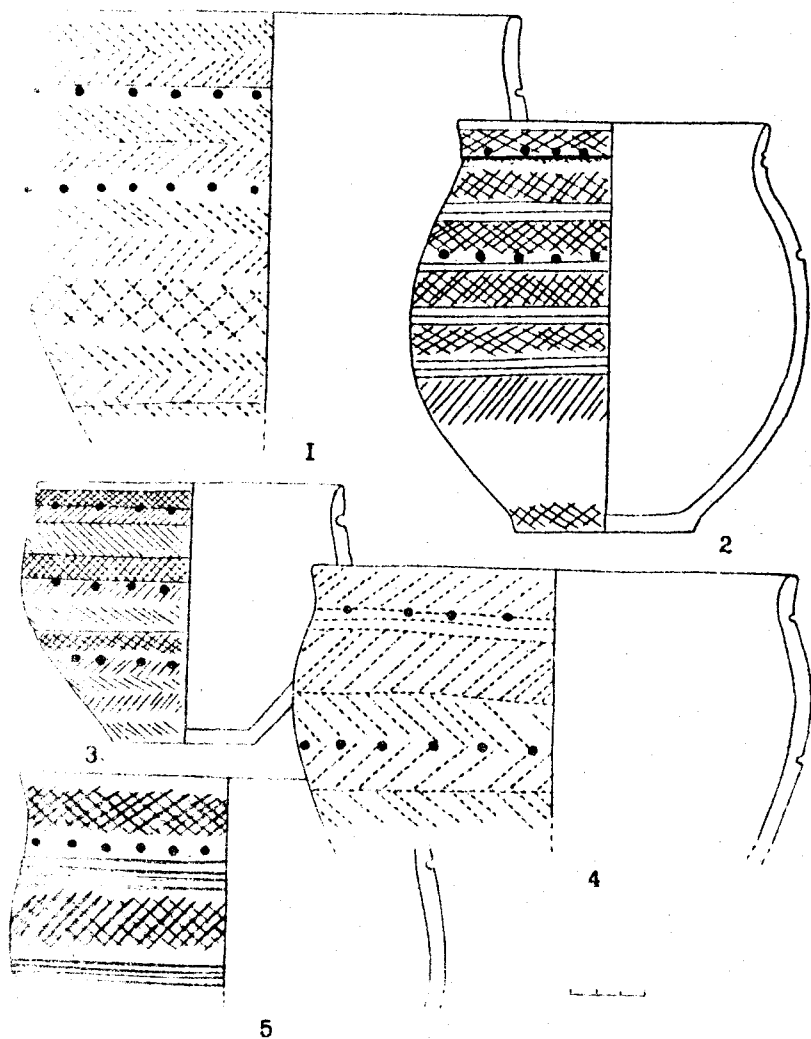

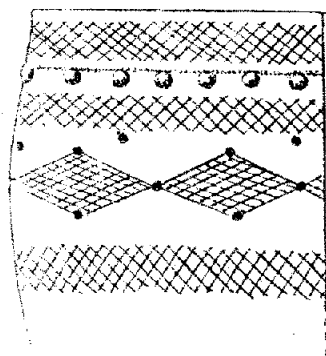
Рис. 7. Керамика иткульского типа. Корчажка У (I-5)

Не рассматривая корчажкинскую культуру как нечто статичное, мы выделяем в ней два хронологических этапа. При этом наряду со стратиграфическими и планиграфическими наблюдениями важное место в доказательстве направления развития культуры занимает широкое распространение на иткульском этапе мотивов, лишь появившихся на фирсовском, а также постоянное снижение от фирсовского к иткульскому этапу роли гребенчатого штампа в орнаментации, что является эпохальной чертой.

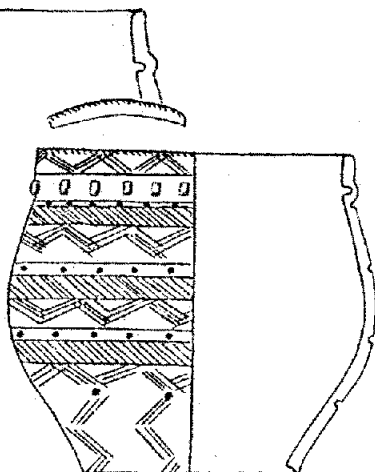
В доказательстве самостоятельности корчажкинской культуры и ее отличия от еловской и быстровского этапа особую роль играют материалы раннего фирсовского этапа, значительно отличающиеся как от еловских (прежде всего от относительно близкой ей первой группы, по М.Ф.Косареву, названной В.А.Посредниковым раннееловской), так и от быстровских.

Для фирсовской и раннееловской культур общими являются прежде всего такие черты, как слабопрофилированная форма сосудов, абсолютное преобладание гребенчатого штампа в орнаментации и сплошное заполнение стенок сосудов орнаментом, которые можно, скорее, назвать эпохальными, нежели культурноопределяющими. Композиции же на этой керамике различаются значительно. Больше всего их общность подчеркивает единый гребенчато-ямочный субстрат, на основе которого вырастают обе культуры, и в силу этого сохраняют отдельные элементы подобию.

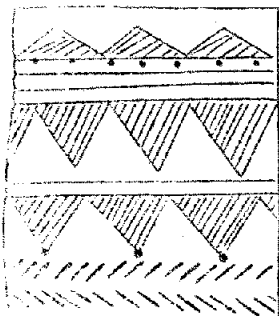
Значительны отличия фирсовского типа посуды и ордынской керамики, рассматриваемой А.В.Матвеевым как переходная форма от андроновской к быстровской. По его мнению, ордынский тип — это дальнейшее развитие чисто андроновских орнаментальных традиций /12, с.58/. Однако в Барнаульско-Бийском Приобье на фирсовском этапе андроновский компонент не вытеснил гребенчато-ямочную традицию. Интересно сравнить базовые памятники, послужившие основой для выделения этапов. Так, на поселении Ордынское XII гребенчатым штампом орнаментировано по венчику $18,6 \pm 7,9$ % сосудов, а по тулову — $14,2 \pm 5$ % /12, с.58/. На Фирсово XVII соответственно — 76,7 и 74,04 %, а на Костенковой Избушке — 52,27 и 66,32 %. Ямки встречены в Ордынском XII по венчику на $18,6 \pm 7,9$ % сосудов, а по тулову — на $14,2 \pm 6$ % (данные по Ордынскому XII взяты из кандидатской диссертации А.В.Матвеева, за что авторы приносят ему большую благодарность).

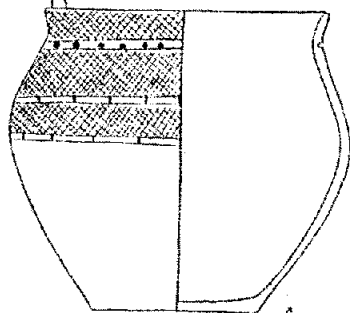
I

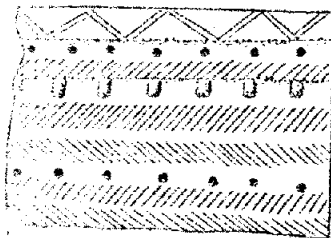
2

3

4

5

Рис. 8. Керамика иткульского типа: Костенкова Избушка (1, 2, 5); Тирасово ХУП (3); Моховое III (4)

в то время как в Фирсово ХУП на 56,67 и 16,35 %, а на Костенковой Избушке на 42,11 и 18,95 %. Зигзаг в Ордынском ХП на венчике вообще неизвестен, а на тулове встречен в $0,3 \pm 0,8$ %. На Костенковой Избушке он обнаружен на 33,68 % сосудов по венчику и на 42,11 % по тулову, а в Фирсово ХУП соответственно в 13,33 и 5,77 %. Есть и много других отличий. Все это не позволяет отнести фирсовскую и ордынскую керамику к одной культуре.

На ордынской керамике по венчику жемчужник встречен на $4,1 \pm 3,9$ % сосудов, а на генетически связанном с ним быстровском этапе он уже абсолютно преобладает - $95 \pm 3,2$ % /12, с.58-59/. В Барнаульско-Бийском Приобье на фирсовском этапе он почти не известен. В Фирсово ХУП ни одного случая, на Костенковой Избушке - 2,11 % сосудов, да и то с разделением ямками. Довольно редок он и на иткульской керамике, что сильно отличает ее от быстровской.

А.В.Матвеев отмечает, что быстровская керамика обнаружена преимущественно на юге Новосибирского и частично в Барнаульско-Бийском Приобье /12, с.59/. Мы не можем согласиться с утверждением, что комплексы такой керамики найдены на поселениях Заковряшино I, Казенная Заимка и тем более Цыганкова Сопка I. На этих памятниках обнаружена корчажнинская, а не быстровская керамика, а поселение Цыганкова Сопка I - чисто ирменский памятник. Единично быстровская керамика действительно встречена в северной части Алтайского Приобья, в том числе и в Заковряшино I. Самым же южным комплексом, где обнаружена быстровская керамика, остается, вероятно, поселение Милованово III /16, с.13,16,17/. Что же касается локализации быстровской керамики именно в южной части Новосибирского Приобья, то это, видимо, не случайно. Вероятно, именно контакты с населением корчажнинской культуры, а возможно, и проникновение этого населения на территорию Новосибирского Приобья несколько сдвигали быстровскую орнаментальную композицию в сторону корчажнинской. Близость отдельных сосудов этих культур бесспорна. Так, например, ряд сосудов с поселения Милованово III вообще неотличим от корчажнинских (иткульских). Впрочем, совершенно не исключено, что эти сосуды именно корчажнинские, а не быстровские, так как Милованово III находится в контактной зоне, где проходила граница между быстровским и корчажнинским населением. Именно здесь на участке Ка-

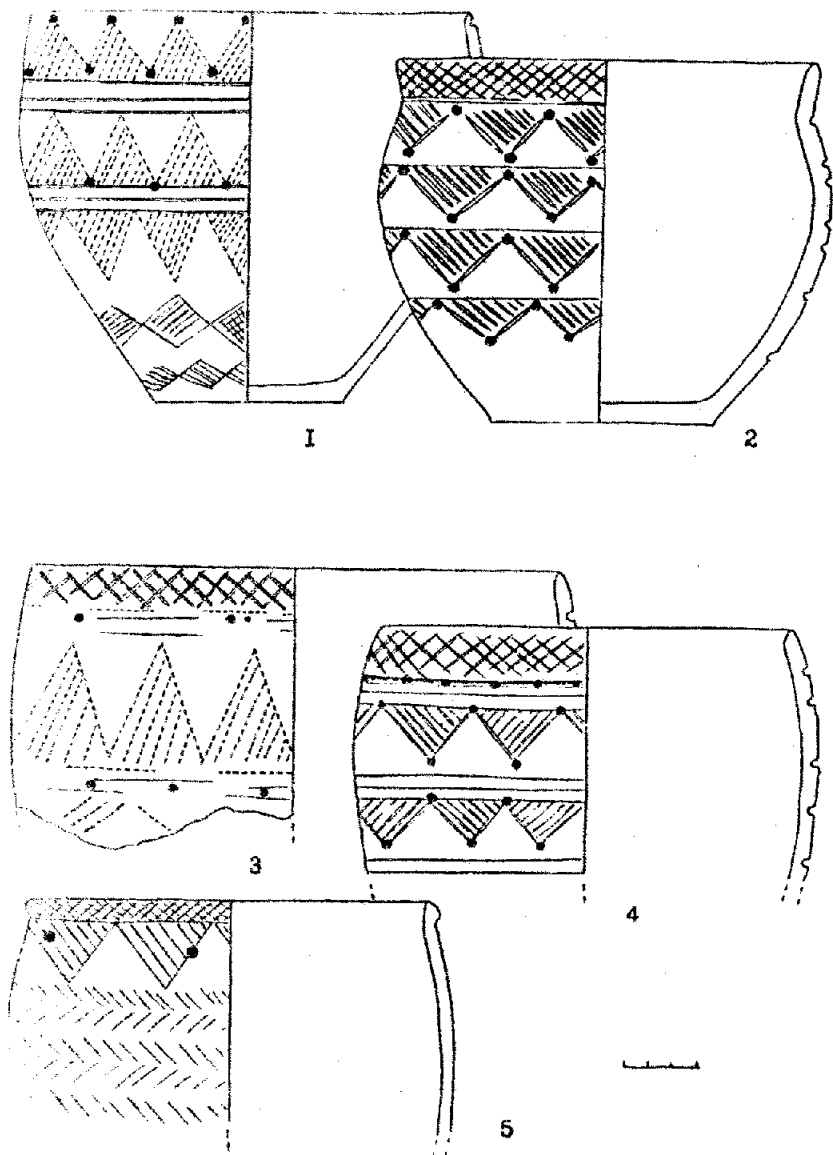

Рис. 9. Керамика иткульского типа. Корчажка У (I-5)

мень-Ордынское, скорее всего, имели место взаимопроникновения носителей этих культур и известны смешанные, "гибридные" материалы.

Возможно, формирование ирменской культуры шло именно в Новосибирском Приобье, где известны памятники ее раннего быстрого этапа. В Барнаульско-Бийском Приобье таких памятников нет, здесь продолжала развиваться местная корчажнинская культура, и лишь на ирменском этапе началось активное проникновение ирменцев на более южные территории, в том числе и в Алтайское Приобье, где они вступили в контакт с корчажнинским населением.

Определенное сходство корчажнинской, быстрогой и еловской посуды вполне объяснимо. Появление корчажнинской и еловской культур, по сути, результат одного процесса – поглощения некогда единым гребенчато-ямочным субстратом пришлої андроновской традиции. Однако процесс этот шел на различном культурном и экологическом фоне. В одном случае в таежной зоне с традиционной культурой и приспавивающим в своей основе типом хозяйства, в другом – в лесостепи со сложившимися культурно-историческими процессами, с миграциями и взаимопроникновениями различных культурных групп и многоотраслевым типом хозяйства. Определенные отличия в хозяйстве еловской и корчажнинской культур, также являющиеся одним из оснований выделения последней, в данной статье нами не рассматриваются.

Близость же корчажнинской и быстрогой орнаментации объясняется, видимо, постепенной нивелировкой пришлої андроновской культурной традиции при взаимодействии ее на территории Новосибирского Приобья с предшествовавшей ей здесь кротовской культурой, а также при активном влиянии на нее с юга корчажнинской, а с севера – еловской культур.

Общая историко-культурная ситуация на юге Западной Сибири в эпоху поздней бронзы была такова, что произошло формирование ряда близких андроновидных культур на значительной территории. Таким образом, приведенные выше основания позволяют, на наш взгляд, убедительно обосновать выделение самостоятельной корчажнинской культуры в Барнаульско-Бийском Приобье в эпоху поздней бронзы.

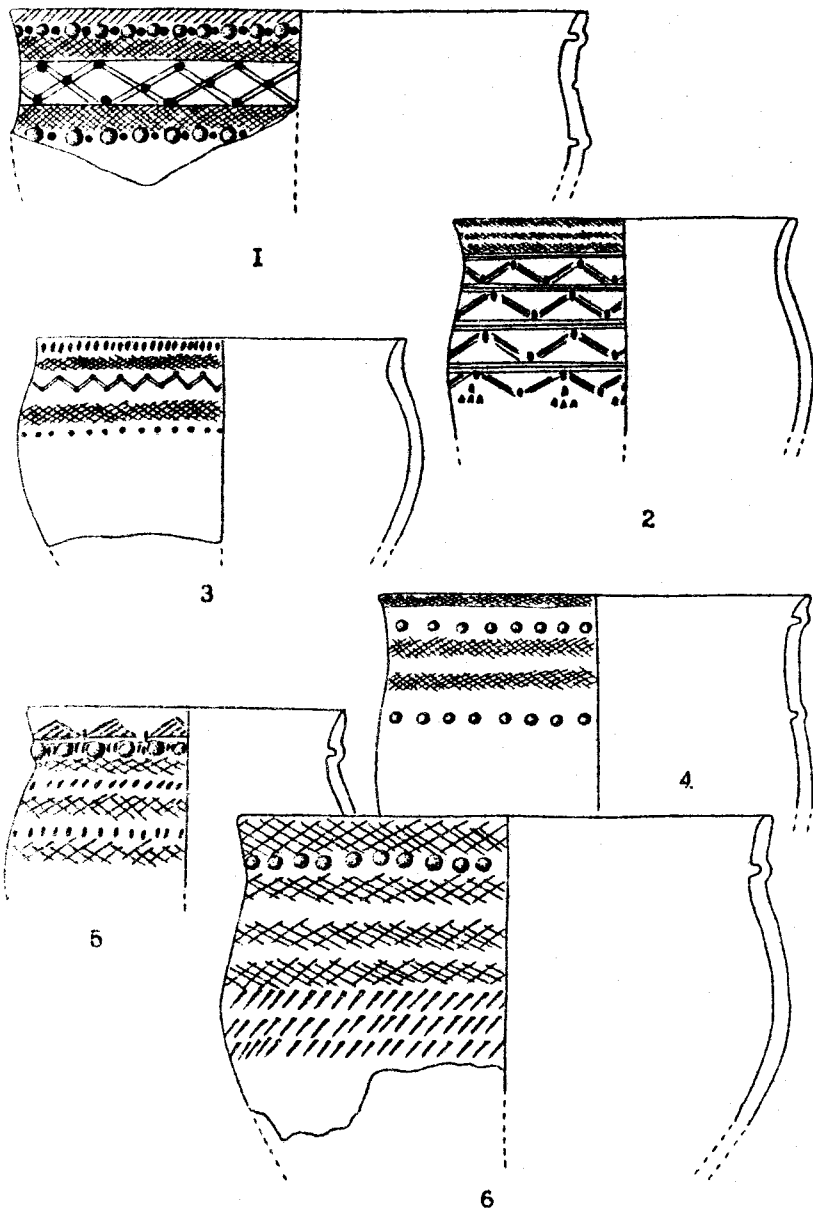

Рис. 10. Керамика с поселений: Мельниково (1-4),
Речкуново II (5), Казенная Заимка (6)

ЛИТЕРАТУРА

1. К о с а р е в М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири.- М., 1981.- 267 с.
2. К о с а р е в М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья.- М., 1974.- 166 с.
3. М о ш и н с к а я В.И. Сузгун-П - памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири // МИА.- 1957.- № 58.- С.114-135
4. К и с е л е в С.В. Древняя история Южной Сибири.- М., 1951.- С.150-159.
5. Г р я з н о в М.П. История древних племен Верхней Оби // МИА.- 1956.- № 48.- С.26-43.
6. Ч л е н о в а Н.Л. Итоги и проблемы изучения карасукской эпохи в Алтайском крае // Археология и краеведение Алтая: Тез. докл. к конф.- Барнаул, 1972.- С.26-29.
7. П о с р е д н и к о в В.А. История еловского населения Среднего и Верхнего Приобья (эпоха поздней бронзы): Автореф. дис... канд.ист.наук.- М., 1973.- 27 с.
8. М а т ю щ е н к о В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч.IV. Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири.- Вып.12.- Томск, 1974.- 196 с.
9. К и р ю ш и н Ю.Ф. О культурах бронзового века в лесостепном Алтае // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем.- Вып.Ш: Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч.конф.- Новосибирск, 1981.- С.51-54.
10. К и р ю ш и н Ю.Ф. Итоги и перспективы изучения памятников энеолита и бронзы Алтая // Проблемы древних культур Сибири.- Новосибирск, 1985.- С.46-53.
11. С а в и н о в Д.Г. Осинкинский могильник эпохи бронзы на Северном Алтае // Первобытная археология Сибири.- Л., 1975 - С.94-100.
12. М а т в е е в А.В. Некоторые итоги и проблемы изучения ирменской культуры // СА.- 1986.- № 2.- С.56-69.
13. К и р ю ш и н Ю.Ф. Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья: Автореф. дис... докт.ист.наук.- Новосибирск, 1986.- 35 с.
14. М о г и л ь н и к о в В.А. Локализация поселений эпохи бронзы на Верхнем Алае // Использование методов естественных

и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. — Барнаул, 1983. — С.67-70.

15. Ш а м ш и н А.В. Поселение Мыльниково — памятник финальной бронзы и переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа // Скифская эпоха Алтая: Тез. докл. к конф. — Барнаул, 1986. — С.100-102.

16. С и д о р о в Е.А. Стратиграфия поселения Милованово III // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. — Новосибирск, 1983. — С.10-20.

В.Б.Бородаев

(Алтайский государственный университет, Барнаул)

О КУЛАЙСКИХ ГЕРАЛЬДИЧЕСКИХ КОМПОЗИЦИЯХ

В ажурных культовых отливках отразились религиозно-мифологические взгляды ранних кулайцев. Содержание этих произведений первобытного искусства выражено в художественной форме с помощью изобразительных средств. Такими средствами являются: сюжет (предмет изображения, образно раскрывающий идею произведения), слагающие его мотивы (простейшие смысловые единицы, выраженные изобразительно в виде фигур, дальнейшее расчленение которых ведет к потере их смысловой нагрузки), композиция (структура, взаимосвязь составных частей изображения, от которой зависит как значимость того или иного мотива, так и весь смысл сюжета), приемы или манера (особенности характера и способа исполнения).

Необходимость выражения содержания в изобразительной форме сама по себе не ограничивала древнего художника в выборе средств. Эти ограничения определялись в основном художественной традицией, пониманием темы и современными мастеру внешними влияниями. Поэтому анализ используемых изобразительных средств и выяснение вопросов их происхождения, развития и исчезновения позволяют уточнить хронологию, внешние связи и, в какой-то мере, генезис археологической культуры.

Как показал М.Ф.Косарев, некоторые кулайские отливки отражают культ дерева, связанный с идеей возрождения жизни, вечно

повторяющихся жизненных циклов /1/. Очевидно, в кулайской среде существовали представления о "древе жизни" - символе плодородия, жизненного начала. Именно такое "дерево жизни" показано в центре известной бляхи из Кулайского клада /2, с. 67, рис. 8/, на которой представлена трехчленная геральдическая композиция, формально копирующая передневносточную изобразительную схему (рис. 9).

В данном случае мотив "древа жизни" передан растительным символом, состоящим из "ствола" и шести попарно расположенных отростков. На поделках из Новообинцевского /3/ и Кривошеинского /4, табл. III-8/ кладов центральным элементом построенных по геральдическому принципу изображений является отросток, напоминающий по форме бутон или почку - возможно, тоже растительный символ вечного возрождения жизни (рис. 15, 24).

Из Кривошеинского клада происходит бляха с трехчастной вертикальной композицией, очевидно, отражающая космологические представления кулайцев. В ее нижней части показана фигура "ящера", аналогичного подобным существам пермского звериного стиля, а вверху - крупная лосиная голова, увенчанная рогами-деревьями (рис. 13). Изобразительно эти деревья-рога тождественны "древу жизни" кулайской бляхи. В данном случае идея Мирового Древа как жизненного начала передана в виде Небесного Лося, наделенного растительной символикой.

Третьей формой изобразительного выражения того же образа являются антропоморфные отливки. Так, голову идола из Новообинцевского клада венчают те же самые деревья-рога, что определенно указывает на связь этого персонажа с идеей плодородия и вечного возрождения (рис. 25). Изобразительный мотив "древа жизни" в виде ствола с несколькими попарно расположенными отростками - передневносточного происхождения, широко распространен в Евразии.

В насыпи кургана 10 могильника Каменный Мыс найдена бляха /5, с. 14, табл. XIII-1/, в нижней части которой показано идущее вправо существо, а на его спине размещена геральдическая трехчленная композиция, состоящая из центральной антропоморфной фигуры и двух птиц по бокам (рис. 22). Клювы птиц соединены с головой человека на уровне его ушей. Возможно, таким путем передан образ "вещих" птиц (рис. 31) /6, рис. 14; 7/. Весьма вероятно, что в изображении человека, зрительно и семантически доминирующем на бляхе, следует видеть какой-то важный мифологический персонаж,

связанный с устройством мира и идеей жизненного начала, хотя изобразительный мотив "древа жизни" здесь отсутствует, растительной символики нет.

В приведенных примерах близкие по смыслу идеи выражены с помощью разных изобразительных средств – сюжетов, мотивов и композиций. В основу существующих сейчас типологий кулайских культовых отливок положен их сюжет /8, с.67-74; 9, с.133-136; 10, с.39-43/. Между тем, формальный анализ позволяет провести классификацию и по композиционному принципу.

Загадочной особенностью многофигурных ажурных кулайских отливок оказывается при этом то, что большинство из них построено по геральдическому композиционному канону. Пожалуй, в Западной Сибири не найдется другой археологической культуры, в искусстве которой трехчастная геральдика была бы представлена столь широко.

Геральдическая композиция – это симметричные по отношению к центральному элементу и направленные к нему изображения двух животных. В формальном отношении такие схемы входят в класс групповых изображений, для которых характерна зеркальная симметрия по отношению к центральной вертикальной оси /11, с.12/.

Все кулайские ажурные многофигурные отливки можно подразделить на геральдические композиции и негеральдические схемы (см. рис.). Последние, если исключить четырехугольные решетки, представлены в основном комбинируемыми изображениями лосей, аналогии которым находятся среди рисунков томских писаниц (рис. 26, 27). Негеральдически комбинируемые и многофигурных отливках и одиночные реалистические изображения лосей явственно показывают в кулайском литье Томско-Нарымского Приобья тот слой, который имеет местную основу.

Композиция блях, выполненных по негеральдическим схемам, как правило, вертикальная. Нижнее существо, имеющее иногда признаки "лщера" пермского звериного стиля (рис., 13, 17), вероятно, связывались с нижним миром, мраком, на что, возможно, указывает и направление его движения вправо от зрителя (в северном полушарии солнце по небосводу от востока к западу движется слева направо). Не исключено, что в этой группе изображений, кроме разнозначности позиций верх – низ, существовала семантическая разнозначность направлений влево – вправо (к востоку – к западу).

Описанная группа отливок крайне малочисленна. Абсолютное большинство многофигурных акурных кулайских изображений выковано по геральдической или производным от нее схемам.

Геральдические композиции в искусстве – явление далеко не всеобщее. Как показал на обширном материале С.С.Сорокин, в основе семантики геральдической симметрии лежит идея преклонения перед божеством или обожествленным земным владыкой. Подобные трехчленные построения с центральным зрительно и семантически доминантным элементом закономерно появляются в изобразительном искусстве лишь с начала формирования классового общества с его иерархической идеологией. При родовом строе, когда идея абсолютной власти еще не существовало, такие композиции родиться не могли /12, с.179/.

Геральдические композиции кулайского литья – явление, безусловно, привнесенное. Очевидно, здесь можно говорить о каком-то внешнем влиянии на искусство кулайцев. На это же указывают и отдельные изобразительные мотивы передневносточного происхождения (рис.,9). Появление трехчленной геральдической симметрии в Томско-Нарынском Приобье, видимо, надо относить к раннему железному веку, так как подобные изобразительные структуры в памятниках докулайского времени там пока не известны.

Таким образом, произведенное формальное деление многофигурного акурного литья, очевидно имеет объективную основу в реальной двухкомпонентности этого вида кулайского искусства. К местным, "таежным" чертам относятся сюжеты, связанные с лосям; реалистичная манера изображения этого животного с подчеркиванием его характерных видовых признаков; вертикальная композиция, возможно, семантическая неоднозначность позиций влево – вправо; мотив "ящера" и, судя по петроглифам, трехпалость конечностей, открытая пасть, показ ребер. К привнесенным, "иным" чертам относится какая-то часть сюжетов, связанных с антропоморфными изображениями как символами жизненного начала и плодородия, а также сюжетов, связанных с птицами; геральдическая композиция, семантическая неоднозначность позиций центр – край; мотив "древа жизни" в виде растения.

Исключительный интерес представляет каменномысская бляха (рис.,22). К сожалению, у нижнего животного обломана голова, и о его видовой принадлежности можно судить только по двухпалым конечностям, которые непропорционально малы по сравнению с дли-

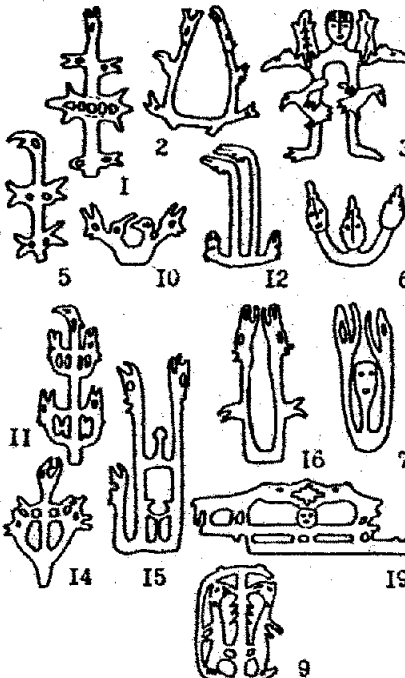
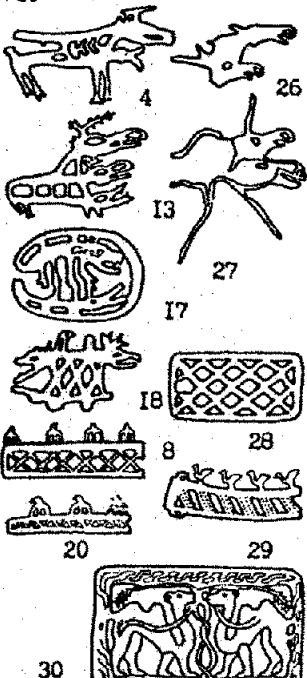
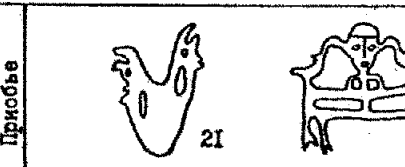
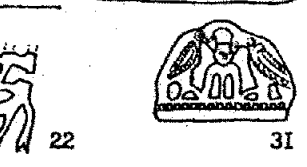
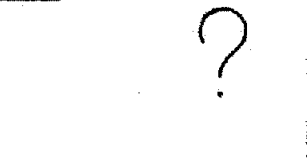
Геральдические композиции		Другие схемы	Аналогии
Томско-Нарынское Прибые			
			
			

Рис. Кулайские ажурные отливки и некоторые параллели им: гора Кулайка (1-9); Бокчарский клад (10, 11); Кривошеинский клад (12-16); Самусь IV (17); Ишимский клад (18); устье р. Чикалки (19); р. Нурса (20); Каменный Мыс (21, 22); Новообинцевский клад (23-25); Томская писаница (26, 27); Косогольский клад (28); Ордос (29, 30); Прикамье, X в. н. э. (31)

ной туловища, да по своеобразной согнутости передней ноги, что стилистически характерно для кулайских изображений лося /9, с.133/. Если такая реконструкция сюжета верна, то налицо соединение черт разных стилей: с одной стороны, вертикальная композиция, мотив лося и нижнего существа, идущего вправо; с другой стороны, геральдическая симметрия верхней части, мотивы антропоморфного божества и птиц.

Думается, что в каменномысленной бляхе надо видеть не простое механическое смешение двух стилей кулайского ажурного литья, а документальное подтверждение на изобразительном материале фратриально-этнической двухкомпонентности общества, членами которого был оставлен могильник. Именно как отражение фратриальной символики, идеи борьбы тотемных предков двух фратрий рассматривал усть-полуйские бляхи с вертикальным размещением существ одного над другим В.Н.Чернецов /13, с.140,165/.

Абсолютное большинство кулайских культовых изображений происходит из Томско-Нарымского Приобья, которое традиционно считается местом возникновения ажурного литья. Сравнительно недавно такие изделия были обнаружены в Новосибирском и Барнаульском Приобье /3; 5/. Несмотря на их крайнюю малочисленность (рис.21-25), эти находки позволяют поставить вопрос о возникновении геральдических сюжетов кулайского литья (а может быть, и самого ажурного литья) в районах южнее Томского Приобья и привнесении оттуда этих традиций в ареал керамики васюганского типа какой-то этнической группой, впоследствии слившейся с коренным населением.

Такое предположение не противоречит общему выводу о южных направлениях миграций кулайцев в конце III-I вв. до н.э., поскольку распространение традиций кулайского литья в Томско-Нарымском Приобье, по-видимому, произошло ранее, примерно в конце IV - середине III вв. до н.э. Для датировки памятников с кулайским ажурным литьем временем древнее второй половины IV в. до н.э. пока нет оснований. Что касается самого Кулайского клада, найденного в 1920 г., Кулайского культового места и, вероятно, Бокчарского клада, то обнаруженные в них бронзовые наконечники стрел усть-полуйского типа (вторая группа, по И.М.Мягкову) говорят о сравнительно поздней дате этих памятников, вряд ли ранее конца III-II вв. до н.э. /2, с.65-66; 8, с.54,63, табл.III-10; 13, с.127;

14, с.226/. Первооткрыватель "культуры типа г.Кулайки" И.М.Мягков, очевидно, был недалек от истины, когда датировал описанное им ажурное литье "временем около начала Пьяноборского периода" /8, с.73/.

В пользу вывода о привнесении геральдики ажурного литья в кулайскую культуру с юга свидетельствует и то, что композиционно наиболее близки канонам геральдической симметрии бляхи Барнаульского и Новосибирского Приобья, тогда как на отливках Томско-Нарымского Приобья прослеживаются все этапы вырождения этой схемы:

1. Утрачивается зрительная доминантность центрального элемента (рис.7, 19), он превращается в вертикальную ось симметрии (рис.,14).

2. Умножается количество зеркально-симметричных пар животных (рис.,11).

3. Иногда центральный элемент исчезает, композиция превращается в двухчленную (рис.,16), в дальнейшем – в асимметричную (рис.,2,10,12).

4. Зеркально-симметричные пары животных разворачиваются по направлению от центрального элемента (рис.,1-3,5,6), геральдическая композиция исчезает.

Параллельно с этим яло огрубление художественных приемов: в видовом отношении животные становятся все более неопределенными, происходит крайняя схематизация изображений (рис.,1,2,5). Ажурность сменяется плоским литьем (рис.,3,6).

Бляхи с разной степенью отхода от классических принципов построения встречаются в комплексах совместно. Образцы деградировавшей геральдики есть и в могильнике Каменный Мыс (рис.,21), и, возможно, в Новообинцевском кладе (рис.,23). Однако в целом единичные пока находки с Верхней Оби дают более правильную геральдику, чем численно значительно превосходящие отливки из Томско-Нарымского Приобья, как бы указывая на направление распространения рассматриваемых композиций.

Деградация изобразительной формы, возможно, отражает непонимание темы, потерю прежней семантики образа, его переосмысление. Не в этом ли одна из причин кратковременности бытования кулайского ажурного литья в Томско-Нарымском Приобье? На саровском этапе, примерно с рубежа II-I вв. до н.э., техника ажурного

литья исчезает, трехчленные геральдические композиции уже не встречаются, хотя зеркальная симметрия в трехчастных схемах используется.

Если о южном происхождении геральдики кулайского литья и связанных с нею сюжетов и о привнесении их в ареал керамики васюганского типа примерно в конце IV – середине III вв. до н.э. можно высказать предположение в виде требующей проверки гипотезы, то вопрос об источниках и причинах появления геральдических композиций в кулайском литье в настоящей статье лишь поставлен и остается открытым.

И.М.Мягков в бляхе с птицами перед "древом жизни" (рис., 9) видел "связь с культурой Сибирской Золотой коллекции Эрмитажа" /8, с.74-75/, т.е. со скифским миром. Действительно, в Сибирской коллекции имеются парные прямоугольные пластины с "древом жизни" в центре и двумя обращенными к нему драконами по сторонам /15, с.14,35-36, табл.П-9, IX-6/. Однако, по-видимому, этот сюжет был привнесен в скифо-сибирское искусство извне, так как других семантически значимых трехчленных геральдических композиций скифского времени в Южной Сибири нет. По мнению С.С.Сорокина, этот факт закономерен /11, с.13; 12, с.181/. В скифо-сибирском искусстве геральдическая симметрия чаще дву-, а не трехчленная; она обусловлена функциональной симметричностью украшаемого предмета, не несет семантической нагрузки и по сути орнаментальна /12, с.181/.

В искусстве ранних кочевников Азии серия семантически значимых трехчленных геральдических изображений известна только на прямоугольных ажурных бляхах из Ордоса /16, рис.1-4, 2-1, 2; 17, табл. XXVШ/. В центре их обычно показано "древо жизни", а по бокам два направленных к нему животных (рис., 30). Могли ли композиции этих поясных пластин быть источником появления кулайской геральдики?

В Сибири найдено около ста ажурных поясных пластин, отличающихся по ордосским образцам. Датируются они преимущественно II-I вв. до н.э. /16, с.9, 16/. Геральдика сибирских блях двучленная: "древа жизни" уже нет, лишь на некоторых изделиях имеются грубо выполненные остатки ветвей и листьев, переходящие в орнамент /16, с.10, 19/. Это определенно указывает на несколько более раннюю дату ордосских блях, появление которых М.И.Артамонов относил

к III в. до н.э. /18, с.167/. Тем же временем он датировал и описанные выше пластины Сибирской коллекции /18, с.163/. С.И.Руденко предположительно относил эти пластины к IV в. до н.э. /15, с.36/.

И.М.Мягковым опубликована прямоугольная ажурная бляха с устья р.Чияпки, притока р.Васюган, на которой зеркально-симметрично изображены олени, обращенные к боковым сторонам рамки /8, с.56,74/. Аналогии этой находке имеются только в Ордосе /16, с.19, рис.2-6,7/. По сведениям М.А.Дэвлет, ни одна из 120 учтенных ею сибирских ажурных пластин II-I вв. до н.э. не имеет такого сюжета /16, с.19/. Весьма вероятно, что образец, по которому изготавливалась васюганская бляха, попал в Среднее Приобье ранее II в. до н.э. Довольно близкие аналогии находят в ордосских бронзах и некоторые другие кулайские поделки Нарымского Приобья, выполненные в технике ажурного и полого литья /8, табл.П-3,7, сравн.17, табл.ХУ-10,У1-3/.

Если допускать, что кулайская трехчленная геральдика воспринята от ордосских образцов, то появление ее, очевидно, надо относить ко времени около III в. до н.э., поскольку на сибирских пластинах II-I вв. до н.э. таких композиций уже нет. О появлении около III в. до н.э. каких-то связей между Ордосом и Внутренней Монголией, с одной стороны, и Средним и Нижним Обь-Иртышью, с другой, писал еще В.Н.Чернецов, предполагая их причину в начавшихся передвижениях хуннских племен. Важно, что этот вывод был сделан при анализе совершенно другого археологического материала /19, с.78; 14, с.241/.

Таким образом, исключать возможность влияния ордосских изобразительных схем на кулайское искусство, наверное, нельзя. В частности, особняком среди кулайских геральдических композиций стоит бляха с "древом жизни" и птицами (рис.,9). Она отличается четкостью построения, ясно выраженной семантической доминантностью центрального элемента и наличием подпрямоугольной рамки. Возможно, в этом изделии отразилось знакомство кулайского мастера с прямоугольными ордосскими пластинами (рис.,30).

Однако в целом видеть в ордосских образцах истоки кулайских геральдических схем, вероятно, ошибочно. По мнению С.С.Сорокина, трехчастные геральдические композиции на ордосских поясных пластинах, скорее всего, являются каким-то подражанием /12, с.181/.

Представляется, что появление трехчастной геральдики в кулайском литье примерно синхронно появлению таких же изобразительных схем на поясных пластинах Ордоса и Сибири и может иметь какую-то общую причину. Прототипы кулайских геральдических композиций, по-видимому, надо искать за пределами скифо-сибирского искусства, вероятно, среди более южных земледельческих культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. К о с а р е в М.Ф. О культе дерева у кулайцев // Ранний железный век Западной Сибири. — Томск, 1978. — С.93-95.
2. М я г к о в И.М. Находка на горе Кулайке // Труды Томского краевого музея. — Т.1. — Томск, 1927. — С.65-69.
3. Б о р о д а е в В.Б. Новообинцевский клад // Антропоморфные изображения: Первобытное искусство. — Новосибирск, 1987. — С.96-114. Находки хранятся в Алтайском краеведческом музее, оф. № 14570.
4. У р а в в Р.А. Кривошеинский клад // Труды Томского областного краеведческого музея. — Т.5. — Томск, 1956. — С.329-346.
5. Т р о и ц к а я Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. — Новосибирск, 1979. — 124 с.
6. О б о р и н В.А. Древнее искусство народов Прикамья. — Пермь, 1976. — 190 с.
7. К о р з у х и н а Г.Ф. Об Одыне и кресалах Прикамья // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. — М., 1977. — С.156-162.
8. М я г к о в И.М. Древности Наримского края // Труды Томского краевого музея. — Т.2. — Томск, 1929. — С.51-56.
9. К о с а р е в М.Ф. Древние культуры Томско-Наримского Приобья. — М., 1974. — 218 с.
10. Ч и н д и н а Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. — Томск, 1984. — 255 с.
11. С о р о к и н С.С. Геральдические композиции в искусстве ранних кочевников // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам научной работы Государственного Эрмитажа за 1983 год. — Л., 1964. — С.12-13.
12. С о р о к и н С.С. Отражение мировоззрения ранних кочевников Азии в памятниках материальной культуры // Культура Востока: Древность и раннее средневековье. — Л., 1978. — С.172-191.

13. Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени // Древняя история Нижнего Приобья: МИА.- 1953.- № 35.- С.121-178.
14. Чернецов В.Н. Усть-полуйское время в Приобье // Древняя история Нижнего Приобья: МИА.- 1953.- № 35.- С.221-241.
15. Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I // САИ.- Вып.Д3-9.- 1962.- 52 с.
16. Дэвлет М.А. Сибирские поясные ажурные пластины // САИ.- Вып.Д4-7.- 1980.- 66 с.
17. S a l m o n y A. Sino-Siberian art in the collection of C.T.Boo.- Paris, 1933.
18. Артамонов М.И. Сокровища саков.- М., 1973-280 с.
19. Чернецов В.Н. Опыт типологии западносибирских кельтов // КСИИМК.- Вып.16.- 1947.- С.65-78.

И.Ф.Степанова

(Алтайский государственный университет, Барнаул)

МОГИЛЬНИК СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ КАСТАХТА

В 1953 г. отрядом Алтайской археологической экспедиции АГУ раскопано 5 курганов на могильнике Кастахта в Усть-Коксинском районе Горно-Алтайской а.о. /1, с.244/.

Памятник, открытый в 1979 г. Г.Д.Глоба /2, с.184/, расположен на правобережной надпойменной террасе западной протоки р.Кастахта, левого притока Катуня у с.Кастахта. Имеет протяженность около 1,5 км. Включает более 60 курганов, расположенных цепочками, ориентированными с севера на юг (рис.1). Большая часть курганов распахана. Их диаметр от 5 до 20 м, высота - от 0,15 до 0,9 м, а диаметр самого большого кургана (№ 51) - около 30, высота - 1,5 м. Насыпи сложены из валунов и рваного камня. В центре некоторых курганов имеются западины.

К у р г а н 23, расположенный в 780 м к югу от кургана 51, является самым северным в одной из цепочек могильника (рис.1). К моменту раскопок 1/3 его была разрушена руслом ручья. Размеры сохранившейся части 8х5,6 м, высота - около 0,3 м. В центре западина размерами 4х3,2 м, глубиной 0,2 м. Насыпь сложена из

валунов. В центре кургана камней не было, по краям насыпи они лежали в один слой, ближе к центру – в два (рис.2).

Могильная яма находилась в центре кургана. Она подпрямоугольной формы со скругленными углами. Ориентирована с ЗХЗ на ВСВ. Ее размеры на глубине 1 м (отсчет здесь и далее от 0 репера) – 2,3х1,9 м. Сужается ко дну до 2,15х1,85 м. Заполнена камнями. С глубины 2,05 м в заполнении встречались кости человека, животных, угольки, обожженное дерево. На глубине 2–2,1 м в юго-восточном углу прослежено угольное пятно диаметром 10–12 см, неподалеку от него остатки трех плашек шириной 18–20 см, развал глиняного сосуда и обломки железных удил (рис.7–10).

На глубине 2,7 м погребен человек в сопровождении лошади, для головы которой в восточной стенке имелся небольшой подбой (рис.3–1). Костяк лошади находился у северной стенки на подсыпке, на 5 см выше человеческого скелета. Лошадь была уложена на живот с подогнутыми ногами. Человек похоронен у южной стенки. Часть костей смещена с первоначального места положения. Судя по сохранившимся в анатомическом порядке костям, умерший был уложен на спину с согнутыми в коленях ногами, головой на восток или ВСВ. Между бедренными костями находилось тонкое, как листок золотой фольги, бронзовое зеркало плохой сохранности. Рядом с бараньими позвонками найден железный нож (рис.5–4), а у черепа человека – фрагмент золотой фольги.

К у р г а н 28. Находится в 620 м к югу от кургана 51 и в 160 м к ССВ от кургана 23. Распахан. Восточная часть кургана разрушена дорогой. Размеры сохранившейся части – 13х12 м. Сложен из валунов и рваного камня, лежащих в 2–3 слоя.

Могильная яма находилась в центре кургана. Над ней под насыпью обнаружены отдельные кости лошади. Яма подпрямоугольной формы со скругленными углами, ориентирована с ЗХЗЗ на ВСВВ. Заполнена камнями. Ее размеры на глубине 1 м – 3,8х2,6 м. Глубина могилы – 3,25 м, размеры по дну – 3,3х2,3 м.

Погребены 2 человека в сопровождении 3 лошадей. Костяки лошадей расположены вдоль северной стенки и отделены от человеческих скелетов полосой из мелких окатанных камней (рис.3–2). Верхняя лошадь находилась в СЗ части могилы, лежала на левом боку. Ребра, позвонки и передняя нога сползли к центральной части могилы. На черепе найдена костяная подпругная пряжка (рис.5–6).

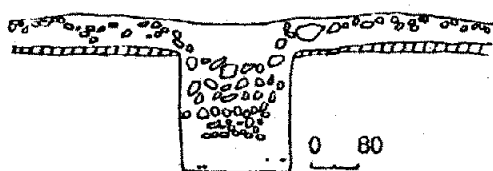
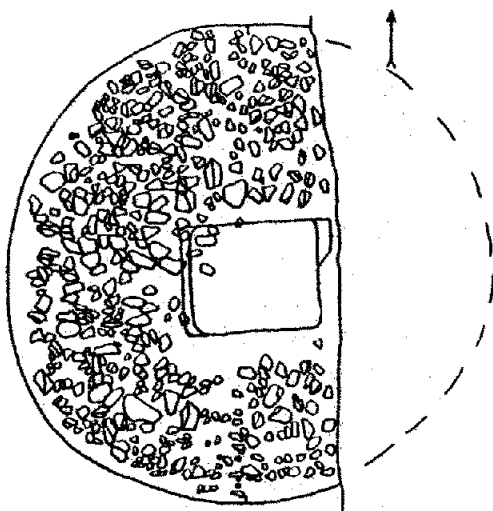
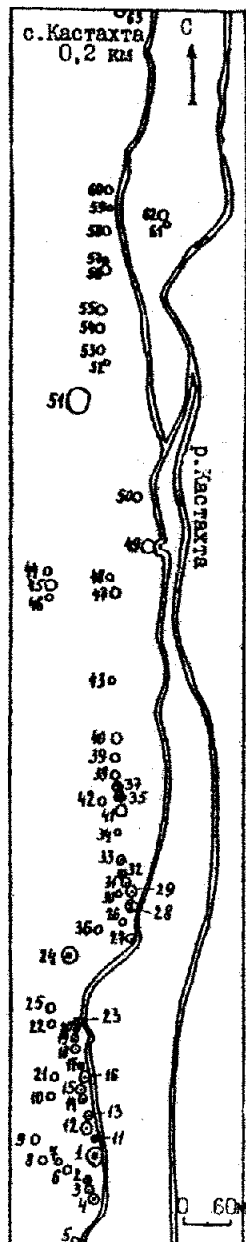

Рис. 2. Курган 23

Рис. 1. Схема расположения могильника
Кастахта. ⊗ — раскопанный курган;
⊙ — курган с западиной

Рис.3. Планы погребений: курган 23(1); курган 28(2); курган 32 (3)

I - удила железные;
2 - удила бронзовые;
3 - пряжка подпружная;
4 - зеркало;
5 - железный нож;
6 - бронзовый нож;
7 - чекан;
8 - кинжал;
9 - наконечники стрел;
10- обломок гривны;
II - позвонки барана;
12 - глиняный сосуд;

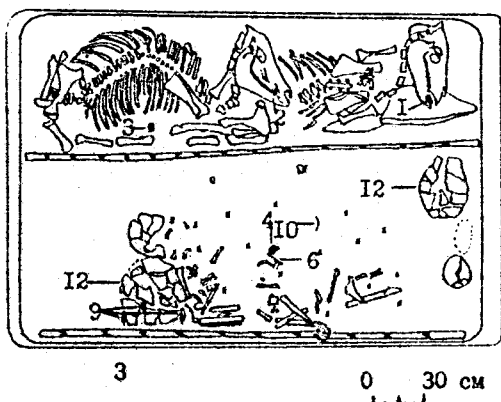
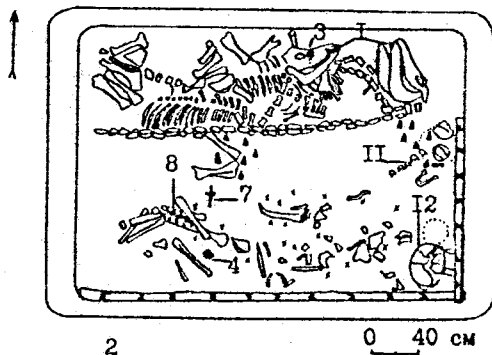
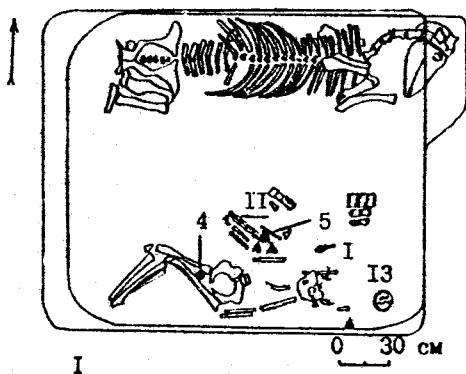
▲ - фрагменты керамики;

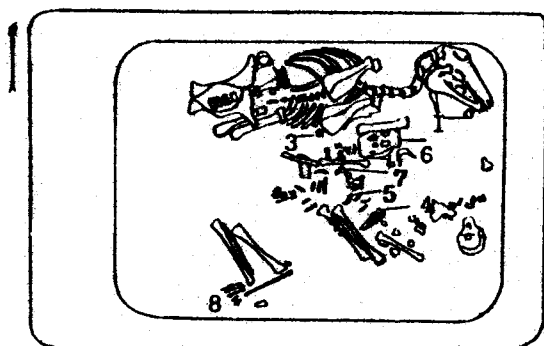
хх - золотая фольга;

XX - дерево;

(~) - угольное пятно;

(○) - прокаленная земля

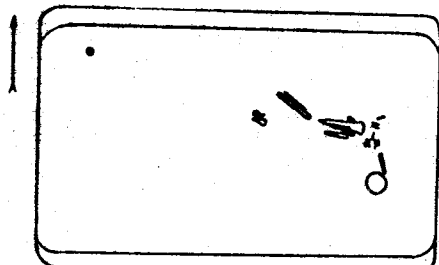

1

0 30 см

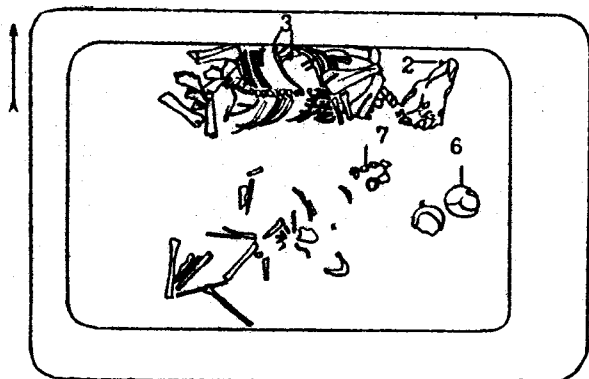
Рис.4. Планы погребений:
курган 35 (1), впускное из
кургана 37 (2); основное из
кургана 37 (3)

- 1 - удила бронзовые;
- 2 - удила железные;
- 3 - подпружная пряжка;
- 4 - кинжал;
- 5 - колчаный крюк;
- 6 - керамика;
- 7 - позвонки барана ;
- 8 - наконечник стрелы;
- х - золотая фольга

2

0 40 см

3

0 30 см

Второй и третий костяки находились восточнее и почти полностью перекрывались первым. Второй полностью перекрывал третий. Обе лошади уложены на правый бок и все три головой на восток. Самые нижние кости лошадей располагались на 5-10 см выше человеческих. У первого и второго костяков от узды сохранились обломки железных кольчатых удил (рис.5-3,7).

Над человеческими скелетами были плотно уложены камни. Кости погребенных находились в основном в беспорядке. Судя по сохранившему первоначальное положение костям, умершие были уложены на правый бок, головой на восток. Около черепов прослежены пятна черной прокаленной земли. Вдоль восточной и южной стенок могилы сохранились узкие деревянные плашки.

Из вещей найдены 2 крупных сосуда с длинным узким горлом (рис.9-5,6), находившихся в изголовьях погребенных. Один сосуд имел наlepной валик с насечками у основания шейки. Второй сосуд по самому краю венчика был окрашен или чем-то оклеен. Бронзовый кинжал с прямым перекрестием в остатках ножен находился у колен первого погребенного (рис.5-5). Здесь же было много мелких листочков золотой фольги. Бронзовый чекан с небольшой втулкой (рис.5-1) располагался между первым погребенным и лошадьми. Между костями ног умерших найдено бронзовое зеркало с ручкой в остатках чехла (рис.5-2). По всей площади могилы встречались мелкие листочки золотой фольги.

К у р г а н 32. Находится в 580 м к югу от кургана 5I и в 30 м к СЗ от кургана 28. Разпахан. Размеры сохранившейся части - 12х11 м, высота - 0,2 м. Насыпь сложена из валунов, лежащих в 2-3 слоя.

Могильная яма, расположенная в центре кургана, прямоугольной формы со скругленными углами, ориентирована с востока на запад. Ее размеры на глубине 0,7 м - 3х2 м. Глубина могилы - 2,7 м, размеры по дну - 2,8х1,95 м. Заполнена камнями.

Погребено 2 человека в сопровождении 2 лошадей (рис.3-3). Костяки последних находились у северной стенки на 5-20 см выше человеческих скелетов и отделены от них узкой деревянной плашкой. Одна лошадь лежала на левом боку с подогнутыми ногами и сильно изогнутым позвоночником, над ней обнаружено много угольков, а у ног найдена костяная подпругная пряжка (рис.7-9). Вторая лошадь, уложенная на живот, наполовину перекрыта первой. Голова ее опиралась на крупный камень. Обе лошади ориентированы

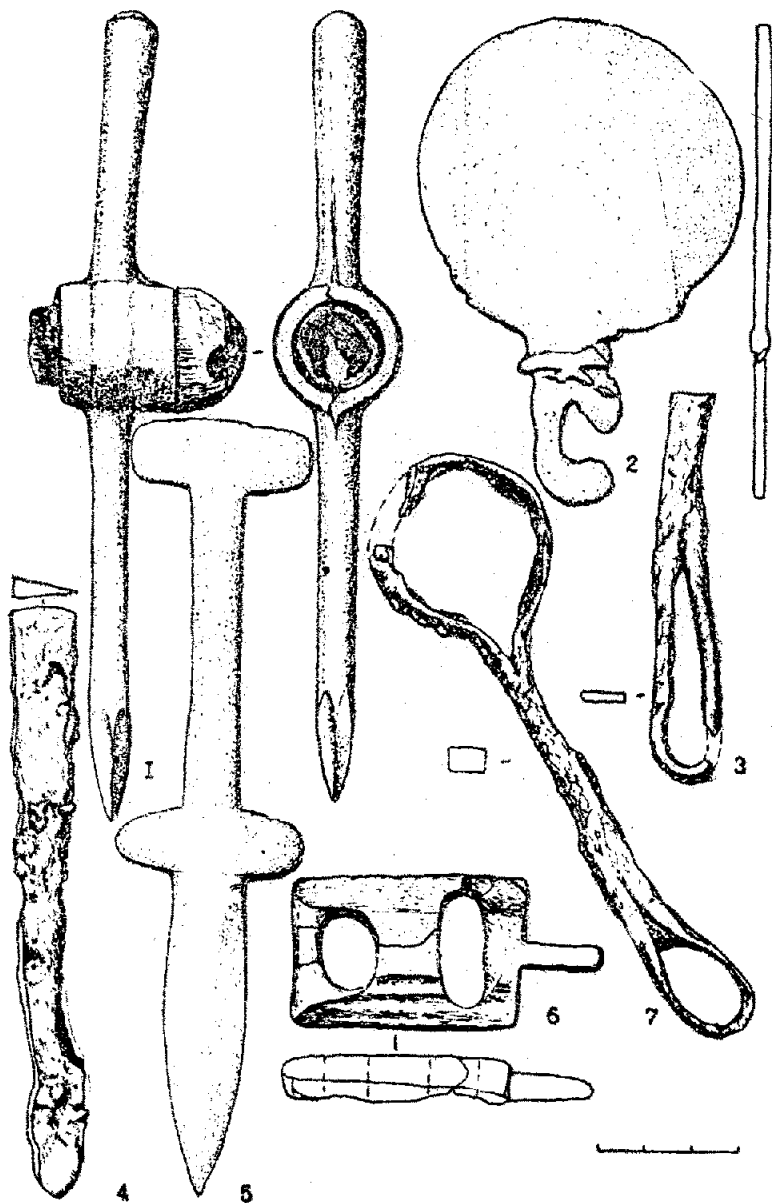

Рис. 5. Инвентарь из курганов: 28(1-3, 5-7), 23 (4);
2, 5 - бронза, 3, 4, 7 - железо, 6 - кость

головой на восток. У первого костяка найдены остатки ремня и бронзовые удила (рис.6-1), у второго - железные (рис.6-2).

Человеческие скелеты сильно потревожены. Судя по сохранившимся первоначальное положение костям, умершие были ориентированы в противоположные стороны (запад и восток). Человек, ориентированный на запад, вероятно, был сильно скорчен и покрыт коркой из спекшихся органических веществ. Некоторые кости обожжены. Около головы каждого погребенного находилось по глиняному сосуду (рис.9-1,2), на одном из которых найдено 3 костяных наконечника стрелы плохой сохранности (рис.7-3-5). Вдоль восточной стенки земли прокалена. В центральной части могилы найдены бронзовый нож (рис. -6), бронзовое зеркало с ручкой (рис.7-II), обломок бронзовой гривны (?) (рис.7-7). Почти по всей площади могилы над человеческими скелетами встречались мелкие фрагменты золотой фольги.

К у р г а н 35. Находится в 490 м к югу от кургана 51, в 80 м к северу от кургана 32. Распахан. Размеры сохранившейся части - 12,8х11 м. Сложен из мелкого и среднего камня. В центральной части насыпи прослеживалась воронка диаметром 1,45 м, глубиной - 0,1-0,2 м.

Насыпь была окружена крупными окатанными камнями, уложенными в ровик шириной около 65 см, глубиной 0,1-0,15 м. Насыпь состояла из 2 слоев камней. Верхний слой составляли более мелкие камни. Южная часть насыпи мощнее северной. Наброска над могильной ямой и вокруг нее сложена из мелкого галечника с землей. Могильная яма, расположенная в центре кургана, подпрямоугольной формы со скругленными углами, ориентирована с запада на восток. Размеры ее на глубине 0,8 м - 3,1х2 м. Заполнена камнями и мелким галечником. Ее глубина 3,45 м, размеры по дну - 2,35х1,65 м.

Погребен человек в сопровождении лошади (рис.4-1). Лошадь уложена на живот головой на восток у северной стенки на 5-10 см выше человека. От узды сохранились бронзовые удила с остатками деревянных псалий (рис.8-5,3). Под правой лопаткой найдена костяная подпругная пряжка (рис.8-4). У передней ноги - раздавленный глиняный сосуд, орнаментированный волнистыми линиями (рис.9-4).

Кости человека занимали южную часть могилы. Погребение потревожено, в анатомическом порядке сохранились лишь частично кости ног. Вероятно, человек был уложен на правый бок, головой

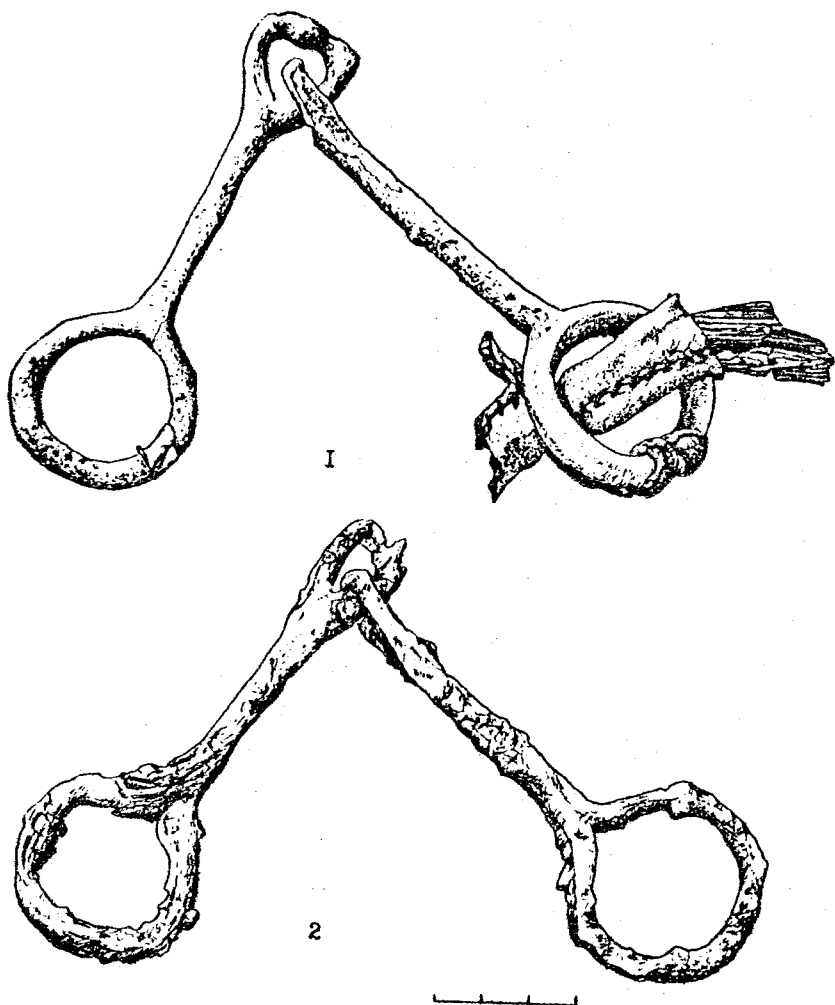

Рис. 6. Удила из кургана 32. Бронза (I),
железо (2)

на восток. В могиле найдены позвонки барана. Из вещей — бронзовый кинжал в остатках ножен (рис.8-1), расположенный у бедренных костей, бронзовый колчаный крючок (рис.8-2), 4 костяных наконечника стрел плохой сохранности (рис.8-8,9).

К у р г а н 37. Вдольную примыкает с севера к кургану 35. Распахан. В центре сохранившейся насыпи, размерами 14х11,6 м, прослеживалась западина 2,5х2 м, глубиной 0,15-0,2 м. Курган сложен из валунов, преимущественно мелких, лежащих в I-3 слоях. По краям насыпи имелся ровик, шириной около 80-85 см, глубиной 5-10 см. В месте соединения курганов ровик общий. Над могилой, в центральной части кургана, среди камней встречались кости животных, человека, керамика.

Могильная яма прямоугольной формы со скругленными углами. Ее размеры на глубине 1,0 м — 3,4х2,2 м. Ориентирована с востока на запад. Заполнена камнями. На глубине 1,85 м среди камней обнаружено впускное погребение человека. Умерший, уложенный на бок, сильно скорчен, ноги согнуты в коленях (рис.4-2). Вещей при нем не обнаружено.

Основное захоронение находилось на глубине 3,2 м. Размеры могильной ямы на этом уровне — 2,7х1,7 м.

Человек погребен в сопровождении лошади (рис.4-3), костяк которой находился у северной стенки, на 5 см выше человеческого. Лошадь, убитая 2 ударами чекана, уложена на живот, ноги подогнуты, головой на восток. На ребрах найдены 2 костяные подпружные пряжки (рис.7-1,2), под нижней челюстью — обломки железных кольчатых удиц.

Погребение человека сильно потревожено. Вероятно, умерший головой был ориентирован на восток. В могиле найдены позвонки барана, глиняный сосуд (рис.9-3), у черепа человека — 2 фрагмента золотой фольги.

Привлекает внимание такой факт, что во всех курганах кости человеческих скелетов находились в беспорядке. В анатомическом порядке лежали, как правило, только кости ног и таза. Костяки лошадей не потревожены. Вещи из могил, по-видимому, не похищены или же взяты такие, по сравнению с которыми оставшиеся не представляли никакого интереса, в том числе и предметы, покрытые золотой фольгой. Возможно, что в древности мастахтинские курганы были раскопаны больше с целью осквернения, а не ограбления.

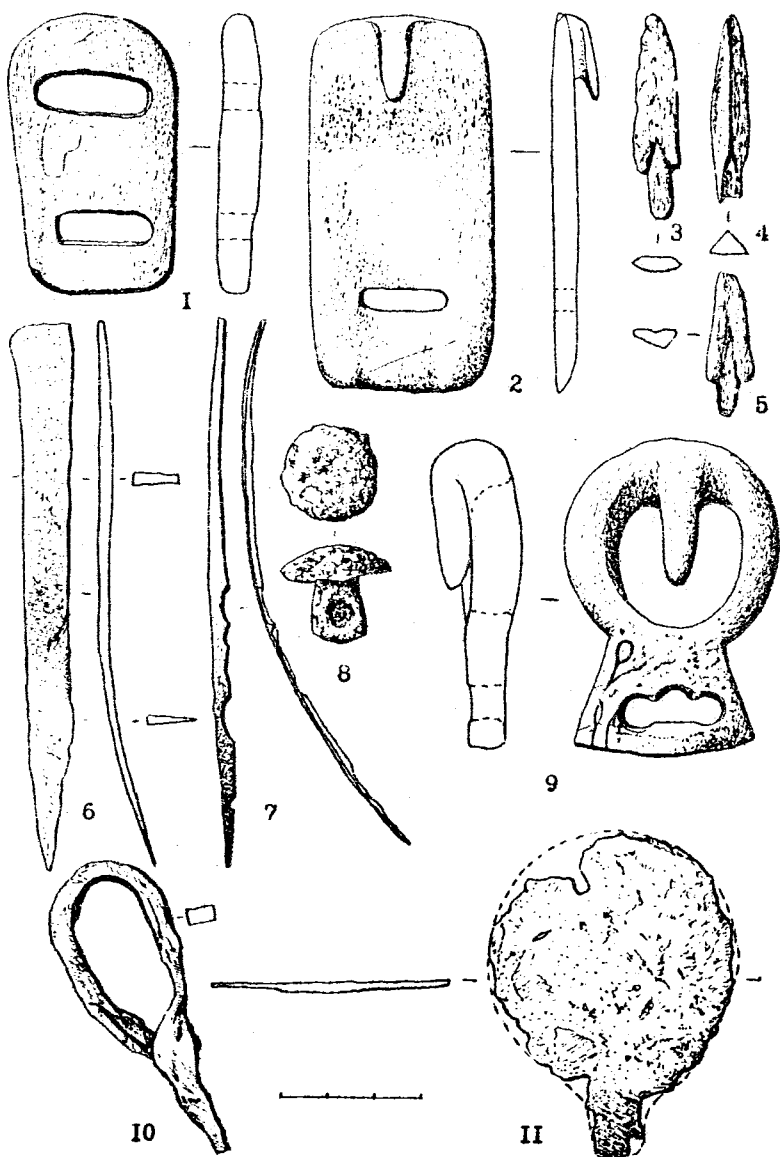

Рис.7.Инвентарь из курганов: 32 (I-9,II),23 (10);
1-5,9 - кость;6,7,II - бронза; 8,10 - железо

Из-за того, что поли курганов разрушены, не удалось проследить, были ли ровики и крепиды из камней у курганов 28 и 32. Не прослежены полностью они в курганах 35 и 37. Установлено, что у кургана 23 ровика и крепиды не было. Ровики не характерны для скифских памятников Горного Алтая. Встречаются крепиды из крупных камней в основании насыпи /3; 4; 5/, но в отличие от кастахтинских курганов, камни уложены не в ровики, а на одном уровне с нижним слоем насыпи.

Устройство могильных ям, обряд захоронения сходны во всех кастахтинских курганах. Для всех могил характерно отсутствие срубов или каменных ящиков. Только в курганах 28 и 32 прослежены остатки тонких узких плашек, которые не могли быть остатками сруба (рис.3-2,3). Эта деталь отличает могильник Кастахта от большинства скифских могильников Горного Алтая, но не является единственным случаем, когда срубы не прослежены /3; 6/. В остальном могильник Кастахта существенно не отличается от известных скифских памятников Горного Алтая.

Наибольшее количество аналогий имеет инвентарь из курганов 28 и 37. Подпругной пряжке из кургана 28 имеются близкие аналогии в могильниках Кок-Су I /3, с.70,73/, Барбургазы /7, с.72/, Уландрыке II /7, с.72/, Катонском /8, с.55/, Пазырыке-4 /13, табл.LX/. Кинжалы с прямым перекрестием известны в могильниках Арагол /9, с.171; 10, с.33/, Ёстыде XII /10, с.34/, Кызыл-Дзаре I /11, с.22,30/. Сосуды, аналогичные по форме сосудам из кургана 28, найдены в I Туэктинском кургане /12, табл.LVI/, во 2 Пазырыкском кургане /13, табл.XXII/, Катонском могильнике /8, с.55/. Сосуд с наlepным валиком и насечками по нему обнаружен в Кок-Су I /3, с.73/. Чеканы со втулкой редко встречаются в Горном Алтае, но известны в Туве /14, с.170/ и на других территориях. Первой подпругной пряжке из кургана 37 (рис.7-2) близки пряжки из курганов Катандинского /12, табл.XXII/, 2 Баладарского /12, табл.XLI/, I Туэктинского /12, табл. XV/, могильников Алагаил /15, с.161/, Кызыл-Дзар Уш /II, рис.8/, Бураты IV /16, рис.13/. Второй пряжке из кургана 37 (рис.7-1) — пряжки из Катандинского /12, табл.XXII/, 2 Баладарского /12, табл.XLI/, I Туэктинского /12, табл.LXV/ курганов. У бронзовых и железных кольчатых удил из могильника Кастахта есть многочисленные аналогии /3, с.68,70,71,73,77; II, с.30,34; 12, табл.XXIII, XXXIX;

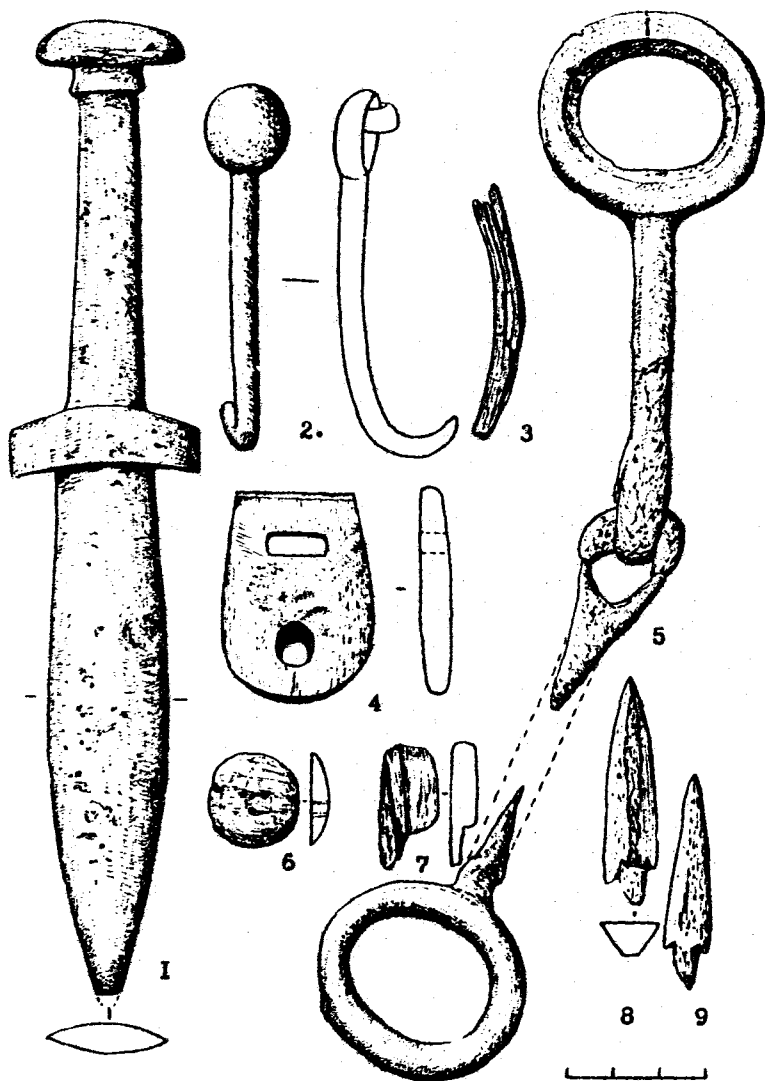

Рис.8.Инвентарь из кургана 35. Бронза (1,2,5),
дерево (3),кость (4,6-9)

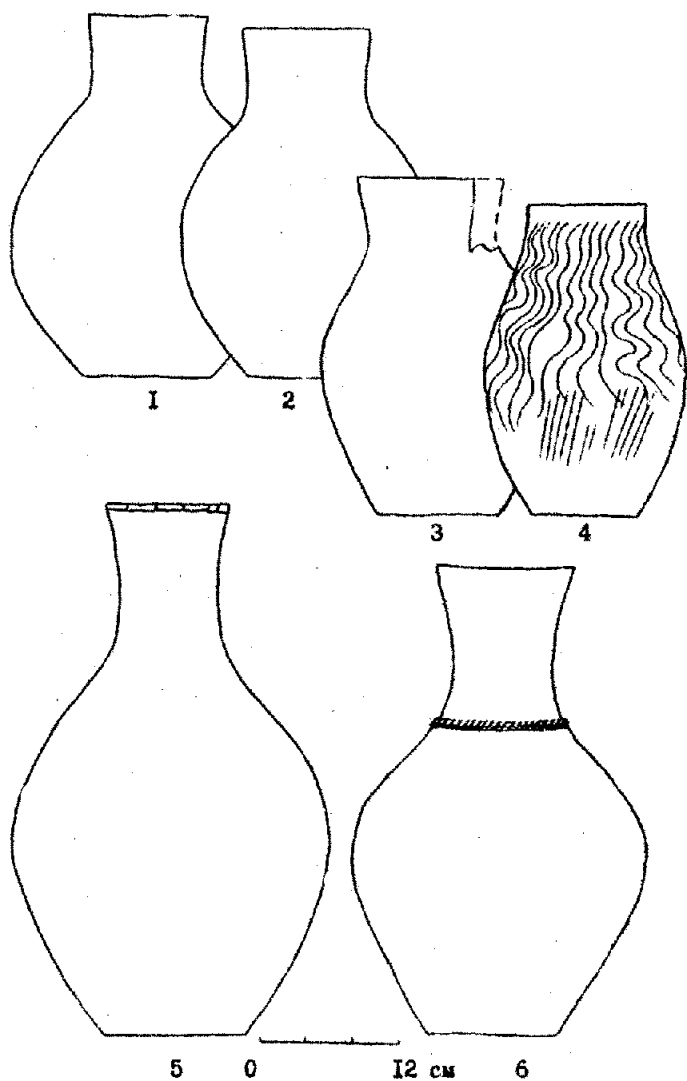

Рис.9.Керамика из курганов: 32 (1,2), 37 (3), 35 (4), 28 (5,6)

15, с.155 и др./ Остальной инвентарь имеет менее близкие аналогии. Колчаный крюк из кургана 35 ближе всего крюкам из могильников Арагол /12, табл.ХХII/, Аргут I /17, с.95/, Семисарт II /6, с.101/, Кара-Коба II /5, рис.5,7/. Кинжалу из кургана 35 прямых аналогий нет. У него навершие такое же, как и у кинжалов из Кок-Су I, кургана 31 /3, с.77,85; 10, рис.2/, Уландрык II, кургана 7 /10, рис.3/, но своеобразное перекрестие. Ближе всего он, видимо, к группе кинжалов с дуговидным перекрестием /18, с.174, 175/. Орнаментированные сосуды, хотя и отличные по форме и орнаменту от сосуда из кургана 35, найдены в Кок-Су I /3, с.66-68, 73,75 и др./. Костяной подпружной пряжке из кургана 32, пожалуй, ближе всего бронзовые подпружные пряжки из кургана под Солнечным белком /12, табл.ХІХ/ и 2 Бабадарского кургана /12, табл.ХХХІХ/.

Инвентарь из могильника Кастахта имеет аналогии как в ранних памятниках, так и в более поздних. Большинство вещей датируются в основном концом VI—IV/III вв. до н.э. По схеме, разработанной Л.С.Марсадоловым, удила и пряжки, близкие к кастахтинским, также бытуют с середины VI до середины IV вв. до н.э. /19, с.13/. На основании аналогий курганы 28,32,35 и 37, по видимому, можно датировать концом VI—IV вв. до н.э. или V—IV вв. до н.э., а курган 23 скорее всего IV—III или IV—II вв. до н.э. Неодновременность сооружения курганов, возможно, подтверждается и принадлежностью их к разным цепочкам и микроцепочкам. Курганы 32,35 и 37, видимо, сооружены ранее, затем курган 28 (его датировку, вероятно, можно определить IV в. до н.э.), последний из пяти — курган 23.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанова Н.Ф. Раскопки могильника Кастахта // АО 1963 г.— М., 1965.— С.244.
2. Абдулганеев М.Т., Глоба Г.Д. Разведки в Горном Алтае // АО 1979 г.— М., 1980.— С.184.
3. Сорокин С.С. Цепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Кок-Су // АСТЭ — Вып.16.— Л., 1974.— С.60-91.
4. Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар II—V и некоторые вопросы состава населения Алтая во второй половине I тысячелетия до н.э. // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая.— Горно-Алтайск, 1983.— С.40-71.

5. М о г и л ь н и к о в В.А. Курганы Кара-Коба II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1960-1982 гг.- Горно-Алтайск, 1983.- С.52-89.
6. В л а д и м и р о в В.Н., Ш у л ь г а П.И. Новые материалы по скифской эпохе Горного Алтая // Археология и этнография Южной Сибири.- Барнаул, 1984.- С.97-104.
7. К у б а р е в В.Д., Г р е б е н и к о в А.В. Курганы Чуйской степи // Сибирь в древности.- Новосибирск, 1979.- С.61-75.
8. С о р о к и н С.С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // АСТЭ.- 1966.- Вып.8.- С.39-60.
9. К и с е л е в С.В. Алтай в скифское время (майэмирская культура) // ВДИ.- 1947.- № 2.- С.171.
10. К у б а р е в В.Д. Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело племен Сибири и Центральной Азии.- Новосибирск, 1981.- С.29-54.
11. М о г и л ь н и к о в В.А. Курганы Кызыл-Джар I, III - памятник пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая.- Горно-Алтайск, 1983.- С.3-39.
12. Р у д е н к о С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время.- М.;Л., 1960.- Табл. LVI; XII; XVI; XIX; XXXIX.
13. Р у д е н к о С.В. Культура населения Горного Алтая в скифское время.- М.;Л., 1953.- Табл. XXII.
14. Г р а ч А.Д. Древние кочевники в центре Азии.- М., 1980.- С.170.
15. М а р т ы н о в А.И., К у л е м з и н А.М., М а р т ы н о в а Г.С. Раскопки могильника у поселка Акташ в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла.- Барнаул, 1985.- С.147-172.
16. К у б а р е в В.Д., К о ч е е в В.А. Курганы урочища Бураты // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 гг.- Горно-Алтайск, 1983.- С.90-108.
17. С о р о к и н С.С. Археологические работы на Южном Алтае в 1961-1964 гг. // СГЭ, XXVII.- М.; Л., 1966.- С.95.
18. С у р а з а к о в А.С. О вооружении ранних кочевников Горного Алтая // Вопросы истории Горного Алтая.- Вып. I.- Горно-Алтайск, 1979.- С.174-175.
19. М а р с а д о л о в Л.С. Хронология курганов Алтая (VIII-IV вв. до н.э.): Автореф. дис... канд. ист. наук.- Л., 1965.- 16 с.

А.В.Давыдова, С.С.Миняев

(Отделение института археологии АН СССР, Ленинград)

ПОЯС С БРОНЗОВЫМИ БЛЯШКАМИ ИЗ ДЫРЕСТУЙСКОГО МОГИЛЬНИКА

Дырестуйский могильник находится на юге Западного Забайкалья (Джидинский район Бурятской АССР) на левом берегу р.Джиды в 8 км выше по течению от с.Дырестуй. Он известен специалистам прежде всего по замечательным бронзовым пластинам-пряжкам, найденным еще в 1900 г. первооткрывателем памятника Ю.Д.Талько-Гриневичем /1;2/. Десятки пластин подобного типа из случайных находок сосредоточены в музейных и частных коллекциях разных стран /3, рис. XXII, 1/. Открытие парных пластин-пряжек в неграбленных погребениях у д.Кэшенчуан и в Иволгинском могильнике (№ 100) определило их точное функциональное назначение /4; 5/. Они являлись важной частью пояса, на который подвешивались и нашивались как украшения, так и различные предметы (орудия труда и оружие). Так было положено начало изучению состава поясных наборов, имеющих важное значение для исследования социальной структуры общества спину.

В 1984 г. Забайкальской экспедицией ЛОИА АН СССР на Дырестуйском могильнике исследовано неграбленное погребение (№ 38), где сохранился пояс с набором из бронзовых бляшек, колокольчиков и бус. Погребение, не имевшее внешних признаков, обнаружено на юго-восточном участке могильника, где наиболее активны процессы водной и ветровой эрозии. Верхняя часть могильной ямы разрушена, ее первоначальная глубина неясна. На глубине 5 см от современной дневной поверхности находился гроб, северо-восточный угол которого был разрушен осыпью береговой террасы Джиды. Гроб размером 1,65х0,65 м ориентирован на север, сооружен из тонких (10-15 см) бревен, составлявших его длинные стенки; короткие стенки, крышка и дно сделаны из досок толщиной 3-4 см. Гроб, видимо, покрывался кожаным покрывалом (от него остался черный липкий тлен), прижатым сверху пятью длинными досками или жердями. На дне гроба в вытянутом положении головой на север лежал скелет женщины старше 60 лет (определение И.И.Гохмана) (рис., 1).

Инвентарь погребения 38 состоял в основном из украшений, нашитых на кожаный пояс, а также на головной убор. Кроме того,

у правой кисти найдены зерна проса, а у фаланг левой руки - несколько кедровых орехов.

Особый интерес представляют украшения пояса. Они состояли из двух бронзовых ажурных колец (рис., 2), двух бляшек с изображением кошачьего хищника (рис., 7, 8), трех бляшек с изображением пары лошадок (рис., 4-6), девяти бронзовых колокольчиков (рис., 9, 10), двух простых бронзовых колец с остатками кожаных ремешков. В состав пояса входили и железные кольца, а также сердоликовые и стеклянные бусы, которыми, вероятнее всего, были обшиты мешочки типа кошельков.

Бронзовые украшения на поясе расположены почти симметрично (рис., 2): справа и слева ажурные и простые кольца, между ними бляшки с изображением кошачьего хищника и лошадок; две бляшки найдены в перевернутом состоянии - лицевой стороной вниз, что, возможно, указывает на их крепление к задней части пояса. Восемь бронзовых колокольчиков сосредоточены с левой стороны (типа рис., 9) и один в середине ажурного кольца справа (рис., 10). Кроме того, на пояс была подвешена плетка, от которой сохранилась цилиндрической формы железная рукоятка; на ее верхнем срезе лежали плоская бусина из белого камня и две монеты "у-шу".

Таким образом, в погребении 38 Дырестуйского могильника обнаружен новый тип пояса санну, отличающийся от ранее известных поясов, в центре которых располагались большие пластины-пряжки /4/. С найденными ранее его сближает наличие ажурных колец, колокольчиков с прорезями на боковых гранях, монет "у-шу", а также обилие различных бус. Отличительной чертой нового типа пояса является прежде всего отсутствие больших пластин-пряжек, пара которых составляла композиционный центр найденных ранее поясов (могила 100 Иволгинского могильника и могила 140 у дер. Кэшенчуан). Вместо них по периметру пояса располагались 5 небольших бронзовых бляшек (4х3 см). Новой деталью является и плетка с железной рукояткой, подвешенная к поясу.

Следует отметить, что украшение пояса мелкими бронзовыми бляшками наблюдается уже в скифское время. Такие пояса, составленные из небольших бляшек с растительным орнаментом, найдены в Ордосе /6/ и юго-западной Маньчжурии /7/, небольшие бляшки с изображением птицы были также на поясе погребенного в могиле I у с. Дворцы в бассейне верхнего Амура /8/.

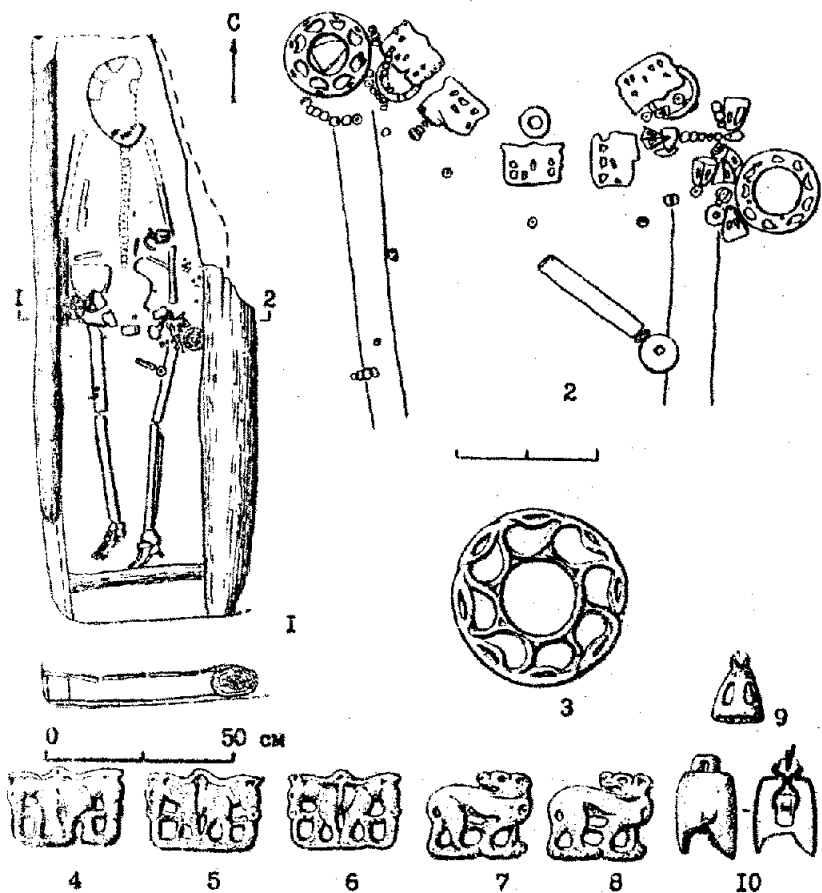

Рис. План и инвентарь погребения 38 из Дырестуй-
ского могильника

Небольшие бронзовые бляшки встречались в памятниках сюнну и ранее /9/, известны они и по случайным находкам в Ордосе /3,

IX,5/. Бляшки из погребения 38 в Дырестуйском могильнике относятся к тому же типу, но с новым, неизвестным ранее сюжетом: парное изображение голов и передних ног лошадей, зеркально повторяющее друг друга, и кошачий хищник с повернутой назад головой. Первый сюжет можно рассматривать, видимо, как вариант профильного изображения лошади на отмеченных выше находках из памятников сюнну /8/. Второму сюжету прямых аналогий в памятниках сюнну нет, стилистически подобное изображение известно в савроматских памятниках Приуралья /10/.

Находка в рассматриваемом погребении ажурных колец с прорезьями в виде запятых (рис., 3) позволяет окончательно атрибутировать их как детали поясного украшения. Аналогичные кольца были найдены Ю.Д.Талько-Гринцевичем в могиле 10 Дырестуйского могильника, где они "были прибиты с наружных сторон гроба на местах, соответствующих середине голени". Это обстоятельство стало основанием для автора раскопок интерпретировать кольца как украшения гроба /1, с.27/. Однако находки аналогичного кольца сначала в погребении 140 у д.Кэшенчжуан /5/, а теперь и в могиле 38 Дырестуйского могильника позволяют считать такую интерпретацию ошибочной. Возможно, кольца из могилы 10 были прикреплены к деревянной основе, что и ввело в заблуждение Ю.Д.Талько-Гринцевича.

В предварительном плане следует отметить, что пояса с богатым набором бронзовых украшений находят в погребениях взрослых и пожилых женщин (мог.100 в Иволгинском могильнике и мог.38 в Дырестуйском могильнике). Возможно, обладательницы таких поясов имели особый статус в обществе.

По находкам монет "у-шу" погребение 38 Дырестуйского могильника может быть датировано не ранее II8-II9 гг. до н.э., наиболее вероятной датой представляется I в. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

Т а л ь к о - Г р и н ц е в и ч Ю.Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья // Труды ТЮО ПОРГО.- Т.Ш.- Вып.2,3.- Иркутск, 1902.

2. Т а л ь к о - Г р и н ц е в и ч Д.Д. Материалы к палеонтологии Забайкалья // Труды ТКО ПОРГО.- Т. IV.-Вып.2.- М., 1902.

3. S a l m o n у А. Sino-Siberian Art.- Paris, 1933.- Pl.XXIII; IX.

4. Раскопки в Фунси.- Пекин, 1962.- С.138-140 (на китайском яз.).

5. Д а в ы д о в а А.В. К вопросу о хуннских художественных бронзах // СА.- 1971.- № 1.- С.101, рис.7.

6. Т я н ь Г у а н ц и н ь. Археология сыну во Внутренней Монголии за последние годы // Каогу.- 1983.- № 1.- С.7-24 (на китайском яз.).

7. Отчет о раскопках могил у Чжоуцзяди, Аохань, Внутренняя Монголия // Каогу.- 1984.- № 5.- С.21-27 (на китайском яз.)

8. К и р и л л о в И.И. Образ птицы в искусстве племен дворцовой культуры бронзового века Восточного Забайкалья // Тез. докл. Всесоюзной археолог. конф.- Кемерово, 1979.- С.136-137.

9. С о с н о в с к и й Г.П. О поселении гуниской эпохи на р.Чикое // КСИИМК.- XIV.- 1947.- С.14-22, рис.3.

Д.А.Плотников, Д.С.Худяков

(Государственный университет, Новосибирск)

ДРЕВНЕТИУРКСКИЕ КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ В ДОЛИНЕ Р.ТОРТАЛЫ

Каменные статуи с оружием на поясе и сосудом в руке до недавнего времени являлись характерной деталью исторического ландшафта обширных горных и степных пространств евразийского пояса степей. Усилиями нескольких поколений ученых выявлено большое количество средневековых каменных изваяний в Восточной Европе, Казахстане, Тянь-Шане, Алтае, Туве, Хакасии, Монголии, Синцзяне. Их описанию и изучению посвящены многочисленные заметки, статьи и несколько монографий /1-7/. В историко-археологической литературе активно дискутируется семантика каменных изваяний /1, с.408-440; 3, с.26; 5, с.47-64/. Значительная часть известных к настоящему времени средневековых каменных скульптур сосредото-

на на территории Тувы. Впервые они были обнаружены в юго-восточной Туве в 1877 г. Г.Н.Потаниным /8/. Затем неоднократно отмечались в ходе разведочных маршрутов А.В.Адриановым /9/, И.П.Кузнецовым-Красноярским, И.Р.Аспелиным, И.Г.Гранэ, С.Р.Минцловым, С.А.Теплоуховым и др. Впервые каменные изваяния Тувы были подробно описаны в статье Л.А.Евтюховой /10/. В дальнейшем они изучались А.Д.Грачом, посвятившим данному типу памятников обстоятельную монографию /11/, и Л.Р.Кызласовым /12/. В работах этих авторов были вновь рассмотрены вопросы семантики каменных фигур, неожиданно получившие большую остроту, а также датировки и культурной принадлежности этих статуй.

Несмотря на то, что древнетюркские каменные изваяния в Туве изучаются уже более ста лет, круг этих памятников на данной территории далеко не исчерпан. Почти каждый новый сезон приносит археологам находки неизвестных ранее скульптур.

В полевом сезоне 1981 г. в ходе проведения совместных разведывательных маршрутов в Овюрском районе Тувинской АССР первым отрядом Тувинской археологической экспедиции ТНИИЯЛИ и ИИФФ СО АН СССР и четвертым отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИИФФ СО АН СССР в долине р.Торгалыг и его притоков было обнаружено 11 каменных изваяний, стел и оленных камней, стоявших с восточной стороны от древнетюркских поминальных оград, а также осмотрено 2 известных изваяния, перемещенных с мест своего первоначального нахождения.

И з в а я н и е I. Лежало на поверхности с восточной стороны ограды I в составе древнетюркского поминального комплекса Ак-Тал, расположенной на первой надпойменной террасе р.Ак-Тал, в 0,2 км к юго-востоку от с.Торгалыг. Высота скульптуры - 92, ширина - 30, толщина - 18 см. Скульптура выполнена из каменного столба, несколько расширяющегося кверху. Материалом послужил мелкозернистый песчаник серого цвета. Изображения выполнены в высоком барельефе. Лицевой частью фигуры, имеющей непропорционально большую голову, служит широкая плоскость каменного столба. Правая рука держит за ручку круглодонный кувшинчик с отогнутым венчиком, левая ладонь на поясе, к которому подвешен на двух ремешках кривой кинжал с перекрестьем, в ножнах с двумя обоями. Голову скульптуры венчает плоский, конический, возвышающийся к центру головной убор, типа тибетейки. Черты лица отражают стрем-

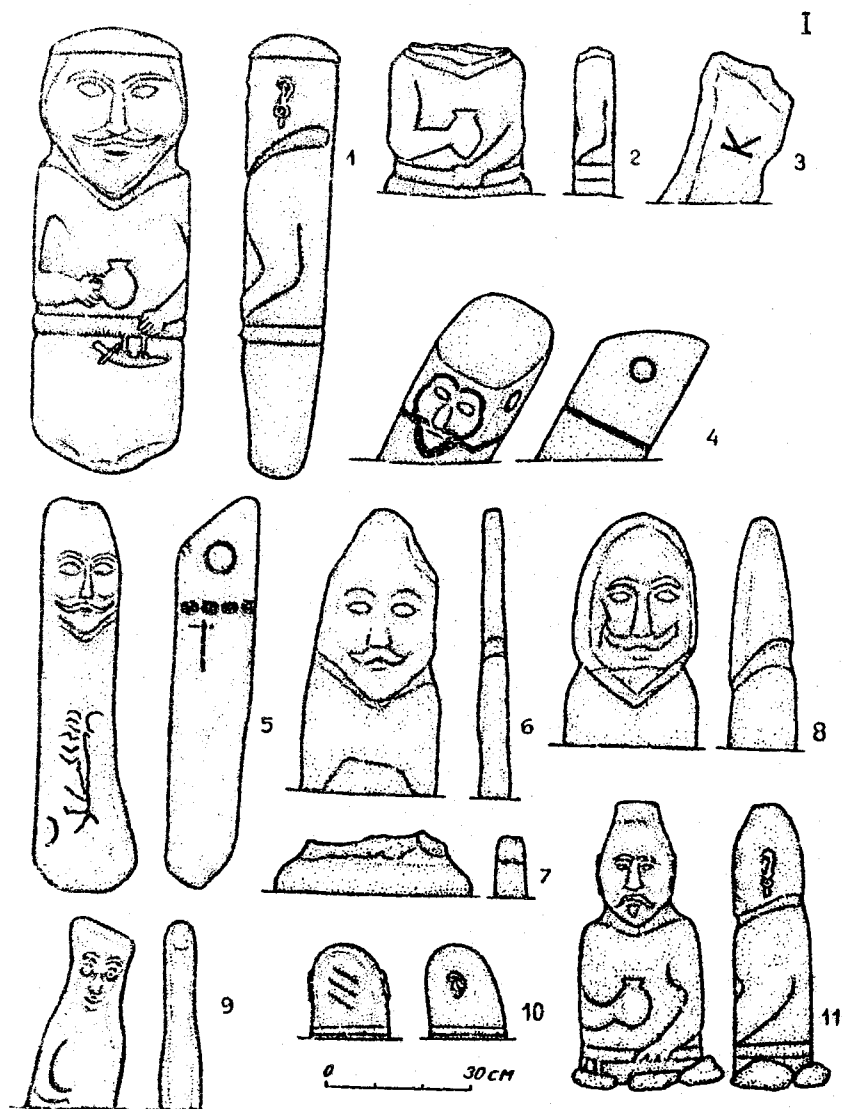

Рис. I. Каменные изваяния долины реки Торгалыг.

ление ваятеля передать облик человека, относящегося к монголоидной расе. Узкие, близко посаженные глаза, широкий разлет бровей, маленький нос, широкие скулы, тонкие, закрученные вверх усы, маленький рот, борода клинышком и общий уплощенность профиля могут свидетельствовать в пользу портретности изображения. В ушах изображены серьги с кольцом, продетым в мочку, и спускающимся вниз стерженьком (рис. I-1).

Изваяние 2. Стояло с восточной стороны ограды 2 в составе древнетюркского поминального комплекса Ак-Тал, расположенного на первой надпойменной террасе р. Ак-Тал, в 0,2 км к юго-востоку от с. Торгалыг. Высота скульптуры над современной дневной поверхностью - 32 см, ширина - 30, толщина - 9 см. Статуя выполнена из плоской каменной плиты. Материалом для нее послужил слоистый сланец темно-фиолетового цвета. Изображения выполнены низким барельефом. Анфасом фигуры служит широкая плоскость плиты. Голова скульптуры обломана и утрачена. Сохранилось углубление, которым показана шея, имеющее на лицевой части плиты угловой выступ книзу. В правой руке, согнутой в локте, фигура держит сосуд с приостренным дном, округлым туловом и отогнутым венчиком. Пальцы правой руки не показаны. Левая рука покоится ладонью на поясе, выделенным одной сплошной горизонтальной полосой, без деталей (рис. I-2).

Стела 3. Стояла с восточной стороны ограды 3 в составе древнетюркского поминального комплекса Ак-Тал, расположенного на первой надпойменной террасе р. Ак-Тал, в 0,2 км к юго-востоку от с. Торгалыг. Высота стелы над современной дневной поверхностью - 33, ширина - 20, толщина - 10 см. Массивная плоская необработанная плита, на лицевой стороне которой выбит тамгообразный знак, в виде повернутой на бок буквы "К" (рис. I-3).

Изваяние 4. Обнаружено стоящим на восточной стороне ограды 4 в составе древнетюркского поминального комплекса Халы, расположенного на правом берегу р. Суг-Кежиг, в 10 км вверх по течению от с. Чаасуур. Высота над современной дневной поверхностью - 30, ширина - 20, толщина - 15 см. Изваяние выполнено на прямоугольном в сечении каменном столбе, материалом для которого послужил темно-серый песчаник. На лицевой части столба точечной техникой выбито изображение человеческого лица. Брови соединены сплошной линией с овалом лица, горизонтальной линией усов. Глаза,

нос и рот показаны более тонкими линиями. На противоположной и боковых гранях столба нанесены реалии оленюго камня: три линии "лица", "серьги" и горизонтальная линия "пояса", соединяющаяся с усами древнетюркской личины (рис. I-4).

И з в а я н и е 5. Лежало на поверхности у восточной стенки ограды 9 в составе древнетюркского поминального комплекса Халыр, расположенного на правом берегу р. Суг-Кежиг, в 10 км вверх по течению от с. Чаасуур. Высота изваяния - 80, ширина - 18, толщина - 13 см. Изваяние выполнено на прямоугольном в сечении каменном столбе, материалом для которого послужил песчаник темно-серого цвета. На лицевой части столба невысоким рельефом выполнено изображение древнетюркской личины: широкие брови, глаза, узкий нос, широкие скулы, усы, загигающиеся концами вверх, маленький рот, острый подбородок, ломаная линия шеи. Ниже точечной выбивкой на поверхности камня нанесены неясные полосы. На трех остальных гранях столба изображены реалии оленюго камня (рис. I-5).

И з в а я н и е 6. Обнаружено стоящим на восточной стороне ограды 10 в составе древнетюркского поминального комплекса Халыр, расположенного на правом берегу р. Суг-Кежиг, в 10 км вверх по течению от с. Чаасуур. Высота над современной дневной поверхностью - 60, ширина - 28, толщина - 6 см. Изваяние выполнено на плоской гранитной плите светло-коричневого цвета. Плита почти не обработана. Невысоким рельефом на лицевой стороне показаны брови, глаза, нос, усы с загигающимися вверх концами, рот, острый подбородок, шея (рис. I-6).

И з в а я н и е 7. Стояло на восточной стороне ограды 11 в составе древнетюркского поминального комплекса Халыр, расположенного на правом берегу р. Суг-Кежиг, в 10 км вверх по течению от с. Чаасуур. Высота над современной дневной поверхностью - 14, ширина - 40, толщина - 6 см. Изваяние выполнено из плоской, серого цвета гранитной плиты. Верхняя часть изваяния обломана и утрачена. Сохранилась часть торса фигуры ниже пояса (рис. I-7).

И з в а я н и е 8. Стояло на восточной стороне ограды 12 в составе древнетюркского поминального комплекса Халыр, расположенного на правом берегу р. Суг-Кежиг, в 10 км вверх по течению от с. Чаасуур. Высота над современной дневной поверхностью - , ширина - 12, толщина - 6 см. Изваяние выполнено из плоской,

узкой гранитной плитки бурого цвета. Голова изваяния частично обломана и утрачена. Сохранилось изображение острого подбородка.

Изваяние 9. Найдено стоящим на восточной стороне ограды 1, в составе древнетюркского поминального комплекса Адыр-Тей, расположенного на первой надпойменной террасе левого берега р.Суг-Кежиг, в 20 км вверх по течению от с.Чаасуур. Высота над современной дневной поверхностью – 50 см, ширина – 25, толщина 14 см. Изваяние выполнено из массивной, серого цвета гранитной плиты. Обломанная голова находилась рядом с изваянием. На широкой плоскости невысоким рельефом выполнены брови, глаза, нос, широкие усы с загибающимися вверх концами, рот, острый клиновидный подбородок, шея (рис.1-8).

Изваяние 10. Обнаружено стоящим на восточной стороне ограды 2 в составе древнетюркского поминального комплекса Адыр-Тей, расположенного на первой надпойменной террасе левого берега р.Суг-Кежиг, в 20 км вверх по течению от с.Чаасуур. Высота над современной дневной поверхностью – 42, ширина – 18, толщина – 9 см. Изваяние выполнено из песчаникового столбика с сильно окатанной поверхностью, вероятно, речной гальки, не подвергавшейся дополнительной обработке. Невысоким рельефом изображены брови, круглые глаза, нос, губы и правая рука, согнутая в локте. Не выделены подбородок, шея, кисть руки (рис.1-9).

Изваяние 11. Обнаружено стоящим на северной стороне квадратной каменной выкладки 3 в составе памятника Адыр-Тей, расположенного на первой надпойменной террасе левого берега р.Суг-Кежиг, в 20 км вверх по течению от с.Чаасуур. Высота над современной дневной поверхностью – 20 см, ширина и толщина – по 15 см. Выполнено из плотного серого песчаника. Представляет собой верхнюю часть оленного камня, с тремя косыми линиями "лица", горизонтальной линией "пояса". Единственный признак, позволяющий сближать указанный камень с древнетюркскими изваяниями, – выполненные низким барельефом "уши" по бокам оленного камня (рис.1-10).

Изваяние 12. Обнаружено в черте с.Торгалык. В 1947 было открыто С.В.Киселевым и Л.А.Евтюховой /3/, а позднее опубликовано Л.А.Евтюховой в сводной статье о каменных изваяниях Саяно-Алтая и Монголии. Следует отметить, что сведения местных жителей о первоначальном местонахождении памятника расходятся с данными Л.А.Евтюховой. По словам А.Топу, доставившего и устано-

жившего изваяние в 1975 г. в с.Торгалыг, оно было обнаружено им на дне сухого русла р.Чоза, в 12 км от с.Торгалыг по дороге на Овюр. К настоящему времени некоторые детали (пальцы правой руки, накладные бляшки пояса) заметны менее отчетливо, чем на рисунке Л.А.Евтюховой. Несколько иначе, чем на опубликованном рисунке, выглядит головной убор, пропорции лица, шея, местоположение сосуда, ладонь левой руки (рис.1-II).

И з в е с т и я 13. В 1947 г. было открыто С.В.Киселевым и Л.А.Евтюховой, опубликовано ими в 1952 г. /13/. В 1980 г. изваяние было доставлено с первой надпойменной террасы р.Ак-Тал и установлено в черте села Торгалыг. Существенных отличий современного состояния памятника в сравнении с фиксацией Л.А.Евтюховой в 1947 г. не наблюдается (рис.2).

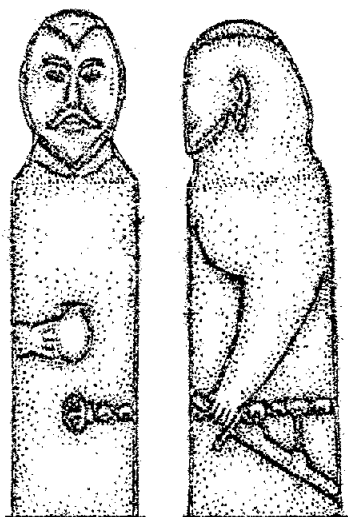

Рис. 2. Каменное изваяние с первой надпойменной террасы р.Ак-Тал.

Согласно разработанной Я.А.Шером типологии средневековых каменных изваяний, основанной на материалах из Семирачъя /5, с.25-26/, в составе серии фигур из долины р.Торгалыг можно выделить следующие типы:

- мужские изваяния с сосудом в правой руке и с оружием (I, I2, I3);
- мужские изваяния с сосудом без оружия (2 и, вероятно, 7);
- мужские изваяния с изображением только головы или лица (4,5,6,8,9).

В особый тип выделяется изваяние I0 - с изображением лица и правой руки. Столы и оленные камни без обработки могут быть объединены в один тип, названный Л.Р.Кызласовым "Главными плитами" /I2, с.26/. Различия между изваяниями наблюдаются не только в "изобразительном каноне", но и размерах фигур и подборке исходного материала. Наиболее характерный в этом отношении признак - высота каменных фигур - варьирует от I5 до IIO см. Хронология средневековых каменных изваяний при оградках в Туве определяется в пределах VI-VIII вв. н.э., их принадлежность древним тюркам ныне считается общепризнанной /I2, с.23/. Некоторые сомнения о соответствии реалий на изваяниях их общепринятой датировке, высказывавшиеся в свое время Д.Г.Савиновым, не получили дальнейшего развития. В рассматриваемой серии реалии, позволяющие установить дату изваяний (сосуды, серьги, кинжалы, палаши, наборные пояса), судя по находкам в погребениях, могут датироваться весьма широко, в пределах VI-X вв. н.э. /I4/. Присутствие в составе одних и тех комплексов разнотипных изваяний и стел исключает возможность их датировки по иконографическим признакам. Можно отметить, что наиболее высокохудожественно выполненные изваяния сосредоточены в южной части долины р.Торгалыг, близ северного берега оз.Убса-нур, в то время как на поминальных комплексах, расположенных в глубине долины, в подтаежной зоне, преобладают примитивные стелы, с изображением только лица, либо вообще не подвергавшиеся обработке.

Все изваяния из рассматриваемой серии, не исключая статуй, перемещенных с мест своего первоначального нахождения, входили вместе с квадратными оградками и рядами балбалов в состав поминальных комплексов. Иконография и условия местонахождения не дают оснований подвергать сомнению трактовку этих скульптур, как изображений умерших тюрков. Вполне правдоподобной выглядит гипотеза

теза Я.А.Шера об отразившейся в совершенстве

изготовления фигур социальной стратификации тюркского общества /5, с.57-58/. В таком случае изваяния Ак-Тала, Чоза и одно из Хальра должны трактоваться как изображения военно-чиновничьей знати, а остальные – как простых воинов. Правомерность такого отождествления ослабляется сочетанием в одном ряду в составе комплекса Ак-Тал. оградок с изваяниями первого и второго типов и необработанной стелой, а также оградок без изваяний и стел. Да и сами оградки не отличаются от обычных, рядовых памятников данного типа. По всей вероятности, различия в степени совершенства изваяний не связаны с хронологией или социальной принадлежностью, а объясняются случайными факторами. Номинальные сооружения и изваяния древнетюркской знати в Туве имеют существенные отличия от комплексов, обнаруженных в долине р.Торгалыг /12,с.33-35/. Поэтому эти памятники необходимо характеризовать как номинальные сооружения рядовых тюркских воинов, относящиеся ко второй половине I-го тыс.н.э.

ЛИТЕРАТУРА

1. В е с е л о в с к и й Н.И. Современное состояние вопроса о "каменных бабах" или "балбалах" // Записки Одесского общества истории и древностей.- Т.XXXII.- Одесса, 1915.- С.408-440.
2. Г р я з н о в М.П., Ш н е й д е р Е.Р. Древние изваяния Минусинских степей // МЭ.- Т.IV.2.- Л., 1929.- С.86-90.
3. К а з а к е в и ч В.А. Надмогильные статуи в Дариганге // Материалы по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР.- Вып.5.- Л., 1930.- С.1-16.
4. Б е р и ш т а м А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая // МИА.- № 26.- С.143.
5. Ш е р Я.А. Каменные изваяния Семиречья.- М.;Л., 1966.- 140 с.
6. Ф е д о р о в - Д а в ы д о в Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью Золотоордынских ханов.- М., 1936.- С.239.
7. П л е т н е в а С.А. Половецкие каменные изваяния // САИ.- З 4-2.- М., 1974.- С.72-76.

8. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии.- Вып.2.- СПб., 1881.- С.73.

9. Адрианов А.В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году // Записки РГО по общей географии.- Т.П.- СПб., 1888.- С.107.

10. Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА.- № 24.- М., 1952.- С.77-94.

11. Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы.- М., 1961.- С.73-83.

12. Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века.- М., 1969.- С.26-44.

13. Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Саяно-Алтайская экспедиция // КСИИМК.- Вып.26.- М.;Л., 1949.- С.82-126.

14. Савинов Д.Г. Культура населения Южной Сибири предмонгольского времени (X-XII вв.).- Л., 1974.- С.III.

Ю.Т.Мамадаков

(Алтайский государственный университет, Барнаул)

О ПАМЯТНИКАХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I-ГО ТЫС.Н.Э. В ГОРНОМ АЛТАЕ

За последние годы в Горном Алтае открыты новые памятники Булан-Кобы IV, Белый Бом II, Кок-Паш, которые датируются концом I-го тыс. до н.э. - первой половиной I-го тыс.н.э. /1, с.173-191; 2, с.116-126; 3, с.149-157; 4, с.35-39/. Не затрагивая подробно вопрос об их этно-культурной принадлежности, отметим лишь наибольшую близость по признакам погребального обряда и комплексу инвентаря курганных могильников Булан-Кобы IV и Белый Бом II. Обряд погребения данных памятников характеризуется устройством в виде стенок, выложенных из горизонтально уложенных друг на друга плоских камней. Внутри них заключены каменные ящики из вертикально поставленных плит, в которых захоронен человек по обряду трупоположения на спине в вытянутом положении, в основном головой на восток с небольшим отклонением на север и юг. Основное погребение отличается от других, кото-

рые расположены вокруг него, тем, что в нем дополнительно, сразу же поверх перекрытия ящика, уложен конь и ориентирован в ту же сторону, что и умерший /1, с.173-191; 2, с.116-126/. Вещевой состав погребений данных памятников также однороден: железные ножи, кинжалы, железные и костяные наконечники стрел, костяные вещи и т.д.

В этой связи отметим, что А.С.Васютин, В.Н.Елин и другие исследователи не согласны с тем, что данные памятники близки между собой по рассмотренным выше признакам. По непонятной причине они не обращают внимания на отсутствие однослойной каменной кладки по периметру дна могилы, наличие коня в погребениях могильника Белый Бом II /2, с.118-120; 3, с.149-157; 4, с.35-39; 5, с.36-37/ и ошибочно включают их в круг памятников кок-пашского типа, для которых характерен другой погребальный обряд /3, с.152-153; 4, с.37; 5, с.36-37/. Что же касается ориентации умерших в опубликованных погребениях могильника Белый Бом II /2, с.116-126/, то должны заметить, что Г.Д.Глоба, на наш взгляд, не учла местные топографические условия. В плане топографии памятник Белый Бом II находится в несколько расширяющейся одноименной долине р.Чуи, вытянутой с юго-востока на северо-запад, на левом берегу реки, между высокими, крутыми склонами гор Сальджарского и Северо-Чуйского хребтов. Если признать зависимость ориентировки покойника от точки восхода солнца, то заметим, что высокая гора на правом берегу Чуи полностью закрывает восточный сектор горизонта. В силу естественных условий солнце над этой долиной поднимается с определенным временным смещением на юг по сравнению с открытой местностью. Вполне возможно, что данное обстоятельство оказало решающее влияние на ориентацию бело-бомских погребений на ВОВ, ЮВ в отличие от захоронений могильника Булан-Кобы IV, ориентированных, в основном, на восток.

В полевой сезон 1986 г. мы произвели зачистку стенок раскопов 1980 г. на могильнике Белый Бом II, проведенных Г.Д.Глоба /2, с.116-120/, и установили наличие остатков однотипных колец в виде стенок вокруг могильных ям. Г.Д.Глоба в свое время ошибочно описала их как "хольцевые каменные выкладки" /2, с.116/.

Таким образом, могильники Булан-Кобы IV и Белый Бом II, несомненно, отличаются от погребальных комплексов кок-пашского типа. В настоящее время трудно объяснить особенности различия

в погребальном обряде указанных памятников (Булан-Кобы IV, Белый Бом II и Кок-Паш) – региональные, хронологические или этнокультурные. Слабая изученность памятников первой половины I-го тыс. н.э. Горного Алтая на имеющихся материалах поставила немало вопросов по таким основополагающим направлениям, как культурная принадлежность, хронология, происхождение, преемственность с ранними и последующими периодами. Для их разрешения необходимо, на наш взгляд, выявление, исследование новых памятников данного периода и более углубленное изучение уже имеющегося материала. Определенный интерес, с этой точки зрения, представляют две костяные пряжки, обнаруженные нами в могильниках Булан-Кобы IV и Белый Бом II. Отметим, что костяные пряжки вообще являются одним из самых распространенных категорий вещей, находящихся в захоронениях скифского и тюркского времен /6, с.205; 7, табл.XII-14, X-1; 8, рис.1; 9, курганы 24,38; 10, курган 7; 11, рис.13; 12, табл.XV-13; табл.XIX-20, табл.XX-37, табл.XXI-8,9; 13, рис.19-73,74; 14, рис.3-1,2,7,9,11/. Подобные пряжки также имели широкий ареал распространения в материалах культур указанных эпох на сопредельных территориях /15, табл.П-35; рис.148-9; 16, рис.4; 17, приложения табл.Ш; 18, табл.1-2, табл.П-6, табл.Ш-14, табл.У-9, табл.У1-9,10,11; 19, с.124-125, рис.20-11, 45, с.135, рис.27-71,76,77,97,98/.

Одна из костяных пряжек найдена в погребении человека с конем в могильнике Булан-Кобы IV (рис.,2). По типологии, предложенной С.В.Неверовым, она относится к четырехугольным, невыделеннорамчатым пряжкам с двумя прорезями для концов ремня и игловидным носиком-запором на дужке /20, с.199/. Типологически близкие пряжки в достаточно большом количестве представлены в горно-алтайских курганах эпохи ранних кочевников, и ряд исследователей датируют их VI-III вв. до н.э. /21, с.336; 8, с.12, рис.1/. Костяные пряжки с игловидным носиком (выступающим вперед отростком) Л.С.Марсодолов датирует V-III вв. до н.э. /8, рис.1/. С.В.Невер в придерживается мнения о их существовании до конца I-го тыс. до н.э. наряду с выделеннорамчатыми, типологическое развитие которых "шло по пути удлинения шпенька в сторону щитка, либо в сторону рамки" /20, с.199-200/. В целом соглашаясь с предложенной С.В.Неверовым типологией развития костяных пряжек, выскажемся лишь по поводу их верхней границы существования. Рассматриваемая пряжка, как упоминалось выше, найдена в погребении человека с конем могильника Булан-Кобы IV вместе с предметами, датруемыми

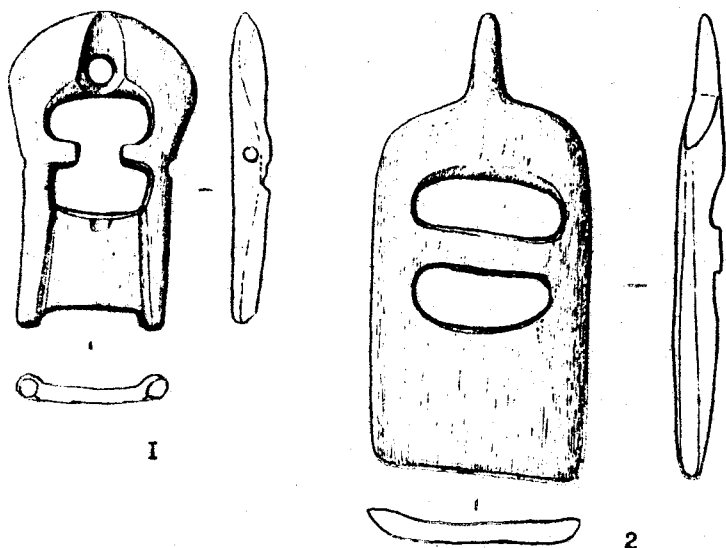

Рис. Костяные пряжки из курганных могильников:
Белый Бом II (1) и Булан-Кобы IV (2)

первой половиной I-го тыс. н.э. Таким образом, судя по нашей находке, костяные пряжки с двумя прорезями для концов ремня и игловидным носиком не прекратили своего существования к концу I-го тыс. до н.э., а продолжали использоваться в первой половине I-го тыс. н.э. Этот факт свидетельствует о длительном пути их развития в несколько этапов. С.В. Неверов видит в них "последний этап развития пряжек с неподвижным шпеньком" /20, с. 200/. В дальнейшем на их основе, видимо, возникают пряжки с подвижным язычком гунно-сарматского времени.

Вторая пряжка, найденная в погребении человека с конем в могильнике Белый Бом II, на наш взгляд, подтверждает правомерность такого вывода, хотя принципиально отличается от описанной ранее. Она невыделеннорамчатая, двухтавровая с арочной дужкой, переходящей в четырехугольный щиток с двумя коротенькими прорезями у его основания (рис., 1). На ее дужке имеется прорезь для подвижного язычка с кнопочным шпеньком с его внут-

ренной стороны и круглое отверстие. Подвижный язычок со шпеньком крепился к раме с помощью оси. На лицевой стороне щитка, по его длине, заметны два слегка углубленных желобка. Особый интерес, по нашему мнению, представляют указанные детали этой пряжки. Свободный конец ремня закреплялся с внутренней стороны дужки подвижным язычком, при этом ремень дополнительно закреплялся шпеньком, вставляемым в круглое отверстие на дужке. В данном случае, видимо, мы видим своеобразный процесс совмещения двух принципов закрепления свободного конца ремня: на подвижный язычок и на шпене. Они, вероятно, отражают традиции изготовления и использования костяных пряжек скифского времени в первой половине I-го тыс.н.э. в Горном Алтае. Традиции скифского времени прослеживаются не только в дополнительном закреплении шпеньком, но и в наличии двух коротких прорезов у основания щитка, "желобка".

В связи с рассмотрением пряжки из погребения могильника Белый Бом II нельзя не отметить наличия разных точек зрения у исследователей по вопросам происхождения, хронологии костяных пряжек с подвижным язычком. Так, А.Н.Бернштам писал, что "турки являются изобретателями пряжки с подвижным язычком, широко применяемой в одежде и в конской сбруе" /22, с.77/. Появление подобных пряжек А.К.Амброз определяет временем не ранее начала УП в /23, с.121/. Костяные пряжки со сплошным прорезом А.А.Гаврилова отнесла У-УП вв., а с Т-образными - УП-Х вв. /24, с.169/. Выделенные типы пряжек, по мнению Л.А.Чиндиной, "встречаются и в ранних берельских и поздних сроткинских комплексах" /25, с.35/. В погребениях I-III вв. Восточного Казахстана найдены костяные пряжки с подвижным язычком и прорезью для него /26, с.89/, известны они в позднесарматском захоронении Южного Урала /27, с.13-14/. Судя по материалам, имеющимся в настоящее время, формирование подобных пряжек происходило в первой половине I-го тыс.н.э. и, видимо, сосуществовали пряжки с однотавровым и двухтавровым прорезом, с прямыми, арочными (округлыми) дужками. Но большинство известных пряжек с подвижным язычком первой половины I-го тыс.н.э. все-таки отличаются от пряжек УП-Х вв. (по форме щитка, дужки, рамки). В этой связи вспомним мнение Л.Р.Кызласова о более раннем времени появления исходных форм костяных пряжек с подвижным язычком /15, с.135/, поддержанное С.В.Неберовым /20, с.198/. Это мнение еще раз подтверждается нашей наход-

ной, которая прямо аналогична тюркским пряжкам. Как видим, при подробном анализе такие, на первый взгляд не датирующие вещи, как костяные пряжки, могут свидетельствовать о более узкой дате погребений, о их преемственности. В данном случае рассмотренные материалы еще раз отражают связь между памятниками изучаемого нами гунно-сарматского времени и погребениями предшествовавшего скифского и последующего тюркского времен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мамадаков Д.Т. Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла.- Барнаул, 1985.- С.173-191.

2. Глоба Г.Д. Раскопки курганного могильника Белый Бом II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 годах.- Горно-Алтайск, 1983.- С.116-126.

3. Елин В.Н., Васютин А.С. Воинское погребение предкудугринского времени на могильнике Кок-Паш из Восточного Алтая // Материалы по археологии Горного Алтая.- Горно-Алтайск, 1983.- С.149-157.

4. Елин В.Н., Васютин А.С. Новые материалы предтюркского времени из Восточного Алтая // Проблемы археологии степей Евразии.- Кемерово, 1984.- С.35-39.

5. Васютин А.С., Илюшин А.М., Елин В.Н., Миклашевич Е.А. Погребения предтюркского времени на могильнике Кок-Паш из Восточного Алтая // Проблемы охраны археологических памятников Сибири.- Новосибирск, 1985.- С.36-37.

6. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА.- 1949.- № 9.- С.205-310.

7. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время.- М.;Л., 1953.- С.359, табл. XXII-14, X-1.

8. Марсадолов Л.С. Хронология курганов Алтая (VII-IX вв. до н.э.): Автореф. дис... канд.ист.наук.- Л., 1985.- Рис.1.

9. Мамадаков Д.Т. Отчет о полевых работах в Горном Алтае в 1984 г.- Архив ИА АН СССР.

10. Мамадаков Д.Т. Отчет о полевых работах в Горном Алтае в 1985 г.- Архив ИА АН СССР.

11. Кубарев В.Д., Кочеев В.Н. Курганы урочища Бураты // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 годах.- Горно-Алтайск, 1983.- Рис.13.

12. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен.- М.;Л., 1965.- Табл.ХУ-13, XIX-20, XX-37, XXI-8,9.

13. Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья.- М., 1981.- С.29-43, рис.19-73,74.

14. Кубарев В.Д. Древнетюркские кенотафы Боротала // Древние культуры Монголии.- Новосибирск, 1985.- Рис.3-1,2,7,9,11.

15. Кызласов Л.Р. Древняя Тува.- М., 1979.- Табл.П-35, рис.148-9.

16. Могильников В.А., Куйбышев А.В. Курган Камень ЦО(в Приобье) по раскопкам 1976 г. // СА.- 1982.- № 2.- Рис.4.

17. Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии.- М., 1980.- Приложение, табл.Ш.

18. Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции.- М.;Л., 1966.- Т.2.- Табл.1-2, П-8, Ш-14, У-9, У1-9,10,11, УП-2.

19. Степи Евразии в эпоху средневековья.- М., 1981.- С.124-125,135, рис.20-11,45, 27-71,76,77,97,98.

20. Неверов С.В. Костяные пряжки сросткинской культуры (УШ-Х вв.н.э.) // Алтай в эпоху камня и раннего металла.- Барнаул, 1985.- С.198-200.

21. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время.- М.;Л., 1960.- С.336.

22. Бернштам А.Н. Труды Семиреченской археологической экспедиции "Чуйская долина" // МИА.- 1950.- № 14.- С.77.

23. Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.- Ч.2. // СА.- 1971.- № 3.- С.121.

24. Гаврилова А.А. Могилы поздних кочевников у г.Суханихи на Енисее // СА.- 1964.- № 2.- С.169.

25. Чиндина Л.А. Могильник Релка на Средней Оби.- Томск, 1977.- С.35.

26. Черников С.С. Восточно-Казахстанская экспедиция 1950 г // КСИИМК.- Вып.48.- 1952.- С.89.

27. Сорокин С.С. О датировке и толковании Кенкольского могильника // КСИИМК.- Вып.64.- 1956.- С.13-14.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	- Археологические открытия
АГОС	- Алтайский отдел Географического общества
АСЭ	- Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БЖИ	- Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода
ВДИ	- Вестник древней истории
ДНЦ	- Дальневосточный научный центр
КИП	- Комиссия по Изучению четвертичного периода
КСНА	- Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	- Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА	- Материалы и исследования по археологии СССР
МОИП	- Московское общество испытателей природы
ОРИМ	- Отчет Русского исторического музея
РГО	- Русское географическое общество
СА	- Советская археология
САИ	- Свод археологических источников
СЭ	- Советская этнография
СЭ	- Сборник Государственного Эрмитажа
ТКО ПОРТО	- Троицко-савское - Кяхтинское отделение Приамурского отдела Русского географического общества
Труды	- Труды Государственного исторического музея
ТИИИИ	- Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Конопаткин А.К. Академик А.П.Окладников - исследователь древних культур Алтая	3
Шуныков М.В. История изучения палеолита Алтая	9
Кунгуров А.Д. Палеолитические находки на верхнем Алее	33
Маркин С.В. Палеолитические находки в Горной Шории .	42
Кунгурова Н.Д. Развитие каменной индустрии в неолите Юго-Западного Алтая	55
Абдулганеев М.Т. Поселение Комарово I - новый памятник эпохи раннего металла	67
Уманский А.П. Археологические памятники урочища Раздумье	81
Кирюшин Ю.Ф. Новые могильники ранней бронзы на Верхней Оби	100
Баженов А.И. Об археологических находках в Теректинском хребте	125
Иванов Г.Е. Бронзовый наконечник дротика с поселения Курейка-3 (степной Алтай)	128
Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Корчажнинская культура лесостепного алтайского Приобья	137
Бородаев В.Б. О кулайских геральдических композициях	158
Степанова Н.Ф. Могильник скифского времени Кастахта	168
Давыдова А.В., Миняев С.С. Поле с бронзовыми бляшками из дыреструйского могильника	184
Плотников Ю.А., Худяков Ю.С. Древнетюркские каменные изваяния в долине р.Торгалыг	188
Мямадаков Б.Т. О памятниках первой половины I-го тыс.н.э. в Горном Алтае	197

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
НА АЛТАЕ

Тем. план Минвуза РСФСР, 1987 г., п.381

Редактор Л.И.Базина

Корректоры З.Н.Васильева
И.С.Лапина

Подписано в печать 9.II.87

ЛГ № 08717

Формат 60x84 1/16. Бумага для множительных аппаратов, офсетная
печать. Уч.-изд.л. 10,0. Усл.-печ.л. 9,3. Заказ 473
Тираж 500 экз. Цена 1 р. 50 к.

Редакционно-издательский отдел, лаборатория множительной
техники Алтайского государственного университета.
656009, Барнаул, ул.Димитрова, 66.